Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Научный журнал «Женщина в российском обществе»

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДОСТИЖЕНИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции

Иваново, 6 июня 2026 г.

Иваново
2026

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Научный журнал «Женщина в российском обществе»

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ДОСТИЖЕНИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции

Иваново, 6 июня 2026 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2026

УДК 316.66-055.2(470+571)
ББК 60.542.21(2Рос)
Ж56
Женщины в российском обществе: достижения, актуальные проблемы и перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции, Иваново, 6 июня, 2026 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2026. – 152 с.
ISBN 978-5-7807-1539-9

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научной конференции «Женщины в российском обществе: достижения, актуальные проблемы и перспективы», организованной Министерством науки и высшего образования РФ, Ивановским государственным университетом, научным журналом «Женщина в российском обществе».

Авторы статей - известные учёные ведущих российских вузов в области теории и методологии гендерных исследований. Статьи посвящены проблемам эволюции социального статуса женщин и мужчин в современном российском обществе.

Издание представляет интерес для научно-образовательного сообщества, широкого круга специалистов, аспирантов и студентов.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор **О. А. Хасбулатова** (ответственный редактор)

канд. социол. наук, доцент **И. Н. Смирнова**

канд. социол. наук, доцент **Е. В. Панкратова**

канд. социол. наук, доцент **А. Е. Звонарева**

Рецензенты:

д-р псих. наук, профессор **И. С. Клецина**

д-р ист. наук, профессор **Т. Б. Котлова**

Издается в авторской редакции

ISBN 978-5-7807-1539-9

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2026

Содержание

Пушкарева Наталья Львовна Женская история сегодня: достижения, актуальные проблемы и перспективы…….....5

Хоткина Зоя Александровна Важные вехи развития науки о женщинах и мужчинах в российском обществе.....18

Милованова Мария Юрьевна Политические предпочтения и ценностные ориентации современной молодежи: к вопросу о гендерном идеологическом разрыве в зарубежных и российских исследованиях.....27

Юкина Ирина Игоревна Исследования женского движения первой волны в российской историографии: от отрицания до признания.....36

Тарасова Анна Николаевна Хранительница прошлого или архитектор будущего: роль женщин в сохранении и воспроизводстве капитала исторической памяти.....43

Бальбот Надежда Александровна Гендерные особенности социокультурной идентичности в России.....50

Ребрей Софья Михайловна Горизонтальная сегрегация и временные затраты на неоплачиваемый домашний труд: есть ли связь?.....57

Белова Анна Валерьевна Женский дворянский этос в контексте социальной антропологии повседневности.....61

Козлова Наталья Николаевна, Рассадин Сергей Валентинович Российское женское движение: в поисках международного диалога и сотрудничества.....67

Крыштановская Ольга Викторовна Известные женщины в социальных сетях: особенности презентации.....83

Братина Оксана Александровна Литературный подвиг жен.....90

Лылова Оксана Владимировна Трансформация образовательных предпочтений молодежи: гендерная перспектива.....100

Швецова Анастасия Владимировна Этические и правовые аспекты вопроса о наличии детей на собеседовании.....109

Рябов Олег Вячеславович Любовь и «ястребы»: Кинематографические репрезентации любви как оружие холодной войны.....113

Рябова Татьяна Борисовна Каноны маскулинности и пропаганда холодной войны глазами современных россиян и американцев.....120

Звонарева Александра Евгеньевна, Панкратова Екатерина Владимировна, Яблочкова Александра Дмитриевна Образ женщины-ученого в представлении учащихся школ Ивановской области.....126

Гафизова Наталья Борисовна, Цалко Екатерина Олеговна Мотивация к многодетности: к постановке проблемы.....132

Белова Татьяна Павловна, Алферова Екатерина Сергеевна Женское предпринимательство как канал социальной мобильности.....138

Птицына Наталья Алексеевна Социальная активность женщин старшего возраста в малых городах Ивановской области.....143

Рычихина Наталья Сергеевна Активность женской студенческой молодежи в науке: опыт высших учебных заведений г. Иваново.....148

УДК 930.1:305-055.2

Н. Л. Пушкарева
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ: ДОСТИЖЕНИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье анализируются основные этапы интереса к женской теме в в науках о прошлом за прошедшие 50 лет, его успехи и особенности развития на современном этапе. Автор наблюдает сосуществование двух подходов (дискурсов) в современной российской историографии. Одни адепты женской истории (видя в ней теоретическую базу для современного активизма) рассматривают женскую тему как важнейшую часть социальной истории. Этот способ говорения о женщинах в истории сформировался на рубеже 1990 – 2000-х гг. и связан с поддержкой направления в те годы западными фондами. Другие сторонницы направления женской истории не связывают научный интерес к женской теме в изучении прошлого с политикой, их подход не предполагает рассмотрение социальных явлений с позиций женского социального опыта, женской аксиосферы и особенностей женской саморепрезентации. Сторонницы такого подхода продолжают традиционные исследования семьи, пола, родственных отношений. Это дискурс и подход является пронаталистским и ориентирующим на выполнение женщинами традиционных социальных ролей, однако фактический материал, собираемый его сторонницами, объективно служит общей идее развития направления «женской истории».

Annotation. This article analyzes the main stages of interest in women's themes in historical studies over the past 50 years, its successes, and the specific features of its development in the present. The author observes the coexistence of two approaches (discourses) in contemporary Russian historiography. Some adherents of women's history (seeing it as a theoretical basis for contemporary activism) regard women's themes as a crucial part of social history. To a certain extent, this way of discussing women in history emerged in the late 1990s and early 2000s and is associated with the support of Western foundations during that period. Other proponents of women's history do not connect scholarly interest in women's themes in the study of the past with politics; their approach does not consider social phenomena from the perspective of women's social experience, the female axiosphere, or the characteristics of female self-representation. Proponents of this approach continue traditional studies of family, gender, and kinship. This discourse and approach is pronatalist and focuses on women fulfilling traditional social roles, but the factual material collected by its supporters objectively serves the general idea of developing the direction of «women's history».

© Пушкарева Н. Л., 2026

***Ключевые слова**:* женская история, российская историография, два дискурса в изучении женской истории

Keywords: women's history, Russian historiography, two discourses in the study of women's history

Введение. Направление «женская история» начало формироваться у нас в стране в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Социально-политический контекст того времени не допускал снисходительности к западным феминистским идеям, да и само слово «феминизм» – благодаря успешной антифеминистской пропаганде, начатой еще в начале XX в. большевиками и затем продолженной советскими идеологами – воспринималось с иронической усмешкой. Считалось, что у трудящейся женщины больше общих социальных интересов с мужчиной-работником, чем с «буржуазной феминисткой» [Коллонтай, 1909].

Развитие интереса к женским исследованиям в нашей стране не было реакцией на «мужской шовинизм» или мачизм, как то происходило на Западе [Поляков 1992: 157–176]. В отличие от стран Европы и США, где типическим было противопоставление мужественности и женственности, *рождение «женской темы»* в СССР *было реакцией на унификацию половых различий, характерных для советской идеологии.* Основными носителями идеи и практики дискриминации женщин в СССР выступали не мужчины как социальная группа, а государство, тоталитарное по сути, демократическое по провозглашаемым лозунгам.

Кроме того, русской традиции в значительно меньшей степени, нежели западной, было свойственно выделение пола в качестве предмета обсуждения. Русская народная культура относилась к сексуальной сфере равнодушно, а уж классическая русская литература с ее женщинами – «гениями чистой красоты» – выстраивала образную систему, удаленную от темы сексуального. После коллапса советской системы культивирование явно «женского» (тем, проблематики, стиля написания, подходов анализа) проявилось не в форме борьбы с мужским домированием, а в виде восстановления тех равнозначимых различий полов, которые советская идеология с ее идеей-fixe (создания «личности коммунистического завтра») старалась нивелировать.

Своеобразный ментальный сплав советской эпохи причудливо соединил русский менталитет, в коем значима соборность, коллективизм, а ценность индивидуализма менее заметна, оксюморонное сочетание православия с секуляризмом и атеизмом [Актуганова 1999: 13–14], прагматизм советской идеологии с его концептом «работающей матери» (женщины, которая обязана работать и обязана рожать) и государственный патернализм (заместивший традиционный патриархат)… Именно в

таком контексте суждено было неожиданно возникнуть женским исследованиям в исторических науках.

Отечественные исследования роли, прав, социального статуса женщин в истории имеют такой своеобразный субстрат, которым не могут «похвастаться» аналогичные направления изучения прошлого в европейских науках. Собранный когда-то библиографический материал по женской теме увидел свет в 2002 году и обобщил свыше 10.000 наименований публикаций с 1800 года по 2002. Эти статьи, книги, заметки, издания источников убедили в том, что «женская тема» в истории у нас изучалась (причем даже больше и интенсивнее, чем в любой европейской науке). Интерес к проблематике присутствовал, но не было признания особости этой темы в историописании, не было внимания к отдельным аспектам ее, типически женским (женская повседневность, женское письмо, женская дружба, особенности женского общения, история женских союзов и объединений), иными словами до конца XX века не было заинтересованности в создании самостоятельной дискурсивной практики [Кирилина 1999: 54].

Но при всем при этом идеологизированная советская историческая наука была заинтересована в обосновании существующих марксистских догм в отношении женщин, а потому регулярно пополнялась работами по истории участия женщин в революционном и освободительном движениях, в боевых действиях в годы войн, в освоении неженских профессий[1].

У истоков направления женской истории в России

С середины 80-х гг., изменившей образ жизни, а подчас и образ мысли многих россиянок, начались общественные трансформации, которые могут быть определены как главный фактор, повлиявший на возникновение женской истории как самостоятельного направления в исторических науках. В научных и общественных кругах разгорелись споры, можно ли перенимать без должной рефлексии западные понятия из этой области знания[2], использовать сам термин «феминизм» применительно к женскому движению второй половины XIX – начала XX в. поскольку русский вариант борьбы женщин за свои права очень отличен от западного, да и наши предшественницы себя именовали больше

[1] Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

[2] Абубикирова Н., Регентова М. Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин. Феминистская практика // Жукова Ю. (ред.) Феминистская теория и практика. Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. СП., 1996. С. 90–97.

равноправками и писали сочинения не о русском феминизме, а о российском женском движении [Cheauré, 1997: 151–178].

После XVI конгресса исторических наук (1985 г.), на котором проблема «Женщина и общество« была объявлена одной из трех основных тем для докладов, и *создания в 1990 г. на XVII конгрессе исторических наук «Международной федерации исследователей, изучающих историю женщин*« (МФИЖИ), которая объединила исследователей более, чем из 30 стран), стало ясно, что Россия не должна оставаться в стороне от нового направления.

МФИЖИ признавала только коллективное членство. Создание же Российской ассоциации исследователей женской истории – РАИЖИ – затянулось на долгие 20 лет. Число интересующихся «женской темой» в истории прирастало, но медленно. Лишь в 2002 году на конгрессе социальной истории в Белфасте Марианной Муравьевой (ныне она профессор в Хельсинки), Натальей Новиковой (к сожалению ушедшей в далекие от истории профессиональные сферы, в коучинг) и мной было принято решение попытаться объединить тех, кого волновали судьбы наших предшественниц в прошлом. Устав РАИЖИ мы сочиняли не один год, согласовывали с Министерством юстиции, юридическое признание нашей Ассоциации состоялось в 2008 г.

В настоящее время «историки женщин», объединенные в Ассоциацию, – это более 400 «женоведок» в разных городах страны. РАИЖИ давно вошла в Международную Федерацию женской истории на правах коллективного члена, члены Ассоциации готовят своих учениц, увлеченных изучением женской истории.

Здесь трудно не признать факта того, что огромную роль в институционализации направления в исторических науках страны сыграли региональные научные центры и прежде всего, конечно, в Иванове, где благодаря инициативе и организаторскому гению и предвидению лично Ольги Анатольевны Хасбулатовой был основан журнал «Женщина в российском обществе», начавший выходить ровно 30 лет назад, в 1996 году. Повезло и мне самой быть у истоков этого начинания, стать одним из авторов первого номера, а в дальнейшем – заместителем главного редактора…

Центры, подобные созданному О. А. Хасбулатовой в Иваново, существовали, конечно, и в других городах – Саратове, Петрозаводске, Набережных Челнах, Костроме, Караганде и других городах [Курмашев 2001: 78–80]. Но было и отличие. Эти центры в других регионаз объединяли прежде всего социологов и демографов, экономистов и юристов, иногда – литературоведов и психологов. Число историков, решивших связать свою научную биографию с «женскими исследованиями» и обновленной интерпретацией прошлого, было там сравнительно невелико.

Исторические науки в Москве и С.-Петербурге не спешили признавать «женскую историю» как направление, женская тема оставалась иллюстративной и допускавшейся на страницы изданий прежде всего в марте – мартовские номера могли содержать одну-две статьи по женской теме как формальный отклик на ее существование и в связи с отмечающимся в марте Международным женским днем.

Отрицать интеллектуальную и финансовую поддержку западных фондов и исследовательских организаций в 1990–2000-е годы в деле институционализации направления женской истории не стоит. Западные фонды дали нашим интеллектуалам возможность участия в жизни международного научного сообщества, чтения книг и журналов, недоступных в то время в стране, открыли для многих из нас перспективы научного роста. Финансовые вливания пробудили «академическое любопытство»: изумление и интерес сотрудников академических институтов к новообразующимся центрам и направлениям исследований. Образовывавшиеся в 1990-е годы российские научные фонды и прежде всего РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд) вынуждены были заметить-таки рождение организационных структур, именовавшихся вслед за западными аналогами «центрами гендерных исследований». Женская история в них получала поддержку, а сами центры – аккумулировали финансовую поддержку с Запада.

Стремительно сформировавшееся сообщество гендерных центров, их разнородные и разноплановые объединения, сети, консорциумы, оказалось (как это уже мной отмечалось) в счастливом положении Данаи, которой Зевс (интеллектуальный потенциал Запада) явился в виде золотого дождя грантов. Сверкающие идеи западных концептов, озолоченные финансовой поддержкой, стремительно преобразовали не только научную, но и образовательную среду. В университетах появились новые формы образовательных практик, не известных до того на российско-советском образовательном пространстве. Среди них – и спецкурсы по выбору, и различные тренинги, на которые народ ломился подчас из любопытства, и смешанные формы лекционно-семинарских занятий с пресловутой (для всех, кто был включен в эту систему!) интерактивностью. Та же система грантовой поддержки очень помогла индивидуальным грантополучателям, большинство из которых обратили все силы на распространение знаний и убеждений, связанных с женской историей и необходимостью написать новую историю, в которой бы женщины не были забыты. Новые подходы инициировали изучение прорывных в социальной и исторической науке идей, подарили новые представления о субъектности в истории, новые аспекты (и объяснительные концепции) социально-экономических и политико-правовых норм на разных этапах исторического развития.

Вопрос о влиянии западной помощи на поддержку направления «женской истории»

Финансовые вливания – нацеленные на поддержку изучения взаимоотношений полов в гуманитарном знании РФ (USAID, затем MacArthurs, Eurasia, United Way International, ISAR, IREX, Ford, Fullbright, с середины 1990-х – Фонд Сороса, который только для женских организаций передал около 10 млн долларов) – продолжались на всем протяжении 1990-х [Sperling 1999: 76–77]. Увлеченные женской темой исследователи были уверены, что западные фонды преследуют благие цели, основанные на идеалах либерального общества западной модели. Главной из них было способствовать формированию в России гендерного равенства таким, каким оно понималось на Западе (и западная модель предлагалась за образец). В обращениях к российскому научному сообществу говорилось, что работа с фондами будет способствовать упрочению статуса женщины в российском обществе, «пошатнувшегося» – как тогда писалось, «в результате кризисов в постсоветское время» [Henderson 2000: 67].

Этот тезис – о благом влиянии западной интеллектуальной мысли для развития женских исследований в России – повторялся из года в год во множестве публикаций [Реснянский, Амиантова 2019: 278–301]. Однако вскоре выяснилось, что группы, получающие помощь от западных организаций, отвечали запросам иностранных фондов больше, чем домашним нуждам.

Грантовая политика иностранных фондов определяла повестку, заставляя российские НКО работать над темами, интересными донорам, а не над реальными социальными проблемами локусов и регионов, не над изучением исторических побед и завоеваний России, к которым женщины имели отношение, помогая ей стать великой державой, а над темами, которые в советской и постсоветской историографии считались периферийными. Неоднозначное влияние западных фондов на развитие «истории женщин» можно найти и в финансировании исследований, продвигавших выгодные Западу трактовки (в том числе и о привнесенности идей женской социальной активности из-за рубежа, о развитии женского движения лишь с середины (а не с начала) XIX века – то есть со времени, когда на Запад на учебу стали выезжать россиянки), в настойчивом продвижении понимания равноправия и эмансипации такими, какими они были приняты в европейских публикациях.

Поскольку десятилетие – знаменитые «гендерные 90-е» (И. А. Жеребкина) – было таким, что все прежние идеологические ориентиры «пошли в переборку» (выражаясь языком шестидесятниц XIX века), постольку пришедшие к нам западные Фонды спонсировали в первую

очередь проекты, которые переоценивали роль России в истории, стараясь – мягко говоря – не слишком тематизировать ее величие, уравнивать ее значение в европейской политике с другими европейскими странами.

Не лучшую роль сыграл и феномен «ложного активизма»: обнищавшие за годы перестройки историки в академических НИИ старались написать проекты под объявленные программы на те темы, которые хотели видеть грантодатели. А грантодатели, донаторы вроде Джорджа Сороса – не давали гранты по изучение, скажем, роли женщины в сохранении традиционной великорусской культуры. Совсем иная тематика попадала в списки поддержки: история бытового насилия, история проституции, женщины в истории советских депортаций…

Языком написания грантов для многих программ был английский, это ограничивало помощь теми, кто умеет составить на английском заявку, кто хорошо знает язык, а еще лучше – имеет связи с зарубежными университетами. Гранты в 1990-е и начале 2000-х получали те, кто лучше и быстрее освоил искусство составления заявок для западных донаторов. Это рождало зависть, помноженную на резкое неприятие некоторых идей, включенных в западную повестку (об однополых браках, о социальной приемлемости геев, в связи с чем родилось даже – и отнюдь не в кругах интеллектуалов – слово *Гейропа*).

Но главное отрицательное следствие было даже не в этом, а в том, что в итоге множество центров поддержки женских исследований осталось неизвестными даже активистам иных общественных организаций, находившихся в тех же городах, не говоря уже о самих адресатах помощи – женщинах. Весьма опасной стала и тенденция создания новых элит, увеличения расстояния между теми, кто имел и кто не заполучил связей, денег, грантов – то есть между активистами финансируемых организаций и остальным обществом [Richter, 2002: 55]. Соревнования за гранты увеличили недоверие между руководителями организаций, возникла новая женская номенклатура – руководители успешных центров, получавших поддержку.

Историков среди них не было. А если и были отдельные счастливицы, то они разрабатывали те темы, которые были интересны западным кураторам [Henderson 2000: 66]. В борьбе за гранты историки и этнологи постоянно проигрывали в конкурсах заявок, касающихся крупных организационных объединений, что не мешало отдельным исследователям получать поддержку индивидуальных проектов. Отсутствие статусных фигур среди историков женщин, обладавших реальным и сильным административным ресурсом (а таковые были лишь в Иваново благодаря авторитету О. А. Хасбулатовой) превратило институционализацию женских исследований в истории в истинное «воображаемое».

Как требующие особых методологических оснований, сторонницы направления женской истории и антропологии женской повседневности никак не могли добиться признания в рамках РАН и ведущих университетов [Хоткина 2000: 249–257]. Социологи и психологи с экономистами уже участвовали в первых международных конференциях в Москве по гендерным исследованиям, организованным ЮНЕСКО, собирались в 1991 и 1992 гг. на Первый и Второй независимые женские форумы в Дубне, в других российских городах (Таганрог, Набережные Челны,) но историки, этнологи, культурологи толком даже не знали об этом.

Зато с созданием РАИЖИ историки стали собираться на свои конференции – историков, источниковедов, архивистов, этнографов, и с 2008 г. такие встречи проходят ежегодно. Сторонницы нового направления в истории предлагали все новые темы и ракурсы тем традиционных, этнологи собирали устные интервью, документоведы перелопатили тонны материалов в региональных и центральных архивах. Так был пройден за 20 лет вначале этап *образовательно-просветительский* (речь о спецкурсах по женской истории, которые были редки и прозвучали не в столичных университетах), затем *институциональный* (речь и об Иваново, и о нашем Центре гендерных исследований, который вырос из лаборатории в Институте этнографии и антропологии, ныне Институте этнологии и антропологии – он берет свое начало в 1992 г.), этап *консолидационный* (объединяющий единомышленников в единую всероссийскую организацию) и, наконец, *легитимирующий* – утверждающий необходимость наличия разделов по женской истории в новых обобщающих исследованиях (каким, например, является «История России» в 20 томах, которую готовит ИРИ РАН.

Формы репрезентации женской темы в науках о прошлом сегодня

Было бы некоторым преувеличением сказать, что направление женской истории ныне влияет на интеллектуальную ситуацию**,** но оно сделало свое дело: позволили появиться десяткам книг и нескольким сотням статей, в которых реконструируется женской социальное прошлое. Если под институционализацией иметь в виду «автономизацию и интеграцию» [Здравомыслова, Темкина, 2001], то автономизация у историков очевидна – отречение от старого мира андроцентричной науки, не замечавшей женщин, их особости, их аксиосферы и социальных побуждений. Интеграция же женской темы в «большую науку» идет очень медленно.

Имеется в виду включение женской тематики в основное русло общественного дискурса, наличие соответствующих рубрик в журналах и ежегодниках, специальные секции на конгрессах. Рубрики в журналах,

секции на конгрессах случаются, но больше везет все-таки истории повседневности, в которую женская тема оказывается включена. Даже этнологи по-прежнему, в основном, работают в концептуальных рамках традиционной этнологии семьи и пола, а не новых аналитических подходов.

Показателем признанности женской истории и антропологии женской повседневности станет признание *метода* как результата всех интеллектуальных исканий в области истории ментальностей, новой культурной истории, истории тела и телесности, антропологии женского профессионального труда, истории и антропологии повседневно-бытовых практик.

Размышляя о том, в каких формах философские и политические основания и цели оказались репрезентированы сегодня**,** нужно освободиться от груза прежних взглядов и устоявшихся оценок роли и значимости женской/мужской истории для историописания и прежде всего иначе посмотреть на эмпирический материал, на источники, научиться работать с ними по-новому. Женская тема в изучении прошлого менее политизирована, нежели, например, гендерная социология или гендерная политология. Все, кто трудится на ниве изучения истории пола, ставят задачу максимально полно соотнести знания о женском и мужском социальном опыте с тем, как этот опыт отображался в различных общественных дискурсах, отдавая себе отчет в том, что они взаимообуславливают друг друга. Более очевидно ориентированный на новые подходы и современную социальную концепцию историк будет подчеркивать, что социальные роли мужчин и женщин в традиционном обществе, да и сейчас выстроены не взаимодополнительно, а *иерархично*, при этом поле отношений между женственностью и мужественностью динамично, менялось и меняется поныне под влиянием окружающего нас мира.

Историк и особенно этнограф, работающий в русле традиционного подхода, будет настаивать на *взаимодополнительности* социально-половых ролей в любой культуре, и действительно, любое традиционное общество было бы без нее неустойчивым. Продвигать же дальнейшее изучение женской истории значит сегодня изучать эволюцию гендерных систем (социально-половых ролей, идей, представлений), исследовать особенности социального конструирования половых различий как подвижной области «напряженностей» в социальной коммуникации мужчин и женщин, уметь наблюдать многообразие гендерных иерархий, выявлять случаи редкого, хрупкого равновесия между двумя мирами, созданными ради того, чтобы понимать и поглощать друг друга.

Мы понимаем, что в самом доказательстве историчности привычных понятий (социальная роль, социальное призвание, «природное»

предназначение мужчины или женщины) заложен революционизирующий, можно даже сказать подрывной, по отношению к традиционной науке – смысл. Поэтому и не стоит постоянно педалировать свою «революционность»: делая свое дело, изучая то, что избрано, можно и нужно доказывать ослабление поляризации между женщинами и мужчинами по мере отдаления от традиционного общества. В этом наша задача, и она сама по себе совершит (и уже совершает) переворот в науке, свою тихую революцию.

Как исследователь и как носитель нового взгляда на наше общее прошлое, в котором должны быть слышны разные голоса (и мужские, и женские – не сливаясь в гул, а образуя многоголосье), я хотела бы подчеркнуть необходимость поиска общих оснований для исследователей, изучающих традиционность и тех, кто фиксацию этих трюистичных оснований считает пройденным этапом развития науки. По мере продвижения идеи возврата к прошлому в современной гуманитарной науке стоит подчеркивать наличие в российской культуре примеров не только жертвенного служения россиянок семье и государству, но и традиционность социальной активности наших предшественниц на самых разных поприщах. Среди заметных женских личностей в отечественной истории и богатырши-поляницы, и предводительницы отрядов в крестьянских войнах, бунтарки, анархистки, участницы бабьих бунтов, но и, конечно, носительницы иных, позитивных проявлений социального неравнодушия – это правительницы, создательницы философских теорий, путешественницы и ученые. *Значимость пройденного пути – в институционализации женской темы в науках о прошлом*, в том, что благодаря ей (и ее теоретическим основаниям) *возник новый, интегративный инструмент научного исследования, который оказался релевантен многим общественным наукам и позволил проблематизировать темы, которые ранее считались настолько малозначимыми, что даже не обсуждались на научном уровне.*

Обращу внимание и на тех, кто репрезентирует сейчас, в 20-е годы XXI века, национальные школы гендерных исследований, возникшие в постсоветский период. Женские национальные движения младоевропейского характера (украинское, белорусское, литовское и вообще прибалтийское т. д.) предпочитают ***не*** вспоминать, что им дала в свое время принадлежность к Российской империи и чем была важна для них начальная страница истории нашего общего, «общеимперского« женского движения. Но ведь это – важная страница нашей общей женской истории. Ее не только можно, но и должно противопоставить современной русофобии, вспыхнувшей на постсоветском пространстве и развившейся при нашем попустительстве за 30 лет.

Два направления, два способа говорить о женщинах в истории

Таким образом, мы осторожно подошли к теме наличия внутренних направлений в рамках женской истории и антропологии женской повседневности. Я бы не решилась говорить о сформировавшихся научных школах. Скорее всего, в наших исторических науках все также существуют два способа «научного говорения», презентации своего понимания содержания работы по археологии женского социального прошлого, и в рамках каждого из этих двух дискурсов есть свои интеллектуальные лидеры.

Первый дискурс – дискурс традиционных социально-половых ролей. Он по сути легитимирует роль женщины как взаимодополнительную к роли мужчины [Айвазова 2017:3]. Большинство этнографов в российских университетах и институтах, занимаясь женской темой, ставят целью просто собрать, агрегировать фактический материал без попыток найти истоки женского неполноправия и социальных асимметрий. В некотором смысле нынешние неурядицы в социальной и экономической сферах повышают запрос именно на бесконфликтное освещение женского социального прошлого, даже если это и способствует сползанию общества в архаизацию культурного и поведенческого режима взаимоотношений полов [Бороздина, Кондаков, Шторн, 2017:14].

Второй дискурс – тот, что ставит под сомнение естественность (то есть эссенциалисткую обусловленность) взаимодополнительности социально-половых ролей в прошлом и в настоящем. Они полагают, что нужно не просто собирать материал, а постоянно иметь в виду социально-половые отношения и взаимодействия как систему, разделяющую общество на властвующих и подчиненных.

Приверженцы такого методологического ракурса по-иному подходят уже к сбору эмпирического материала, поскольку сами вопросы, которые они перед собой ставят, предполагают желание выяснить социальные механизмы, рождающие неравенства. Они не чувствуют себя связанными с представительницами западной интеллектуальной мысли, потому что у России очень своеобразный собственный путь, так что чаще всего они идут нетореными тропами. Они – другое поколение, в сравнении с теми, кто начинал продвигать женскую тему в 1980–1990-е. Они, как правило, *моложе* представительниц первого типа историописания о женщинах, некоторые из них застали существование центров гендерных исследований в различных университетах, когда их собственный жизненный опыт был открыт новым концепциям.

Разные подходы к толкованию социально-половых взаимодействий в историческом прошлом и сегодня настолько переплелись, что в одном и том же учреждении, в одном и том же научном центре – по

крайней мере, в исторических науках России – могут вполне мирно сосуществовать сторонники и сторонницы разных подходов. И это нормально. Наша РАИЖИ – это постоянно укрепляемая сеть взаимодействий историков из разных городов, диссенсусное сообщество, а не очередная политически неэффективная (однако формально-стабильная) посткоммунистическая институция.

Благодаря нашей открытости разным подходам, основу которой заложил журнал «Женщина в российском обществе», российские исследования «женской темы» сделали немало для того, чтобы в нашей научной среде были *созданы условия* для распространения новых методов, новых оснований в историописании, включающих женский социальный опыт.

Мне самой на научном пути приходилось не раз заниматься историей науки, находя в работах, давно считавшихся устаревшими, ростки тех идей, которые будут обнаружены и как бы «первооткрыты» заново позже. Сделанное еще в годы брежневского застоя, да и раньше, теми, кто начал собирать эмпирический материал по истории женщин, по этнографии пола и семьи трудно переоценить. Пусть те вопросы, которые мы ставим сейчас, ставились ранее в концептуальных рамках полового диморфизма, но ведь они были поставлены.

И мы не имеем права не отдать должного первооткрывателям темы женской истории. Эти авторы достойны уважения, памяти и благодарности тех, кто работает над проблемой сейчас.

Список источников

Абубикирова Н., Регентова М. Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин. Феминистская практика // Жукова Ю. (ред.) Феминистская теория и практика. Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Репино, 1996. С. 90–97.

Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 3–13.

Актуганова И. Феминизм как точка опоры // Границы гендера. (Кибер-Фемин-клуб). СПб.: Товарищество «Свободная культура», 1999. С. 13–14.

Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 7–14.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Институциализация гендерных исследований // Малышева М. М. (ред.) Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2001

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 54.

Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1909.

Курмашев А. В. Гендерные исследования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2001. С. 78–80.

Поляков Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. // Степанянц М. Т. (ред.). Феминизм: Восточк, Запад, Россия. М.: Восточная литература, 1992. С. 157–176.

Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. СПб.: Алетейя, 2002.

Реснянский С. И., Амиантова И. С. Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 278–301.

Хоткина З. А. Летние школы по гендерным исследованиям в России 1990-х гг как модель образования // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Вып. 2. М.: РГГУ, 2000. С. 249–257.

Cheauré E. Feminismus à la russe. Gesellschaftskrise und Geschlechterdiskurs // Cheauré E. (ed.) Kultur und Krise. Rußland 1987–1997. Berlin: Berlin Verlag,, 1997. S. 151–178.

Henderson S. Importing Civil Society: Foreign Aid and the Women's Movement in Russia // Demokratizatsiya : The Journal of Post-Soviet Democratization. 2000. Winter. P. 65–71.

Richter J. Evaluating Western Assistance to Russian Women's Organizations // Mendelson Sarah, Glenn d John, eds. The Power and Limits of NGOs: Transnational Democracy Networks and Post-Communist Transitions, New York: Columbia University Press, 2002. P. 55.

Sperling V. Organizing women in contemporary Russia. Cambridge : Cambridge University press, 1999. P. 76–77.

УДК 305(470)"199"

З. А. Хоткина

Институт социально-экономических проблем народонаселения
им. Н. М. Римашевской, г. Москва

ВАЖНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ НАУКИ О ЖЕНЩИНАХ И МУЖЧИНАХ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В тексте проанализированы события и документы 1996 г., который стал важной вехой в истории становления и развития российской гендерной науки и образования. А также показано, какую роль эти документы и события сыграли тогда, и какое значение они имеют сегодня – тридцать лет спустя.

Annotation. This text analyzes the events and documents of 1996, a significant milestone in the development of Russian gender science and education. It also explores the role these documents and events played back then and their significance today, thirty years later.

Ключевые слова: Научный журнал, гендерные исследование и образование, правительственные документы, научные программы и проекты.

Keywords: Scientific journal, gender research and education, government documents, scientific programs and projects.

Введение. Конференция посвящена тридцатилетию научного журнала «Женщина в российском обществе», который объединил вокруг себя российских ученых и преподавателей высшей школы, вовлеченных и увлеченных. наукой о женщинах и мужчинах в российском обществе. Журнал начал издаваться в 1996 году, который во многих смыслах был необычным и важным для становления гендерной науки и высшего образования в России. С одной стороны, прошедшая годом ранее Четвёртая Всемирная конференция по положению женщин в Пекине (1995) и подписанные на ней итоговые документы налагали на российские власти определенные обязательства по проведению мероприятий для достижения гендерного равенства, что привело к активизации законотворческой деятельности в стране. С другой, российские гендерные исследования уже прошли начальный этап легитимации и становления, в результате которого сложилось два взаимосвязанных, но достаточно автономных направления деятельности – независимое женское движение и междисциплинарная гендерная наука с соответствующими ей образовательными курсами в вузах. Цель тезисов – проанализировать события и документы 1996 г., который стал важной вехой в истории становления и развития российской гендерной науки и образования. А также показать какую роль

© Хоткина З. А., 2026

эти документы и события сыграли тогда, и какое значение они имеют сегодня – тридцать лет спустя.

Тридцать лет – это замечательный возраст и для человека, и для журнала! Человек в 30 лет ещё молод, полон сил и планов, а для большинства в этом возрасте уже пройдены главные жизненные этапы – получено образование и профессия, создана семья, а впереди целая жизнь. Для журнала 30 лет – это скорее зрелость, чем молодость, это время, когда уже четко определены миссия и концепция, тематика и задачи, уже есть круг надежных авторов и преданных читателей. При этом жизнь меняется, а с ней появляются новые темы и авторы, которые по-новому их исследуют и описывают в научных статьях, поэтому у журнала, как и у человека в этом возрасте, впереди долгая и интересная жизнь. Тридцать лет важный и интересный временной период ещё и потому, что: с одной стороны, уже успело родится и вырасти новое поколение, для которого «гендер» само собой разумеющаяся категория, а не новшество, за которое надо бороться и доказывать всем – как это важно и нужно. А с другой – ещё живы и продолжают успешно трудится в науке многие первооткрыватели российских гендерных исследований, поскольку, когда все только начиналось, они в основном были молоды, также, как и наука, которой они начали заниматься.

А теперь обратимся к дате, от которой начат отсчет юбилейного тридцатилетия. Чем интересен 1996 год и почему выделен из череды других 90-х годов? Как будет показано ниже, именно этот год отмечен множеством важных событий и документов, которые на тот момент позволили считать, что российские гендерные исследования перешли из категории нового научного направлением общественных и гуманитарных наук, в категорию значимого явления в российской политике и общественной жизни.

Документы

В самом начале 1996 года, когда ещё не все убрали новогодние ёлки, вышло Постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 года № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» (далее – Концепция) [6]. Постановление подписано Председателем Правительства РФ Черномырдиным В. С, который за полгода до этого, находясь в Пекине на Четвёртой Всемирной конференции по положению женщин ООН, поставил 15 сентября 1995 г. свою личную подпись под её основными документами – «Пекинской декларацией и Платформой действий», одном из важнейших международных документов в сфере гендерного равенства. Собственно это и отмечено в преамбуле Постановления «Руководствуясь положениями Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и итоговыми документами IV Всемирной конференции по положению женщин

«Действия в интересах равенства, развития и мира« (Пекин, сентябрь 1995 г.), Правительство Российской Федерации постановляет: 1. Утвердить прилагаемую концепцию улучшения положения женщин в Российской Федерации. 2. Федеральным органам исполнительной власти обеспечить в пределах своей компетенции реализацию основных положений концепции улучшения положения женщин в РФ». К данному постановлению прилагается утвержденный полный текст «Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации». Но прежде, чем перейти к рассмотрению наиболее важных для гендерной науки и образования текстов данного документа, хотелось бы обратить внимания на один любопытный и важный факт. Когда открываешь в электронной базе данных документов Правительства РФ Постановление № 6 от 1996 г., то сразу обращает на себя внимание первая строка в окне монитора, где указано, что этот документ «действующий». И это действительно так и есть, поскольку каждые пять лет наше правительство отчитывается в ООН, о приверженности нашей страны принципам гендерного равенства, о выполнении взятых на себя в Пекине и записанных в данной концепции обязательствах по продвижению женщин в России. Последний такой отчет РФ был в прошлом (2025 г.) в тридцатую годовщину Пекинской конференции [1].

Текст Концепции 1996 г. был новаторским для своего времени и остается актуальным сегодня, поскольку проблемы российских женщин, на решение которых был направлен этот документ, не решены до сих пор. О том, какие это проблемы, в преамбуле Концепции записано следующее: «Невостребованность в политике, дискриминация в сфере труда, ухудшение здоровья и рост насилия в отношении женщин вызывают наибольшее беспокойство общественности в условиях кардинальных реформ в России» Здесь уместно отметить, что когда в 1991 г. в «Итоговом документе I Независимого женского форума» в Дубне было заявлено, что «В нашей стране существует социально-экономическая, политическая и культурная дискриминация женщин» [4], это прозвучало как вызов и шок. Не только чиновники, но и некоторые ученые взялись опровергать наличие гендерной дискриминации в страна. А всего через пять лет, т. е. через достаточно короткий временной отрезок, аналогичные факты оказались отражены в тексте правительственного документа РФ.

В контексте статьи о науке, наиболее важным в Постановлении 1996 г. является следующий пункт Концепции: «Осуществлять государственную поддержку научных разработок в области гендерных исследований, а также пропаганду научных знаний по проблемам роли и статуса женщины в обществе, взаимоотношений женщин и мужчин» [6]. Таким образом, если у кого-то из коллег возникнут трудности с реализацией гендерного проекта или исследования, можно смело апеллировать к

этому действующему правительственному документу. Январское Постановления было первым, но не последним в ряду правительственных документов и Указов Президента, связанных с реализацией обязательств, взятых Россией в Пекине-1995 и направленных на достижение гендерного равенства, улучшение положения женщин и повышение их роли в обществе. Всего таких документов в 1996 г. было принято пять, в том числе два президентских Указа: Указ «О Национальном плане действий по вопросам улучшения положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» (от 18 июня 1996 г. № 932) и Указ «О повышении роли женщин в системе государственных органов федеральной власти и органов государственной власти субъектов РФ» (от 30 июня 1996 г. № 1005) [10]. Однако все они, кроме январского Постановления № 6 к настоящему времени утратили силу и были отменены в период правительственных реформ начала XXI века.

В целом следует отметить, что «Пекинская декларация и Платформа действий» послужили ключевым фактором к развитию гендерной политики в России 90-х годов, став катализатором для развития науки, образования и общественных инициатив, направленных на продвижение гендерного равенства в стране. С одной стороны, как показано выше, это нашло выражение в разработке и принятии законодательных актов самого высокого уровня, направленных на обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин в соответствии с взятыми международными обязательствами и Конституцией РФ. С другой стороны, сами эти документы, и особенно январское Постановление 1996 г,. сыграли важную роль в развитии гендерных исследований и образования в России. Они отрыли широкие возможности для проведения гендерных исследований (ГИ) и публикации их результатов, а также для внедрения государственных образовательных стандартов по гендерной тематике в вузовское образование. Таким образом можно заключить, что правительственные документы 1996 г. способствовали институционализации и развитию гендерных исследований и гендерного образования в России.

Журнал

Безусловно наиболее ярким и значимым событием 1996 года, сыгравшим важную роль в становлении и развитии науки и образования по вопросам гендерного равенства в России, явилось создание на базе Ивановского государственного университета научного журнала «Женщина в российском обществе». На его страницах начался заинтересованный и профессиональный диалог ученых и преподавателей вузов по актуальным проблемам равенства женщин и мужчин в российском обществе.

Потребность российских ученых, занимавшихся в 90-х годах гендерами исследованиями и преподаванием, в профессиональном журнале была очень высока. Помните, как у Маяковского: «улица корчится

безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать». А российским гендеристам начала 90-х было не только «нечем» разговаривать, из-за неразработанности нового гендерного дискурса, но и «негде» из-за отсутствия своего научного журнала. Как показал анализ списков публикаций российских специалистов по гендерным исследованиям за период 1990–1999 гг., [2, 73–132], из-за отсутствия научного профильного журнала, они были вынуждены печататься в самиздатовских малотиражных изданиях различных гендерных центров или проектов. Например, таких как «Посиделки» и «Все люди – сёстры» (информ-листок и журнал Петербургского центра гендерных проблем), ГендерLand (информ-бюллетень проекта Российских летних школ по гендерным исследованиям), «Девочки просят внимания» (журнал Гендерного центра в Набережных Челны) и др. Ещё в 90-х годах издавались замечательные журналы «Преображение» и «Вы и Мы» (или We/Мы), которые маркировали себя как «феминистские журналы». В них с удовольствием печатались те, кто занимался гендерными исследованиями, но это были культурно-публицистические, а не научные журналы. Поэтому создание в 1996 г. научного журнала «Женщина в российском обществе», в котором появилась возможность публиковать научные статьи, а также вести на страницах журнала профессиональные дискуссии по вопросам методологии и методов исследований и преподавания, стало для всех российских гендеристов настоящим прорывом в новое качество их работы.

На начальном этапе журнала «Его учредители – Министерство образования РФ и Ивановский госуниверситет ставили своей задачей развитие научных исследований в региональных вузах, методическое обеспечение спецкурсов по феминологии и гендерологии» [7]. Однако состав авторов, чьи статьи были опубликованы в первом номере журнала, таких как Саралиеса З. М., Ржаницина Л. С., Рябов О. В. и др., сразу задал очень высокую планку его научного уровня. Благодаря талантливому руководству в подборе авторов и тематики публикаций, журнал начал быстро развивался, что позволило ему уйти далеко за «региональные» и «вузовские» рамки, став авторитетным научным изданием, которое знают и высоко ценят ученые, исследователи и преподаватели не только в России, но и за её пределами. «С 2008 года журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых журналов. С 2017 года журнал «Женщина в российском обществе» входит в международные базы научного цитирования. Оценивая пройденный путь, есть основания утверждать, что за 30 лет журнал стал узнаваемым и признаваемым в российской научной среде» [8, 3]. Отвечая на вызовы времени и перемены в российском обществе, в журнале меняются темы и дискурсы, появляются новые авторы и читатели, но в главном, журнал «Женщина в российском обществе» остается неизменно верен идеалам и принципам равенства прав и

возможностей женщин и мужчин в российском обществе, записанным в Конституции Российской Федерации.

Программы и проекты

В середине 1990-х годов важную роль в становлении новой гендерной науки и вузовской дисциплины сыграли программы и проекты, которые, с одной стороны, были направлены на консолидацию и обмен опытом специалистов в сфере науки и образования, работающих в области гендерных исследований. С другой стороны, они были необходимы для решения научно-методологических задач, связанных с адаптацией и развитием концепции гендера в российских условиях. К числу наиболее значимых программ и проектов, оказавших серьёзное влияние на дальнейший ход событий в сфере российских гендерных исследований и высшего образования, на мой взгляд, следует отнести: межвузовскую программу ИвГУ «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» и проект МЦГИ Российские летние школы по гендерным исследованиям (РЛШГИ).

1996 год для Межвузовской научно-исследовательской программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях», головной организацией которой являлся Ивановский государственный университет, был отмечен двумя знаменательными событиями. Во-первых, в рамках программы начал издаваться научный журнал «Женщина в российском обществе» [7], юбилею которого посвящена наша конференция. А во-вторых, программа «Женщины России» была включена на 1996–1997 гг. в состав проектов ЮНЕСКО, что свидетельствовало о высоком уровне работы Ивановского государственного университета по её реализации [8, 4].

Программа «Женщины России» включала координацию научно-исследовательской работы в университетах-участниках 15 регионов РФ и организацию ежегодных конференций для обсуждения результатов. Руководство программой было поручено осуществлять кафедре социологии и управления персоналом [7]. Тематика исследований охватывала широкий спектр вопросов: женскую историю, социологические и политологические аспекты положения женщин и мужчин в российском обществе, трансформацию социальных позиций и адаптацию женщин в странах с переходной экономикой. В условиях новизны и разнообразия научных интересов университетов-участников возникла необходимость разработки концептуальных основ ГИ и новой учебной дисциплины в вузах, что также стало приоритетным направлением программы.

За время реализации программы Ивановский государственный университет издал около 30 сборников научных трудов, а результаты исследований внедрялись в образовательные программы, став основой для спецкурсов по феминологии и социологии гендерных отношений.

Программа также способствовала подготовке научных кадров: в вузах-участниках появились гендерные направления в аспирантурах и докторантурах, по которым начали защищаться диссертации [7]. Таким образом, программа «Женщины России» сыграла ключевую роль в институционализации гендерных исследований в системе вузовской науки и образования, формировании учебно-методической базы и расширении научного информационного поля гендерных студий.

Идея проекта Российские летние школы по гендерным исследованиям (РЛШГИ) была предложена мною для обсуждения с коллегами на январской 1996 г. конференции МЦГИ «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития«, а уже в июле того же года, совместно с Тверским государственным университетом была проведена Первая российская летняя школа «Валдай-96». Учитывая рамки тезисов, я попытаюсь коротко ответить на основные вопросы по поводу значимости проекта РЛШГИ: почему он был нужен и важен для того времени (середина 90-х); в чем была его новизна и инновационность тогда, и какова его значимость для развития гендерных исследований в России.

Начну с ситуации, которая сложилась в российской гендерной науке к середине 90-х. Отдельные исследователи и коллективы уже имели опыт изучения гендерных вопросов, но у каждого было свое представление о предмете, методологии и методах ГИ, что было связано как с новизной науки, так и недостатком в то время научной литературы по данной тематике. На январской конференции МЦГИ Т. Клименкова так охарактеризовала эту проблему: «Мы сейчас имеем картину, когда пониманий гендера может быть столько, сколько нас здесь собралось. Для нас вопрос о том, что такое гендерное исследование, – это пока открытый вопрос» [5]. Вторая важная проблема, которую обсуждали на конференции: «Западный опыт практически не применим для серьезного изучения российской действительности и положения женщин в нашей стране» [3]. Эти проблемы были, в основном методологического характера, связанные с определением научных понятий, предмета и объекта гендерных исследований, а также методов их реализации в России. Но при их обсуждении пришло осознание, что решить эти проблемы исследователям поодиночке, без диалога и обмена мнениями и опытом с коллегами невозможно. В связи с этим появился социальный запрос со стороны гендерных исследователей на объединение и живой диалог по актуальным вопросам методологии и дискурса. Концепция летних школ по гендерным исследованиям, была предложена и реализована как наиболее подходящая форма научно-образовательного проекта для решения обозначенных проблем.

Новизна проекта РЛШГИ заключалась в том, что он реализовал модель новой, альтернативной, демократической формы образования. Его участницы(ки) выступали одновременно в трех ролях: «преподавателей» – когда читали лекции или вели семинары; «слушателей» – когда слушали лекции коллег; но чаще всего – активных участниц дискуссий или круглых столов, на которых обсуждались темы, которые они сами предлагали/выбирали и где все выступали на равных [10]. Это способствовало, не только созданию атмосферы равенства и взаимопонимания участников, но и научной продуктивности диалогов и обсуждений.

Выгодное отличие научно-образовательного проекта РЛШГИ как от «долгосрочных» образовательных программ вузов, где есть студенты и преподаватели, которые их учат, так и от «краткосрочных» научных программ конференций, где есть диалог специалистов, но не всегда хватает времени на прояснение смыслов и дискуссии, проект летних школ был «среднесрочным». Десять учебных дней и вечеров, проведенных вместе, давали возможность всестороннего обсуждения и глубокого погружения в интересующую тематику лекций или дискуссий.

Главное значение проекта РЛШГИ – он дал мощный импульс для качественно нового этапа развития женских и гендерных исследований в России, суть которого состояла в переходе от работы в отдельных исследовательских и преподавательских коллективах к взаимодействию и сотрудничеству ученых и преподавателей из разных городов и университетов. Тем самым Проект способствовал как формированию нового российского научного гендерного сообщества, где основными принципами стали междисциплинарность, эгалитарность и креативность, так и дальнейшему развитию гендерных исследований в России.

Таким образом, сегодня можно констатировать, что несмотря на разные статусы и методы работы, и программу ИвГУ «Женщины России», и проект МЦГИ Российские летние школы (РЛШГИ) в середине 90-х сближал один и тот же запрос со стороны ученых и преподавателей – необходимость объединения исследователей для совместного поиска своего отечественного дискурса и методологии гендерных исследований, пригодных для изучения российской действительности и отношений между женщинами и мужчинами в российском обществе.

Список источников

1. Выступление заместителя Министра иностранных дел России С. В. Вершинина в ходе заседания высокого уровня 80-й сессии Генассамблеи ООН по положению женщин на тему «Переподтверждение приверженности, выделение ресурсов и ускорение осуществления Пекинской декларации и Платформы действий для достижения гендерного равенства и расширения прав и

возможностей всех женщин и девочек», Нью-Йорк, 22 сентября 2025 года – Министерство иностранных дел Российской Федерации (Дата обращения 11 мая 2026).

2. Гендерные исследования в России и СНГ. Кто есть Кто. Справочник. – Ред.-составитель З. А. Хоткина. М.: ЦДЖА, 2000. – 160 с.

3. *Герасимова Т. М.* Специфика гендерных исследований петербургских центров // Материалы конференции «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития« / МЦГИ. М., 1996.

4. Итоговый отчет о работе I независимого женского форума. Выпуск Оргкомитета I независимого женского форума, 1991. URL: Итоговый отчет о работе I Независимого Женского Форума (Дата обращения 5 мая 2026).

5. *Клименкова Т. А.* Переход от «женских исследований« к гендерному подходу. Возникновение научного сообщества // Материалы конференции «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития« / МЦГИ. М., 1996. С. 16 – 22.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 года N 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/9015232?ysclid=mor5oph0dk33242062 (Дата обращения 7 мая 2026).

7. *Хасбулатова А. О.* (2001). Гендерным исследованиям в системе высшего образования России – десять лет. / «Женщина в российском обществе», 2001, № 1–2, С. 2–14.

8. *Хасбулатова О. А.* (2025). Вступая в четвертое десятилетие…/ «Женщина в российском обществе», 2025, № 4, С. 3–4.

9. *Хоткина З. А.* Созидающий диалог. Свобода быть собой // We/Мы. Диалог женщин. М., Эслан, 1998. № 3 (19). С. 16–20.

10. Электронный фонд. правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/search. 2026 (Дата обращения 7 мая 2026).

УДК 316.644-055.1/.2:32

М. Ю. Милованова
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЗРЫВЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ феномена гендерного идеологического разрыва в политических предпочтениях и ценностных ориентациях молодёжи по данным зарубежных и российских исследований. Рассмотрена динамика электоральных предпочтений в 50 демократических странах (1948–2020), данные Европейского исследования выборов (EES) 2024 года, а также результаты российских опросов «Общественный договор-2024» и авторского исследования 2025 года (n=382). Показано, что в России, как и в западных странах, молодые женщины чаще придерживаются либеральной самоидентификации, а мужчины – консервативной. Выявлена российская специфика: ключевыми точками гендерного расхождения выступают отношение к представительству женщин в политике (разрыв 49,8 п. п.) и оценка социальной справедливости, а не экология или мультикультурализм, типичные для западных контекстов.

Annotation. The article presents a comparative analysis of the gender ideological gap phenomenon in political preferences and value orientations of youth based on foreign and Russian studies. It examines electoral preference dynamics across 50 democracies (1948–2020), data from the European Elections Study (EES) 2024, and Russian surveys «Social Contract-2024« and the authors' original study of 2025 (n=382). It is shown that in Russia, as in Western countries, young women more often hold liberal self-identification, while men lean conservative. Russian specificity is identified: the key points of gender divergence are attitudes toward women's political representation (gap 49.8 p.p.) and social justice assessments, rather than ecology or multiculturalism typical of Western contexts.

Ключевые слова: гендерный идеологический разрыв, молодёжь, политические предпочтения, ценностные ориентации, сравнительный анализ, электоральное поведение, Россия

Keywords: gender ideological gap, youth, political preferences, value orientations, comparative analysis, electoral behaviour, Russia

Введение. Феномен «гендерного идеологического разрыва» – устойчивого расхождения политических позиций молодых мужчин и женщин – стал одним из наиболее обсуждаемых сюжетов современной

© Милованова М. Ю., 2026

политической социологии. Международные исследования фиксируют его нарастание: молодые женщины всё активнее тяготеют к левым и либеральным позициям, тогда как их сверстники-мужчины смещаются вправо, к консерватизму и, в ряде стран, к ультраправому флангу [1, с. 1–3]. Наиболее ярко эта тенденция выражена в Южной Корее, США, Великобритании, Германии и Польше [2, с. 5].

В российской социологии проблема гендерной специфики политических предпочтений молодёжи остаётся недостаточно изученной. Систематический сравнительный анализ, позволяющий соотнести российские данные с международными трендами, представлен фрагментарно [3, с. 97]. Настоящая статья восполняет этот пробел: её цель – на основе сравнения зарубежных и российских эмпирических данных определить, в какой мере общемировые закономерности гендерного разрыва проявляются в российском контексте и в чём состоит его специфика.

Теоретические подходы к изучению гендерного разрыва

Теоретическую рамку исследования составляет конструктивистская концепция «жизненного мира» Ж. Т. Тощенко, интегрирующая общественное сознание, поведение и социальную среду [4, с. 12]. Положение К. Мангейма о молодёжи как «скрытом ресурсе» и субъекте социального действия позволяет рассматривать гендерный разрыв не как статичную характеристику, а как динамически формирующееся явление [5, с. 441]. Концепция «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман объясняет, почему часть молодых людей – особенно ощущающих себя в меньшинстве – склонна скрывать свои политические взгляды [7, с. 48]. Специфика информационного общества (феномен «нарцизации самопрезентации») усиливает давление на формирование гендерных идентичностей через медиасреду [6, с. 52].

В объяснении гендерного разрыва зарубежные исследователи выделяют несколько групп факторов. Структурно-экономические: автоматизация сокращает занятость в «мужских» отраслях, сфера услуг, где преобладают женщины, расширяется; это порождает разные экономические интересы. Образовательные: женщины опережают мужчин по доле обладателей высшего образования, что коррелирует с поддержкой левых ценностей. Ценностно-культурные: рост феминизма и внимания к гендерному равенству смещает женщин влево. Партийно-программные: левые партии активнее продвигают гендерную повестку, что делает их привлекательными для женщин [2, с. 15–25].

Гендерный идеологический разрыв: данные зарубежных исследований

Масштабное исследование А. Гетина, Х. Мартис-Толедано и Т. Пикетти охватило более 600 выборов в 50 демократических странах за 1948–2020 годы. Его ключевой вывод: до 1980-х гг. женщины в среднем чаще голосовали за правые (консервативные) партии; начиная с 1980-х гг. тренд развернулся – женщины сместились влево, а мужчины остались на правом фланге или усилили правые предпочтения. К 2020 году гендерный электоральный разрыв достиг 10–15 процентных пунктов [2, с. 20–30].

Данные Европейского исследования выборов (EES) 2024 года, обработанные группой Дж. Милосава и соавторов на основе 27 стран ЕС, показали: за ультраправые партии проголосовали более 21 % молодых мужчин (18–29 лет) против 14 % среди женщин того же возраста. Модели «возраст – период – когорта», построенные по восьми электоральным циклам (1989–2024), свидетельствуют, что разрыв нарастает именно среди миллениалов и поколения Z [1, с. 8–12].

Страновые примеры иллюстрируют этот тренд. В Германии (выборы 2025 г.) за партию «Альтернатива для Германии» проголосовали 25 % молодых мужчин и лишь 14 % женщин; левую «Die Linke» выбрали 35 % молодых женщин и 15 % мужчин. В Великобритании (2024) за «зелёных» проголосовало почти вдвое больше молодых женщин, чем мужчин (23 % против 12 %); за «Реформу» Фараджа – 12 % мужчин и 6 % женщин. В Польше (2023) ультраправую «Конфедерацию» поддержали преимущественно молодые мужчины. В Южной Корее (2022) за кандидата-консерватора Юн Сок Ёля проголосовали 59 % мужчин 18–29 лет, тогда как молодые женщины оказались наименее поддерживающей группой [1, с. 9–11].

Методология российского исследования

Эмпирическую основу российской части анализа составляют два массива данных. Первый: всероссийский опрос в рамках НИР РНФ «Судьбы общественного договора в России» (проект № 23–18–00093), проведённый в 2024 году (выборка квотная по полу и возрасту, n=1000, возрастные группы: 18–24 года – 9 %, 25–29 лет – 6 %, 30–39 лет – 20 %). Второй: авторский опрос «Социальные ценности и политические предпочтения молодёжи в современной России», проведённый в октябре – ноябре 2025 года (n=382: 164 мужчины, 218 женщин; средний возраст мужчин – 19,5 лет, женщин – 21,8 года; большинство из них студенты. Показаны процентные распределения, гендерные разрывы (разница в п. п.), проведён корреляционный анализ.

Гендерный разрыв в России: результаты эмпирического исследования

Политическая самоидентификация. По данным авторского исследования 2025 года, молодые женщины значительно чаще идентифицируют себя как либералы (27,1 % против 11,6 % у мужчин, разрыв 15,5 п. п.), тогда как мужчины чаще называют себя консерваторами (19,5 % против 13,3 %). Каждый четвёртый мужчина (23,8 %) затрудняется с самоидентификацией. По данным «Общественного договора-2024», левые взгляды наиболее популярны среди мужчин 18–24 лет (41 %), однако к 25–29 годам этот показатель резко падает до 18 %, а либеральные взгляды одновременно вырастают с 9 % до 24 %. Возрастная динамика политических взглядов по полу представлена в табл. 1.

Таблица 1

Политические взгляды молодёжи по полу и возрасту, %

Политические взгляды	**18–24 ж**	**18–24 м**	**25–29 ж**	**25–29 м**	**30–39 ж**	**30–39 м**
Левые (социализм, коммунизм)	18	41	16	18	17	15
Правые (либерализм)	16	9	6	24	10	12
Патриотические	23	13	23	15	30	31
Монархические	–	4	–	3	1	1
Религиозные	16	7	16	6	7	7
Другое	5	2	–	21	1	6
Затрудняюсь ответить	23	24	39	12	34	27
Источник: «Общественный договор – 2024»						

Государственно-политические установки. По всем государственно-охранительным позициям мужчины демонстрируют более высокое согласие. Наиболее разительное отличие – поддержка авторитарного правления: 45 % мужчин согласны с тезисом о предпочтительности авторитаризма даже в мирное время, среди женщин лишь 29,5 % (разрыв 15,5 п. п.). Тезис о приоритете порядка и безопасности над правами и свободами поддерживают 68,6 % мужчин и 61,2 % женщин. Поддержка суверенитета России на международной арене высока у обоих полов (78,1 % и 74,5 %).

Гендерные и социальные ценности. В данном блоке зафиксированы максимальные расхождения. По вопросу представительства женщин в политике разрыв достигает 49,8 п. п.: лишь 27,4 % мужчин считают недостаточное представительство женщин проблемой, тогда как среди женщин таких 77,2 %. Неравенство в оплате труда несправедливым считают 95,5 % женщин и 63,6 % мужчин (разрыв 31,9 п. п.). Деторождение как главный смысл семьи важнее мужчинам (55,1 % против 33,0 %, разрыв 22,1 п. п.).

Традиционные ценности и экономические установки. Парадоксально, но женщины несмотря на либеральную самоидентификацию демонстрируют более высокую приверженность «единству народов России» (4,37 против 3,90 у мужчин по шкале 1–5) и «высоким нравственным идеалам» (4,16 против 3,94). Экономический блок выражен как зона консенсуса: оба пола в равной мере поддерживают свободный рынок (75,4 % и 76,1 %) и перераспределение доходов (66,4 % и 66,3 %).

Сравнительный анализ: зарубежные и российские данные

Сопоставление российских данных с международными позволяет выделить как черты сходства, так и принципиальные различия в конфигурации гендерного разрыва (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение гендерного идеологического разрыва: зарубежные и российские данные

Параметр	Зарубежные данные	Россия (2024–2025)
Политическая самоидентификация	Женщины чаще либеральные; мужчины консервативные/правые [2, с. 20]	Женщины: 27,1 % либералов; мужчины:19,5 % консерваторов. Разрыв 15,5 п. п.
Поддержка ультраправых (крайне правых)	Молодые мужчины – 21 %, женщины – 14 % (ЕС, 2024) [1, с. 8]	Ультраправые партии отсутствуют; поддержка авторитаризма у мужчин 45 % против 29,5 % среди женщин
Доверие к институтам	Не является ключевым индикатором разрыва в западных исследованиях	Разрыв у 25–29-летних: мужчины – 48 %, женщины – 58 % (Президент РФ)
Отношение к гендерному равенству	Центральная ось разрыва в большинстве стран; женщины поддерживают сильнее [2, с. 35]	Представительство женщин в политике: 27,4 % (м) против 77,2 % (ж), разрыв 49,8 п. п.

Отношение к экологии и климату	Значимая ось разрыва: женщины поддерживают «зелёные» партии чаще [1, с. 15]	Не является выраженной осью разрыва; данные не свидетельствуют о значимом расхождении
Традиционные ценности	Ассоциируются преимущественно с мужской консервативной идентичностью	Женщины выше оценивают традиционные ценности: единство, нравственность (4,37 против 3,90)
Экономические установки	Умеренные различия: женщины чаще поддерживают перераспределение [2, с. 40]	Консенсус: свободный рынок (75,4 % против 76,1 %), перераспределение (66,4 % против 66,3 %)
Ключевые линии расхождения	Экология, мультикультурализм, права меньшинств	Представительство женщин, социальная справедливость, авторитаризм
Возрастная динамика	Нарастает среди поколений Z и миллениалов [1, с. 12]	Пик различий – группа 25–29 лет (кризис доверия и ценностного самоопределения)

Обсуждение: универсальное и специфическое

Сравнительный анализ подтверждает: Россия вписывается в глобальную тенденцию гендерного идеологического разрыва, однако его конфигурация имеет отчётливую национальную специфику.

Черты сходства с зарубежными трендами. Во-первых, направленность разрыва совпадает: молодые женщины тяготеют к либеральным позициям, мужчины – к консервативным. Во-вторых, разрыв нарастает именно среди молодых возрастных когорт, что согласуется с данными EES-2024 о его усилении среди поколений Z и Y [1, с. 12]. В-третьих, вопросы гендерного равенства являются центральной осью расхождения как в России, так и за рубежом [2, с. 35]: разрыв в 49,8 п. п. по вопросу представительства женщин в политике сопоставим с наиболее выраженными западными показателями.

Черты российской специфики. Первое: отсутствие ультраправых партий как электоральной альтернативы трансформирует «мужскую» консервативную энергию в поддержку авторитарно-охранительных установок внутри сложившейся политической системы (45 % поддерживают авторитаризм), а не в голосование за радикальных аутсайдеров.

В Германии, Польше и Великобритании этот потенциал абсорбируют ультраправые партии [1, с. 9].

Второе: в западных странах ключевыми осями разрыва выступают экология, иммиграция и мультикультурализм. В России этих осей нет или они слабо выражены; вместо них главным разломом служат вопросы социальной справедливости (оценка роли государства в перераспределении благ, представительство женщин) и отношение к авторитаризму. Это указывает на то, что конкретные содержательные оси разрыва определяются национальным политическим контекстом, а не только гендером как таковым.

Третье: российский парадокс «либеральных женщин с традиционными ценностями» не имеет прямого аналога в западных данных. В России «традиционные ценности» (единство народов, нравственные идеалы) интерпретируются женщинами как созвучные их социальному опыту и не противоречащие либеральным гендерным установкам. На Западе традиционализм чаще ассоциируется с патриархальными ролями и потому коррелирует с правыми предпочтениями у обоих полов.

Четвёртое: возрастная группа 25–29 лет представляет критический возрастной интервал как в России, так и в зарубежных исследованиях. В российском контексте именно в этой группе у мужчин фиксируется минимум доверия к институтам (48 %), а у женщин – максимум неопределённости (39 % затрудняются с ответом). Этот период совпадает с завершением образования, началом карьеры и принятием решений о семье – жизненными событиями, порождающими разные интересы у мужчин и женщин.

Заключение

Феномен гендерного идеологического разрыва носит глобальный характер, однако его конкретные проявления определяются национальным политическим контекстом. Проведённый сравнительный анализ показывает, что Россия разделяет общемировую тенденцию: молодые женщины либеральнее, молодые мужчины консервативнее. Вместе с тем российская конфигурация разрыва отличается от западной по ключевым осям расхождения (социальная справедливость и авторитаризм вместо экологии и мультикультурализма), по механизму трансляции «мужской» консервативной энергии (в поддержку авторитарно-охранительных установок, а не ультраправых партий) и по парадоксальному сочетанию у женщин либеральных гендерных взглядов с высокой приверженностью традиционным ценностям.

Наибольшие гендерные разрывы зафиксированы по вопросам представительства женщин в политике (49,8 п. п.), равенства оплаты

труда (31,9 п. п.), деторождения как смысла семьи (22,1 п. п.) и поддержки авторитарного правления (15,5 п. п.). Экономические установки остаются зоной гендерного консенсуса. Молодые мужчины 25–29 лет представляют группу риска с точки зрения роста недоверия к институтам; молодые женщины представляют более лояльную, но менее вовлечённую аудиторию.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются сравнительный региональный анализ внутри России, изучение влияния медиапотребления на формирование гендерного разрыва, а также качественные исследования, позволяющие углубить понимание ценностных оснований политического выбора молодёжи.

Список источников

1. *Milosav, Đ.,* Dickson, Z., Hobolt, S. B., Klüver, H., Kuhn, T., Rodon, T. The youth gender gap in support for the far right // Journal of European Public Policy. 2025. P. 1 – 25.

2. *Gethin, A.,* Martínez-Toledano, C., Piketty, T. Brahmin Left vs Merchant Right: Changing Political Cleavages in 50 Democracies, 1948–2020 // The Quarterly Journal of Economics. 2022. Vol. 137. No. 1. P. 1–60.

3. *Милованова М. Ю.* Социальные интересы молодёжи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 97–106.

4. *Тощенко Ж. Т.* Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. Т. 50. № 7. С. 10–22.

5. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.

6. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.

7. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия: Весь мир, 1996. 352 с.

8. *Горшков М. К.,* Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

9. Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.

10. *Омельченко Е. Л.* Молодёжный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.

11. *Омельченко Е. Л.* Солидарности и культурные практики российской молодёжи начала XXI века // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.

12. *Омельченко Е. Л.* Молодёжь, Родина и государство – (не)взаимная любовь // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 1–2. С. 151–156.

13. *Луков В. А.* (ред.) Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 718 с.

14. *Зубок Ю. А.* Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 3. С. 4–12.

15. *Зубок Ю. А.,* Чупров В. И., Сорокин А. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. № S. С. 38–59.

16. *Великая Н. М.,* Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. С. 25–37.

17. *Великая Н. М.,* Шушпанова И. С. Российская молодёжь о перспективах социально-политического развития страны // Вестник ЮРГТУ. 2021. Т. 14. № 2. С. 29–40.

18. *Громова Е. И.,* Терентьева В. И. Факторы формирования мотивационного репертуара социальной мобильности // Вестник РГГУ. 2021. № 2. С. 80–88.

19. *Попова О. В.* Политическая онлайн-коммуникация молодёжи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 2. С. 28–54.

20. *Милованова М. Ю.* Молодёжная политика как основа развития социального капитала в современной России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 6 (125). С. 74–82.

УДК 930:396(470)(091)

И. И. Юкина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОТ ОТРИЦАНИЯ ДО ПРИЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено становление и тенденции развития в российской историографии исследований, посвященных изучению женского движения России первой волны. Приведены доводы о значимости этих исследований для формирования новой исторической дисциплины История женщин для отечественной исторической науки. Дан обзор досоветского этапа развития исследований данной теме (конец XIX – начало XX века), рассмотрены тенденции в советской исторической науке (1920-е годы – начало 1990-х годов) и состояние постсоветских, т. е. современных исследований российского женского движения первой волны (с начала 1990-х годов).

Annotation. This article examines the formation and developmental trends in Russian historiography concerning research on the first wave of the women's movement in Russia. It presents arguments on the importance of these studies for the formation of a new historical discipline – Women's History – within Russian historical scholarship. An overview is provided of the pre-Soviet stage of research on this topic (late 19th – early 20th centuries), trends in Soviet historiography (1920s – early 1990s), and the post-Soviet, i.e., contemporary stage of research (from the early 1990s onward).

Ключевые слова: женское движение, женский вопрос, женское движение как общественное движение, понятийный аппарат, теоретико-методологическое обеспечение исследований.

Keywords: women's movement, woman question, women's movement as a social movement, conceptual apparatus, theoretical-methodological framework of research.

Женская и гендерная история дает неимоверное разнообразие тем и направлений исследований, но изучение темы феномена женских движений оказалось практически во всех странах важным шагом в развития Истории женщин, как новой исторической дисциплины. Российская наука не стала исключением.

Я вижу три причины.

Первая причина – совпадение научных целей дисциплины История женщин и исследований женского движения. А именно – показать роль и влияние женщин на развитие общества. Никакая другая тема не

© Юкина И. И., 2026

демонстрирует со всей очевидностью роль женщин в развитие общества. Движение, являясь коллективным субъектом, представляющим интересы женщин, ясно демонстрирует прямое вмешательство женщин в политические, социально-экономические процессы. И поэтому тема женского движения охватывает практически все стороны жизни общества через анализ женского бытия и женской социальной и политической активности и представляет собой огромное, многомерное исследовательское поле. Предметом исследования женского движения выступают социальные проблемы, которые вызвали его к жизни, правовое и экономическое положение женщин, институты контроля, организационные структуры движения, их цели, методы, идеологии, акции и те изменения, которые произошли в обществе под воздействием коллективных действий женщин. Исследования женского движения показывают, что женское движение является актором социальных изменений в различных сферах жизни общества. И этот вывод прямо корреспондирует с причинами зарождения и целями Истории женщин.

Также изучение этой темы демонстрирует, что женщины не принимали свое положение безоговорочно, что они боролись за свое право на полноценную жизнь и своими действиями открывали новые возможности для самореализации женской личности.

Вторая причина организационная. Тот факт, что изучение женского движения стало притягательной темой в развитии Истории женщин на этапе становления, объясняется тем, что у этой темы был и есть заинтересованный заказчик. Это современное женское движение. Знания о том, какие изменения движение привнесло в жизнь российского общества в XIX – начале XX веков, что оно дало женщинам рассматривается как исторические корни, позволяет продолжить традиции женского активизма.

Третья причина важности изучения женского движения для Истории женщин та, что любое новое социальное явление, новый феномен социальной жизни вызывает законный интерес исторической науки и требует исследования. Кроме того интерес к теме женского движения в нашей стране был вызван огромным количеством ранее неизвестных и не включенных в научный оборот архивных документов, визуального материала, а также и возможностью применения теоретико-методологического обеспечения различных социальных наук, которые открылись в последние 30 лет. Я имею в виду социологические, политологические, психологические, культурологические теории. Все это дает исследователям возможность стать первооткрывателем неизвестных страниц российской истории.

Помимо этого, изучение, описание нового субъекта политического действия на основе ранее неизвестных архивных и личных источников, введение их в научный оборот дает фактический исторический материал для политической истории и социологии, гендерной политологии и гендерной социологии, расширяет исследовательское поле юриспруденции, способствует их развитию, что важно для отечественной социальной науки.

Анализ отечественной историографии женского движения логично распадается на 3 этапа:

1. Досоветский – конец XIX – начало XX века.
2. Советский – 1920-е годы – начало 1990-х годов.
3. Постсоветский или современный. С начала 1990-х годов по сегодняшний день.

I этап.

За время своего существования с 1860-х по 1917 год женское движение много достигло. Женщины могли получать высшее образование на высших женских курсах или в качестве вольнослушательниц в университетах, а в годы I Мировой стали законными студентками, получили возможность работать во многих сферах экономики, изменились социально одобряемые нормы поведения для женщин, были сняты паспортные ограничения, в политическую повестку страны был поставлен вопрос об избирательных правах женщин. Т. е. женское движение стало заметным субъектом на политической арене страны. Интерес к его изучению всегда возникал в периоды подъема и активной деятельности движения. Правило без исключения – во всех странах женские движения возникали и активно действовали во времена социальных переломов и катаклизмов, когда рушился по тем или иным причинам старый уклад жизни и женщины оказывались в ситуации необходимости заявить о своих проблемах и потребовать своих прав. В России так произошло в годы Великих реформ. Это была I волна женского движения в нашей стране. Та же история произошла в годы Перестройки, когда женское движение вновь возродилось и потребовало учитывать интересы женщин в проводившихся реформах. Это была вторая волна женского движения в России. Вслед за подъемом женского движения всегда началось изучение этого феномена в социально-гуманитарных науках.

Изучение женского движения началось в XIX века с публицистических статей, в которых было много фактического материала, часто очень субъективно изложенного, и мало анализа. Сегодня это исторические источники, т.к. авторы – современники, которые были свидетелями формирования и развития различных женских групп, союзов, клубов.

Они описывали причины их создания, цели, акции, распад или структурные изменения в женских организациях, давали характеристики лидерам.

Профессиональные историки, которыми в середине XIX века были исключительно мужчины, также обратили внимание на движение как на новый объект исторического анализа.

Анализ шел с позиции роли женщин в историческом и культурном развитии общества. Известный историк XIX века Д. Л. Мордовцев даже предложил новую исследовательскую стратегию, новую методологию – увидеть историческую эпоху через юридическое и социально-экономическое положение женщины в обществе.

С появлением первых женщин-историков исследования женского движения еще больше продвинулись. Стоит ли говорить, что женщины-историки довольно быстро начали поиск исторических причин неравенства, а также институтов его поддерживающих. В отличие от первых публицистических работ, здесь использовались методы исторического анализа с опорой на документы, опросы участниц, анализ прессы и др. Многие из авторов были активистками движения. Например, А. Н. Шабанова – врач, лидер Русского Женского Взаимноблаготворительного общества, автор работы «Очерк женского движения в России» и ряда статей по развитию женского медицинского образования как одной из целей движения.

Были разработаны основные понятия и термины, что крайне важно для институционализации новой предметной области. Научное определение женского движения, как общественного движения, разработанное в те годы, практически совпадает с современными представлениями. Так, Шабанова определяла женское движение как «инициативную деятельность женщин по самоорганизации в общества, союзы и клубы, для борьбы за свои права» [1, с. 15]. Другая участница движения и одна из первых женщин историков Е. Н. Щепкина определяла женское движение как «многообразие женских организаций, созданных женщинами для расширения своих прав на образование, на труд, на большие заработки, на получение права голоса в местном самоуправлении и при выборе депутатов в палаты народных представителей» [2, с. 14–15].

К достижениям исследователей того времени следует отнести различение двух терминов, которые использовались как взаимозаменяемые – «женский вопрос» и «женское движение». Усилиями историков того времени «женский вопрос» был определен как комплекс социальных проблем, с которыми сталкиваются женщины как большая социальная группа. «Женское движение» – как организованная деятельность женщин по решению социальных, экономических, политических проблем представительниц своего пола. Главными акторами движения определялись женщины. Т. е. здесь был сделан акцент на самостоятельности и

деятельной активности самих женщин по решению социальных проблем своего пола. Так был заложен теоретический фундамент исследованиям женского движения.

II этап.

В 1917 году новая власть объявила о равенстве всех граждан перед законом без различия пола. Не удивительно, что молодое Советское правительство приняло основные требования женского движения: предоставить женщинам все гражданские и политические права. Эти требования усилиями движения уже вошли в политический дискурс и в программы некоторых партий, дебатировались в Государственной думе. Избирательные права уже были получены «из рук» Временного правительства и Советская власть их, разумеется, акцептировала.

Советское правительство объявило о «даровании» женщинам всей полноты гражданских и политических прав на равных основаниях с мужчинами. Были приняты законы о равной оплате труда, о равном праве на образование, на развод. О роли женских организаций, которые вырабатывали эти требования, вносили их в политическую повестку различных партий, лоббировали в Государственной думе, организовывали акции – женские митинги и шествия в их поддержку, было забыто. Произошло то, что называется «перехват повестки». Активистки женского движения, или как они себя называли «равноправки» были объявлены «буржуазным элементом». Их обвинили в том, что они представляли интересы женщин привилегированных слоев общества и действовали исключительно к их пользе. Это было несправедливо и не верно. Законы, которые были приняты Государственной думой под давлением женского движения, не разделяли женщин по сословиям и классам. Они отражали интересы всех женщин, как одной большой социальной группы. Это была принципиальная позиция. «Равноправки» считали, что женщины – это отдельный класс людей, которых объединяет фактор половой принадлежности и их эксплуатации по признаку пола.

В науке единственным теоретико-методологическим основанием исследований утвердилась марксистская теория, как «единственно верная». Это определило и траекторию анализа исторических процессов и явлений. Общество представлялось как поле битвы двух антагонистских классов – пролетариата и буржуазии и женщинам там места не было. Существование общих проблем и интересов женщин, их единение по признаку пола не признавалось. За дореволюционном женским движением закрепилось определение «буржуазное».

Больше женское движение, как самостоятельный субъект не изучалось. Темой советских исследований стало участие женщин в

революции, их работа в партии, в строительстве социалистического общества, биографии женщин-коммунисток. О деятельности дореволюционных женских организаций, которые боролись за права женщин, их идеях и достижениях окончательно забыли. Так в российской историографии появилось огромное неисследованное предметное поле. Понятие женского движения как самостоятельной деятельности женщин по защите своих интересов не использовалось. На первый план вышла тема как партия большевиков решала «женский вопрос», т. е. социальные проблемы женщин. Таким образом, методологически советская историческая наука вернулась к смешению понятий «женский вопрос» и «женское движение». Под общественным движением в советской науке понималось только рабочее и национально-освободительное движение. Исследования других общественных движений не проводилось. Да и объяснительных теорий для их анализа в арсенале историков не было. Исследования женщин стало непрестижной темой. Хотя конечно писались статьи, защищались диссертации, и вышло несколько хороших монографий на тему решения женского вопроса в имперской России и участия женщин в революционном движении.

III этап.

Таким образом, постсоветским историкам досталось в наследство огромное неисследованное, только обозначенное предыдущими поколениями историков предметное поле. В годы Перестройки тема женского движения всплыла как одна из актуальных тем для развития новых направлений в историографии. Кроме того, у нее был заказчик – возрождающееся независимое женское движение России. Используемые методологии – гендерная теория, теории социологии общественных движений, политологические, психологические, культурологические теории. За прошедшие тридцать пять лет в российской историографии появился целый корпус трудов по различным аспектам движения.

К достижениям современных российских историков следует отнести появление монографий, которые комплексно освещали феномен женского движения, разработку понятийного аппарата исследований общественных движений, разработку периодизации в развитии движения, открытие неизвестных имен, уточнено развитие многих политических процессов.

Первая монография постсоветского времени о женском движении I волны принадлежит О. А. Хасбулатовой «Опыт и традиции женского движения в России. 1860–1917», Иваново, 1994. Затем появилась монография С. Г. Айвазовой «Русские женщины в лабиринте равноправия», М., 1998. Совместная монография О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой

«Женское движение в России. Вторая половина XIX – начала XX века», Иваново, 2003. Вслед за этим моя монография «Русский феминизм как вызов современности», СПб., 2007. Во втором издании она вышла под названием «От дам – патронесс к женотделовкам. История ЖД России», М., 2023.

Таким образом российскими историками рассмотрены различные аспекты женского движения: его идеология и символика, мотивы участия и роли участниц движения, организационные структуры, акции, контакты с зарубежными женскими организациями и др. Так О. А. Хасбулатова исследует устойчивые представления и культурные нормы, бытовавшие в отношении женщин, С. Г. Айвазова – идеи русского феминизма, их распространение и влияние на прохождение Россий модернизации, Н. Б. Гафизова работу россиянок в международном женском движении.

Все эти труды дополнили международную историографию о международном женском движении I волны. История женского движения России середины XIX – начала XX века, заняла свое место в мировой историографии.

Список источников

1. Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.

2. Щепкина Е. Н. Женское движение в годы Французской революции. Пг., 1921.

УДК 316.7:94-055.2

А. Н. Тарасова
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПРОШЛОГО ИЛИ АРХИТЕКТОР БУДУЩЕГО: РОЛЬ ЖЕНЩИН В СОХРАНЕНИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ КАПИТАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме трансформации гендерных ролей в процессе сохранения и воспроизводства исторической памяти. Традиционное представление о женщине, как о «хранительнице прошлого», транслирующей семейные нарративы, всё чаще вступает в противоречие с реальными практиками институционального участия. Цель работы – на основе эмпирических данных о российском студенчестве определить, какой тип агентности (традиционно-семейный или институционально-общественный) преобладает у современных молодых женщин в сфере сохранения капитала исторической памяти о Великой Отечественной войне. Результаты показывают, что вопреки стереотипам, доля молодых женщин, реализующих институционально-общественный тип агентности («архитектор будущего»), значительно превышает долю приверженных исключительно семейным практикам хранения памяти. Однако выявлена и настораживающая тенденция: более трети студенток выступают «сторонними наблюдателями», не включёнными в воспроизводство капитала исторической памяти.

Annotation. The article is devoted to the actual problem of the transformation of gender roles in the process of preservation and reproduction of historical memory. The traditional view of a woman as a «keeper of the past» who transmits family narratives is increasingly coming into conflict with the actual practices of institutional participation. The purpose of this work is to determine, based on empirical data on Russian students, which type of agency (traditional family or institutional-public) prevails among modern young women in the field of preserving the capital of historical memory about the Great Patriotic War. The results show that, contrary to stereotypes, the proportion of young women who implement the institutional-social type of agency («architect of the future«) significantly exceeds the proportion of those who adhere exclusively to family practices of memory storage. However, a concerning trend has been identified: more than a third of female students act as «outside observers« who are not involved in the reproduction of historical memory capital.

Ключевые слова: историческая память, культурный капитал, меморизация, молодые женщины.

Keywords: historical memory, cultural capital, memorization, young women.

© Тарасова А. Н., 2026

* *Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 25 – 28 – 00900).*

Проблема сохранения и воспроизводства исторической памяти в современной России выступает как одна из приоритетных задач государства [1, с. 22]. Смена поколений, цифровизация и гендерная трансформация («современная женщина перестала быть «слабой»», а стала целеустремленной и успешной [3, с. 148]) актуализируют вопрос о роли женщины в сохранении исторической памяти. Традиционно женщинам отводится роль «хранительниц очага», и, по аналогии, «хранительниц прошлого», эмоциональных трансляторов семейных нарративов, участниц ритуалов. Однако современные женщины активно включены в деятельность различных организаций по сохранению памяти, т. е. реализуют стратегию институциональной работы с прошлым. Хотя исследователями отмечается, что для россиянок характерна стратегия «аполитичного альтруизма» и доминирование диффузных и личностно-ориентированных форм участия [5, с. 123], но действительно ли молодые женщины в своей практике ограничиваются пассивным хранением памяти, или все же они выступают активными архитекторами будущего, т. е. субъектами, конструирующими образ будущего через конвертацию капитала исторической памяти? Ответ на этот вопрос важен не только для гендерной теории, но и для государственной молодежной политики.

Цель данной статьи – на основе эмпирических данных о российском студенчестве определить, какой тип агентности традиционно-семейный («хранительница прошлого») или институционально-общественный («архитектор будущего») преобладает у современных молодых женщин в сфере сохранения и воспроизводства капитала исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Статья построена на эмпирических данных, собранных в период с 15 декабря 2024 г. по 15 февраля 2025 г. в ходе V волны федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне» [4], организатором которой был Уральский федеральный университет (рук. д-р филос. наук, профессор Ю. Р. Вишневский). В опросе приняли участие студенты более 80 вузов из всех федеральных округов РФ. Общий объем выборки составил 19232 российских студента, из которой выделена подвыборка женщин – 12922 человек. Широкий географический охват и большой размер женской подвыборки обеспечивают надежность результатов и обоснованность выводов. Среди опрошенных студенток 71 % учатся на программах бакалавриата, 24 % – специалитете и остальные 5 % в магистратуре, ординатуре, аспирантуре. Почти половина респонденток (47 %) – это студентки гуманитарного профиля, 17 % – медицинского, 9 % – социально-экономического, 8 % – технического и 7 % естественно-научного профиля, представленность прочих специальностей не значительна. Распределение по курсам примерно

соответствует распределению генеральной совокупности, отражая убывание доли с каждым курсом: 42 % с 1 курса, и далее 22 %, 16 %, 13 % и 7 % с 5 – 6 курсов.

Капитал исторической памяти рассматривается как разновидность культурного, обеспечивающего преемственность ценностей, опыта, традиций поколений. В данном исследовании берется не историческая память в общем, а только контекст сохранения памяти о Великой Победе в ВОВ.

Тип агентности (традиционно-семейный или институционально-общественный) замеряется через практики участия в праздновании Дня Победы, которые могут реализоваться как в рамках семейных традиций («хранительница прошлого»), так и в форме институционализированных общественно реализуемых практик, обеспечивающих воспроизводство капитала истерической памяти в обществе («архитектор будущего»).

Респондентам задавался вопрос «Как обычно Вы проводите 9 мая?» на который можно было выбрать несколько вариантов ответа. Результаты ответов студенток представлены на рисунке.

Данные, представленные в диаграмме, позволяют оценить степень включенности молодых женщин в различные формы сохранения и воспроизводства исторической памяти о Великой Отечественной войне. Лидирующей формой пассивного участия является «смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный)», его выбрали 56 % студенток. Данная практика, как и участие в праздничных мероприятиях (33 %) выступает ритуалом национальной солидарности, не требующим активного включения, а соответственно не рассматривается нами как практика сохранения и воспроизводства капитала исторической памяти, хотя пассивное включение имеется. Для 19 % молодых женщин 9 Мая просто выходной, для них праздник вообще не включен в мемориальный контекст.

Сложившаяся практика проведения 9 мая, %
(сумма более 100 %, т. к. можно было дать несколько вариантов ответа)

Традиционно-семейный тип агентности при сохранении и воспроизводстве капитала исторической памяти проявляется через участие в семейных, домашних практиках участия (с родными за праздничным столом и/или на кладбище, где похоронены родные, участники войны). Почти четверти опрошенных студенток (26 %) присуще такое участие, которые охарактеризованы как «хранительницы прошлого».

Поздравление ветеранов и возложение цветов к вечному огню демонстрируют уже активную, публичную форму участия., и отнесены к институционально-общественному типу агентности, который проявляется у 39 % респонденток («архитекторы будущего»).

Особо стоит выделить практику участия в шествии «Бессмертный полк», которое, с одной стороны, проявление публичной формы участия, с другой, является актом персональной презентации памяти о своих родственниках-ветеранах. Такие студентки могут рассматриваться и как «хранительницы прошлого» и как «архитекторы будущего», поскольку их действия направлены на внешнюю трансляцию и закрепление памяти в общественном пространстве.

Учитывая, что возможно было сочетание практик, среди женщин было выделено 4 типа проявления агентности при сохранении и воспроизводства капитала исторической памяти.

1) «Сторонний наблюдатель», при которой не совершается каких-либо активных действий, направленных на сохранение исторической памяти, что грозит ее стиранием и утратой. И хотя с утверждением, что с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы, согласились лишь 14 % студенток, а посчитали, что героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи лишь 5 % опрошенных, более трети (36 %) женщин не включены в сохранение капитала исторической памяти о войне.

2) «Хранительница прошлого», т. е. чистый традиционно-семейный тип агентности, который проявляется у 14 % молодых женщин.

3) «Архитектор будущего», т. е. чистый институционально-общественный тип агентности, характерный для 28 % студенток.

4) Смешанный тип, в котором сохранение и передача исторической памяти в семье сочетается с общественным участием в воспроизводстве капитала исторической памяти, отмечается у 22 % опрошенных женщин.

В заключение хотелось бы отметить, что женщины студентки статистически значимо чаще мужчин демонстрируют ориентацию на публичное воспроизводство капитала исторической памяти, т. е. проявляют свойства «архитекторов будущего». Мужчины чаще оказываются в роли

стороннего наблюдателя (42 % в сравнении с 36 %). Выраженность «архитекторской» роли внутри женской подвыборки положительно коррелирует с наличием семейной традиции памяти (родственники-ветераны, семейные архивы).

Таким образом, данное исследование вносит вклад в преодоление упрощенного взгляда на женскую мнемоническую субъектность и предлагает эмпирически обоснованный ответ на вопрос, вынесенный в название статьи: «Хранительница прошлого или архитектор будущего?». Практики, отражающие традиционно-семейный тип агентности при передаче исторической памяти (кладбище, праздничный стол), оказываются менее популярны среди женщин и уступают место публично-символическим. Результаты подтвердили гипотезу о трансформации женской мнемонической роли: от уединённого семейного «хранения» к публичному «архитектурному» воспроизводству. Настораживающим фактом является отказ значительной доли молодых женщин от участия в сохранении и воспроизводстве капитала исторической памяти (занятие позиции стороннего наблюдателя). Возможно, такая позиция проявляется только в контексте войны. Например, исследователи из Южного федерального университета, анализируя социальные представления современной российской молодежи, о ВОВ отмечают наличие «чувства страха при репрезентации себя в условиях военного времени, психологическое дистанцирование от связанных с войной угроз и рисков, а также установка на неучастие в боевых действиях» [2, с. 18], что возможно отражается на готовности эмоционального вовлечения в коммеморативные практики.

В теоретическом плане исследование вносит вклад в гендерную теорию коллективной памяти, эмпирически демонстрируя смену паттернов женской мнемонической агентности. Практическая значимость в обозначенной проблеме «сторонних наблюдателей», что указывает на необходимость разработки адресных программ вовлечения молодых женщин, учитывающих не только семейные нарративы, но и их уже сложившуюся ориентацию на публичные, институциональные форматы. Без этого существует риск дальнейшей эрозии капитала исторической памяти даже при сохранении формальной лояльности официальным коммеморациям.

Список источников

1. *Грошева И. А.,* Грошев И. Л. Историческая память современной молодежи в условиях трансформации прошлого в настоящем // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – 2025. № 13. С. 22 – 27. DOI 10.37386/2687 – 0592 – 2025 – 13 – 22 – 27.

2. *Гугуева Д. А.,* Мосиенко О. С. Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодежи // Caucasian Science Bridge. 2025. Т. 8, № 3(29). С. 8 – 21. DOI 10.18522/2658 – 5820.2025.3.1.

3. *Дюжева М. Б.,* Роговская Н. И. Национальная трансформация образа женщины – хранительницы домашнего очага в XXI веке // Инновационная экономика и общество. 2024. № 4(46). С. 148 – 158.

4. Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005 – 2010 – 2015 – 2020 – 2025 гг.): монография. / Андрианова Е.В.; Ануфриева Е.В.; Балясов, А.А. и др. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. 592 с.

5. *Шаповалова И. С.,* Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116–136.

УДК 316.614-055.1/.2(470)

Н. А. Бальбот
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ*

Аннотация. В работе анализируются гендерные различия в социокультурной идентичности россиян. На основе эмпирических данных, полученных методом онлайн-опроса, выявлено, что женщины чаще ориентируются на постматериалистические ценности, такие как права человека, самовыражение, толерантность, тогда как мужчины в большей степени поддерживают сильное государство, патерналистские установки и конфронтационное восприятие внешнего мира. При этом у обоих полов выявлен ценностный дуализм, при котором постматериалистические ориентации сочетаются с запросом на стабильность, безопасность и традиционные идентичности. Результаты позволяют делать вывод о гибридном характере ценностных структур в современном российском обществе и о более выраженной адаптивности женской идентичности к сочетанию различных норм.

Annotation. The article analyzes gender differences in the sociocultural identity of Russians. Based on empirical data obtained through an online survey, it was revealed that women are more likely to be guided by post-materialistic values such as human rights, self-expression, tolerance, while men are more likely to support a strong state, paternalistic attitudes and confrontational perception of the outside world. At the same time, value dualism was revealed in both sexes, in which post-materialistic orientations are combined with a demand for stability, security and traditional identities. The results allow us to conclude about the hybrid nature of value structures in modern Russian society and about the more pronounced adaptability of female identity to a combination of different norms.

Ключевые слова: идентичность, гендер, женщины, ценности, Россия.
Keywords: identity, gender, women, values, Russia.

© Бальбот Н. А.., 2026

Данная статья подготовлена в рамках реализации госзадания по НИР «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества», шифр научной темы SZG – 2026 – 0008.

Проблема гендерной социокультурной идентичности в современной России находится на пересечении глобальных модернизационных и локальных институциональных процессов. С одной стороны, эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта предсказывает устойчивый сдвиг от материалистических ценностей к постматериалистическим, а также трансформацию ценностного ядра в сторону эмпатии, сотрудничества и ненасилия [6]. С другой стороны, российское государство последовательно конструирует дискурс «традиционных ценностей», закрепляя его в законодательстве и образовательных практиках. Это создаёт уникальную ситуацию: ожидаемая линейная эволюция гендерных установок сталкивается с мощным встречным вектором.

Понятие социокультурной идентичности разрабатывалось в русле нескольких научных традиций. Классическое понимание идентичности как результата взаимодействия «Я» и общества восходит к символическому интеракционизму Дж. Мида и Ч. Кули, где идентичность формируется через зеркальное отражение оценок значимых других [4,3]. Гендерная идентичность определяется как внутреннее ощущение человеком своей принадлежности к мужскому, женскому или иному гендеру, а также учитывается соответствующее поведение и самопрезентация. В своей концепции «феминизации общества» Р. Инглхарт утверждает, что рост экзистенциальной безопасности ведёт к сдвигу от материалистических ценностей к постматериалистическим, к «нормам индивидуального выбора» и системно изменяет человеческую мотивацию. Происходит фундаментальная трансформация ценностного ядра в сторону качеств, традиционно кодируемых как «женские».

Российские исследователи фиксируют противоречивую динамику. П. М. Козырева и А. И. Смирнов в своем исследовании показали «сдержанное повышение» поддержки гендерного равенства (20 % мужчин и около 35 % женщин) и ввели понятие ценностного дуализма, который обозначает сосуществования трудно совместимых гендерных идеологем [2]. К. А. Воронова и И. В. Кетов выявили, что конфликт традиционной и постматериалистической моделей порождает гендерную асимметрию: высокая образовательная активность женщин сочетается с горизонтальной и вертикальной сегрегацией на рынке труда, а также с нормативно-ролевой перегрузкой [1]. И. С. Шаповалова, Е. А. Чернышева и И. С. Заводян ввели понятие ограниченной агентности, описывающее адаптационные стратегии женщин в условиях давления традиционных

норм, рациональный адаптивный механизм между традиционными ожиданиями и современными реалиями. [5, с. 121].

В данном исследовании стояла задача на основе эмпирических данных выявить гендерные различия в иерархии идентичностей и ценностных ориентациях россиян. Как рядовые граждане переживают и проживают конфликт между постматериалистическими ценностными ориентациями, фиксируемыми в опросах, и институциональным движением в сторону традиционных моделей?

Исследование.

Для выявления гендерных различий в иерархии идентичностей и ценностных ориентациях было проведено исследование, охватившее все федеральные округа Российской Федерации. Выборку формировали в несколько этапов, чтобы она максимально точно отражала территориальную структуру населения. На первом этапе выполнялась стратификация по федеральным округам пропорционально численности населения, на втором этапе внутри страт проходил случайным образом отбор респондентов при помощи онлайн панели. Всего было опрошено 800 респондентов.

Гендер является основной идентичностью в равной степени у мужчин и женщин. Однако за рамками этой общей идентичности начинаются значимые различия. Женщины больше идентифицируют себя через семейный статус и профессию, мужчины через гражданство, национальность и религию. Наименьшее число респондентов ощущают себя представителями своего поколения и причисляют себя к какой-либо социальной группе, в скобках были перечислены в качестве примера такие статусы как пенсионер, студент, военный, домохозяйка. Таким образом, из полученных данных можно сделать вывод о том, что женская идентичность более «приватна», мужская более «публична» (см. рис.).

Доминирующая идентичность

При рассмотрении вопроса о цивилизационной идентичности, респондентам был задан вопрос «К какой цивилизации вы бы себя отнесли?». В ответах у мужчин превалирует российская идентичность, они чаще выбирали концепт «Россия как отдельная цивилизация». У женщин доминирует православная идентичность, более того, она превосходит российскую как общенациональную. Это может указывать на значимость православия не только как религии, но и глубинного культурного маркера идентичности. Кроме того, женщины значительно чаще идентифицируют себя как «человек мира», что коррелирует с постматериалистической ориентацией и значительно расширяет их мироощущение. «Западная» цивилизация не нашла отклика у респондентов, «евразийская» также не является доминирующей и присуща больше мужчинам.

Иерархия ценностей у обоих полов совпадает по самым значимым позициям и демонстрирует абсолютный приоритет «материалистических» ценностей безопасности и стабильности. Респондентам было предложено ответить на вопрос «какие ценности являются для вас важными?». Среди наиболее приоритетных для себя ценностей респонденты указали здоровье, семью, справедливость, права человека. Наименьшее значение для обоих полов имеет коллективизм. А вот далее были выявлены основные гендерные отличия в приоритетах. Женщины значимо опережают мужчин по постматериалистическим ценностям: права человека, свобода слова, равенство национальностей. Наибольший разрыв между мужской и женской идентичностью зафиксирован по таким понятиям, как толерантность и возможность самовыражения, они оказались гораздо важнее для женщин. При этом данные не позволяют говорить о полном разрыве с традиционными ориентирами: права человека и самовыражение сочетаются у женщин с высоким значением семьи и здоровья, что указывает на устойчивую гибридность ценностной структуры. Мужчины выше оценивают «сильное государство», патриотизм и служение стране.

Далее респондентам был предложен набор суждений, который представляет собой шкалу политико-ценностных установок и фиксирует отношение к собственности, государству, идеологии, внешней политике, национальному вопросу, религии, правам человека и модели политического режима. По содержанию были смешаны традиционалистские, патерналистские, националистические, либеральные и эгалитарные позиции для выявления ценностного профиля и идеологической ориентации человека.

На вершине у обоих полов оказались такие суждения, как «неприкосновенность частной собственности», «восстановление дружеских связей с соседями», представление о России как мирной демократической стране. При этом мужчины значительно чаще поддерживают «государственную идеологию», «твердую руку для России» «смену всей элиты», «возвращение смертной казни» и идею «Россия в кольце врагов». Женщины в большей степени за равные права всем группам населения, но также поддерживают «сильное государство».

Наибольший гендерный разрыв зафиксирован по отношению к возврату смертной казни, мужчины значительно сильнее поддерживают инициативу. Полученные данные усиливают тезис о том, что мужчины в большей степени ориентированы на «силовые» и патерналистские модели, которые предполагают, что безопасность и целостность обеспечиваются не расширением индивидуальной свободы, а вертикалью власти, дисциплиной и символическим единством.

Обращает на себя внимание высокий средний балл среди обоих полов по такой ценности, как «права человека» при одновременном запросе на сильное государство, что можно трактовать как яркое проявление ценностного дуализма.

Возрастной фактор усиливает эти различия. У респондентов мужского пола 55 лет и старше повышается значимость патриотизма, служения, единства народа и сильного государства, тогда как у более молодых возрастных когорт выше ценность самовыражения, прав человека и свободы слова. У женщин младше 35 лет показатели по таким ценностям, как права человека, свобода слова и толерантность существенно выше, чем у мужчин того же возраста. Это согласуется с теорией межпоколенческого сдвига: более молодые респонденты, особенно женщины, ориентированы на индивидуалистические и универсалистские ценности, тогда как старшие поколения сохраняют приверженность коллективистским и государственническим ориентирам. При этом возраст не отменяет гендерных различий, а лишь накладывается на них, формируя многослойную структуру ценностных установок.

Выводы.

Женщины в России опережают мужчин по уровню постматериалистических ценностей (права человека, самовыражение, толерантность, космополитизм). Данные по толерантности согласуются в двух вопросах: женщины выше оценивают и абстрактную «толерантность», и конкретную меру «равные права для всех групп».

Гендерная социокультурная идентичность в России представляет собой гибридную конфигурацию: постматериалистические ценности женщин не ведут к разрыву с традиционными идентичностями, а интегрируются с ними в устойчивую форму. Мужчины, напротив, сохраняют более выраженную конфронтационность и патерналистский запрос.

Выявлена гендерная специфика «ценностного дуализма»: мужчины сочетают поддержку прав человека с запросом на «сильную руку» и смертную казнь, а женщины постматериалистические ценности с высокой ориентацией на семейный статус и православную идентичность. Можно сказать, что они адаптируются к традиционным ожиданиям, сохраняя внутреннюю эмансипацию.

Список источников

1. *Воронова К. А.,* Кетов И. В. Социальное положение женщин в современном российском обществе через призму социокультурных гендерных ценностей и норм // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 3. С. 459–474. DOI: 10.17072/2078 – 7898/2025 – 3 – 459 – 474.

2. *Козырева П. М.,* Смирнов А. И. Динамика поддержки принципа гендерного равенства в современной России // Социологический журнал. 2026. Т. 32. № 1. С. 9–27. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.1. EDN: ACXVVE.

3. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

4. Мид Дж. Г. Сознание, самость и общество / пер. с англ. М.: Директ-Медиа, 2007.

5. Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (Региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116–136. DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8. EDN: AXZYNF.

6. Inglehart R. Cultural Evolution: People‘s Motivations Are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 290 p. ISBN: 978 – 1 – 108 – 42952 – 8.

УДК 331.5:316.346.2

С. М. Ребрей

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА И ВРЕМЕННЫЕ ЗАТРАТЫ НА НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

Аннотация. В работе анализируется феномен гендерной горизонтальной сегрегации – устойчивого разделения рынка труда на «мужские» и «женские» профессии, – который, вопреки прогнозам второй половины XX века, продолжает расти в XXI столетии. Доминирующее теоретическое объяснение связывает концентрацию женщин в феминизированных профессиях с необходимостью совмещать оплачиваемую занятость с неоплачиваемым домашним трудом. Гипотеза проверяется на микроданных Выборочного наблюдения использования суточного времени населением РФ за 2024 г. Выявлено, различия во временных затратах на неоплачиваемый домашний труд в зависимости от степени феминизации профессии статистически незначимы; значимыми детерминантами выступают продолжительность сна и время в дороге на работу. Результаты свидетельствуют о структурно-институциональной, а не индивидуально-поведенческой природе женской профессиональной сегрегации.

Annotation. The paper analyzes the phenomenon of gender horizontal segregation–the persistent division of the labor market into "male" and "female" occupational segments–which, contrary to the forecasts of the second half of the twentieth century, continues to grow in the twenty-first century. The dominant theoretical explanation links women's concentration in feminized occupations to the need to combine paid employment with unpaid domestic labor. The hypothesis is tested using microdata from the 2024 Russian Sample Survey of Daily Time Use. It is revealed that differences in time spent on unpaid domestic labor depending on the degree of occupational feminization are statistically insignificant; significant determinants include sleep duration and commuting time. The findings point to the structural-institutional rather than individual-behavioral nature of women's occupational segregation.

Ключевые слова: гендерная горизонтальная сегрегация, неоплачиваемый домашний труд, двойная нагрузка, феминизированность профессии

Keywords: gender horizontal segregation, unpaid domestic work, double burden, occupational feminization

Гендерная горизонтальная сегрегация – деление рынка труда на женские и мужские сегменты – выступает фундаментальной характе-

© Ребрей С. М., 2026

ристикой современного рынка труда. Исследования, начавшиеся во второй половине XX века, прогнозировали ее снижение по мере экономического и технологического прогресса [1; 4; 6]. Однако этого не происходит: в XXI веке горизонтальная сегрегация растет. Женская занятость увеличивается преимущественно за счет «женских» видов экономической деятельности – образования и здравоохранения. Даже в наиболее развитых и гендерно равных странах женщины все больше концентрируются в женских сегментах [3; 5; 13]. В России горизонтальная сегрегация также растет [14].

Неоклассический, гендерный и институциональный подходы объясняют горизонтальную сегрегацию двойной нагрузкой женщин: неоплачиваемый домашний труд вынуждает женщин выбирать профессии, где легче сочетать оплачиваемую и неоплачиваемую занятость [2; 10; 7]. Однако реальная связь между работой в феминизированной отрасли и временными затратами на домашний труд эмпирически не установлена. Настоящее исследование проверяет наличие этой связи на основе Выборочного наблюдения использования суточного времени населением 2024 г.

Методология включает классификацию профессий по методологии Анкера [1], индекс диссимиляции Дункана [8], описательные статистические методы, корреляционный и регрессионный анализ, а также методы машинного обучения для выявления значимых предикторов.

Выборка включает 35 060 респондентов (19 832 женщины, 15 228 мужчин) в возрасте 20 – 60 лет. Распределение времени имеет выраженную гендерную специфику: мужчины тратят на работу 477 мин/сут (женщины – 434), женщины – на сон 471 мин (мужчины – 468). Мужчины тратят на дорогу на 10 минут больше, на домашний труд – более чем в 2 раза меньше.

Средняя доля женщин в профессии для женщин составляет 0,801 (медиана 0,893), для мужчин – 0,256 (медиана 0,154). Различия статистически значимы ($t = 205,2$, $p < 0,001$). Тест Колмогорова-Смирнова подтверждает непересекаемость распределений ($D = 0,676$, $p < 0,001$). С использованием классификации по доле женщин с шагом 20 п. п. установлено: 67,7 % женщин сконцентрированы в высокофеминизированных профессиях (>80 % женщин); 58,5 % мужчин – в высокомаскулинизированных (<20 % женщин). Лишь 9,2 % женщин и 10,7 % мужчин работают в смешанных средах (40 – 60 % женщин).

Распределение женщин и мужчин по степени феминизации профессии

Степень феминизации сектора	Женщины	Мужчины
Высокомаскулинизированные (0 – 20 % женщин)	3,2	58,5
Маскулинизированные (20 – 40 % женщин)	4,6	15,1
Смешанные (40 – 60 % женщин)	9,2	10,7
Феминизированные (60 – 80 % женщин)	15,3	8,6
Высокофеминизированные (80 – 100 % женщин)	67,7	7,1
Всего	100,0	100,0

Наиболее выраженные различия в портрете женщин по степени феминизации проявляются в уровне образования: доля с высшим образованием растет от высокомаскулинизированных (30 %) к феминизированным (60 %), затем снижается в высокофеминизированных (46 %). Семейное положение и наличие детей различаются незначительно. Рабочие часы снижаются от высокомаскулинизированных (40,4 ч/нед) к высокофеминизированным (38,3 ч/нед). Гибкий график чаще встречается в маскулинизированных профессиях (13–16 %), чем в высокофеминизированных (10,3 %), что опровергает мнение о связи феминизации с гибкостью. Неоплачиваемый труд минимален в высокомаскулинизированных (2,2 ч/сут), максимален в феминизированных (2,6 ч/сут). Двойная нагрузка снижается от 11,2 до 10,7 ч/сут.

Пять самых частых женских профессий (бухгалтеры, продавцы, педагоги школ и дошкольного образования, экономисты) демонстрируют значительную гетерогенность условий занятости, оплаты и бюджетов времени, что подтверждает существенную дифференциацию внутри высокофеминизированного сегмента.

Двойная нагрузка характерна для всех занятых женщин независимо от степени феминизации профессии. Женщины из маскулинизированных сфер жертвуют сном, из феминизированных – работают ближе к дому, но временные затраты на домашний труд практически не отличаются.

Список источников

1. *Anker R,* Office IL (1998) Gender and Jobs: Sex Segregation of Occupations in the World. International Labour Office.

2. *Becker GS* (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. Journal of Political Economy 70: 9–49.

3. *Breda T,* Jouini E, Napp C, Thebault G (2020) Gender stereotypes can explain the gender-equality paradox. PNAS 117: 31063–31069.

4. *Bertaux NE* (1991) The roots of today's "women's jobs" and "men's jobs". Explorations in Economic History 28: 433–459.

5. *Barth E,* Reisel L, Misje Østbakken K (2024) The Equality Hurdle. Work, Employment and Society 38: 766–786.

6. *Blackburn RM*, Jarman J, Brooks B (2000) The Puzzle of Gender Segregation. European Sociological Review 16: 119–135.

7. *Blau FD,* Kahn LM (2017) The Gender Wage Gap. Journal of Economic Literature 55: 789–865.

8. *Duncan OD,* Duncan B (1955) A Methodological Analysis of Segregation Indexes. American Sociological Review 20: 210.

9. European Commission (2009) Gender segregation in the labour market. Publications Office, LU.

10. *Mincer J,* Polachek S (1974) Family Investments in Human Capital. Journal of Political Economy 82: S76–S108.

11. *Osterloh M,* Rost K (2024) The Gender Equality Paradox. Routledge Open Research 2: 48.

12. United Nations (2005) Guide to producing statistics on time use. UN, New York.

13. *Liepmann H,* Hegewisch A (2025) Revisiting occupational segregation. ILO, Geneva.

14. *Варшавская Е. Я.* (2026) Профессиональная гендерная сегрегация на российском рынке труда. Мониторинг общественного мнения: 275–299.

УДК 94(47)"18":316.343.32-055.2

А. В. Белова
Тверской государственнйо университе, Центр гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Тверь

ЖЕНСКИЙ ДВОРЯНСКИЙ ЭТОС В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме женского дворянского этоса в контексте исследований социальной антропологии повседневности. Основное внимание уделено выявлению специфики кинкипинга, или сохранения родства, в российских дворянских семьях в первой половине XIX в. как структурного элемента женского дворянского этоса. Делается вывод о том, что женская семейная память играла ключевую роль в кинкипинге, в сохранении родства, поддержании родственных отношений и конструировании семейного сообщества.

Annotation. This article examines the women's noble ethos in the context of research into the social anthropology of everyday life. The focus is on identifying the specifics of kinkeeping in Russian noble families in the first half of the 19th century as a structural element of the women's noble ethos. It concludes that women's family memory played a key role in kinkeeping, preserving kinship, and maintaining of the family relationships and the construction of a family community.

Ключевые слова: женский дворянский этос, женская семейная память, кинкипинг, женская история, социальная антропология повседневности, женская повседневность.

Keywords: women's noble ethos, women's family memory, kinkeeping, women's history, social anthropology of everyday life, women's everyday life.

Этос одна из центральных исследовательских проблем в социальной антропологии повседневности. Под этосом в данной статье понимаются правила поведения, принятые внутри обозримого социума. Разумеется, этимология термина восходит к древнегреческому ethos «нрав», «характер», «привычка», «обычай» (смысловой аналог лат. mores «нравы», «обычаи», «характер», «поведение»), однако современные смыслы сформированы в новейшее время, уже в XX в., и приближены к понятию «стиля жизни», закрепленному в немецком (Lebensstil), английском (lifestyle) и перешедшему в русский («лайфстайл»). Этнологи и антропологи традиционно изучали жизненные привычки и бытовавшие в аборигенных и современных сообществах обычаи, их интересовали не навязанные формально, но сложившиеся непосредственно культурные установки и ценности, поведенческие устои, регулировавшие бытование

© Белова А. В., 2026

той или иной группы и отличавшие ее от иных сообществ социальные проявления и эмоциональные режимы. В этом смысле говоря о женском дворянском этосе в имперской России конца XVIII середины XIX века имеется в виду набор этических характеристик, определяющих самоорганизацию сообщества женщин, принадлежавших к родовитому образованному дворянству, разделявших на разных этапах жизненного цикла особые стили загородной усадебной жизни с характерными моделями поддержания внутриродовой и межродовой коммуникации, индивидуальной и групповой идентичности и семейной памяти.

Трансляция женщинами наиболее значимого социального и культурного опыта сообщества обусловлена их традиционной ролью в воспроизводстве поколений, социализации и инкультурации, организации повседневного пространства семейного бытового уклада. Ключевые задачи самоорганизации сообщества в качестве важнейшего механизма включали сохранение этнокультурной памяти, масштабируемой на уровне семейных групп до фреймов семейной памяти.

В современных обществах выявлена особая функция по поддержанию родственных связей и семейных традиций, для обозначения которой существует специальный термин кинкипинг (kinkeeping) «сохранение родства». Кинкипинг считается важной эмоциональной и организационной работой и существенным вкладом в сохранение целостности семейной группы и материализацию семейной памяти. Как показывают современные демографические и социологические исследования, эта функция как правило либо возлагается на женщин, либо они по умолчанию добровольно принимают ее на себя [8]. При этом кинкипинг настолько время и энергозатратная деятельность, далеко не всегда приносящая личный эмоциональный фидбэк исполнительницам, что это позволило назвать ее «еще одной работой для женщин» [4]. Объявленный в апреле 2024 г. онлайн-словарем Dictionary словом дня термин kinkeeping стал достоянием массовой культуры после того, как видео об этом явлении завирусились в TikTok и появились публикации в СМИ, в т.ч. русскоязычных [4; 5]. Стоит отметить, что речь идет в данном случае не о хорошо известном антропологам традиционном для женщин домашнем труде, подразумевающем неоплачиваемую работу по дому, уход за детьми, содержание родственников и заботу о них, а о труде, связанном с укреплением семейных связей, включая организацию общесемейных мероприятий, встреч и выездов, празднование дней рождения или иных ритуалов, отправку подарков, приготовление традиционных праздничных блюд для семейных посиделок, распространение новостей, телефонные звонки, написание писем, посещения и визиты, уход за немощными членами семьи или оказание экономической помощи, представление семьи в публичном

пространстве и др. Термин kinkeeping введен в науку в 1985 г. социологом К. Дж. Розенталь [9], которая концептуализировала его как важный, но менее часто изучаемый аспект разделения домашнего труда [8]. Нидерландские исследовательницы М. Хорнстра и К. Иванова сделали вывод о «поддержании отношений как несколько “невидимой” форме когнитивного домашнего труда, которая в основном приписывается материнской фигуре» [8].

Кинкипинг как усилия по поддержанию связей между членами семьи характерен не только для современных, но и в еще большей степени для традиционных обществ, в которых родственная и семейная консолидация обеспечивали структурные элементы самоорганизации сообществ. Цель статьи выявить специфику кинкипинга в дворянских семьях в первой половине XIX в. как структурного элемента женского дворянского этоса. При объективной невозможности проведения опросов субъективные источники мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие образованным женщинам, служат одновременно документальной базой по истории женской семейной памяти, практик женской повседневности и этических паттернов.

Эвристический потенциал женской автобиографической, семейной и социальной памяти делает целесообразным ее исследование в контексте истории женщин и социальной антропологии женской повседневности [1]. В этой связи миссия женской семейной памяти сводится к запечатлеванию и межпоколенческой трансляции прагматически и символически значимых паттернов поведения и эмоциональных реакций, поддержанию целостности группы для выработки сопричастности к ней и последующей самоидентификации представителей будущих поколений, рефлексии и учету личного и коллективного опыта, который в будущем может иметь существенное значение.

Исторически женщины выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской государственности, но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого следует считать жизнеспособность общества как социальной системы и сохранение его этнокультурной специфики. Имеются в виду представительницы не только традиционных групп с бесписьменной передачей опыта, но и образованных дворянских слоев, структурно определяемых замкнутой родовой организацией и традиционным семейным этосом.

Исследования женской семейной памяти изучают исторический опыт женских нарративов в формировании и трансляции личных и коллективных представлений прошлого, стратегий запоминания и забывания, соотношения моделей повествовательной коммуникации и

социальной практики [2]. В российском дворянском сообществе XIX в. семейная память воплощалась в женском нарративе, на что указывают не только частные и семейные архивы, но и литературные свидетельства [6, с. 209]. Женщины, выступая хранительницами и трансляторами традиционного дворянского этоса, воспроизводили его, помимо прочего, через механизмы семейной памяти.

Повседневные привычки и устои российских дворянок подлежат исследованию в контексте анализа их специфического традиционного образа жизни, их жизненных миров, реконструируемых на основе их собственного голоса, исходя из самоописания женских дворянских идентичностей в субъективных источниках, эго-документах. Судя по ним, женская повседневность в провинции отличалась плюральностью практик [3, с. 34], направленных на кинкипинг («сохранение родства»): регулярным участием в обычае гостевания для поддержания коммуникации между родственниками, координированием хозяйственной жизни дворянской усадьбы для обеспечения экономического ресурса семьи и управления совместным имуществом, попечением об образовании детей из родственных семей, их общем воспитании для усвоения ими родственных чувств и сохранения их в будущем, следованием требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), проведением совместно с родственниками религиозных и семейных праздников, ведением регулярной обширной переписки [7] с представителями семейно-родственного круга.

Значительная доля в каждодневном ресурсе времени уделялась обеспечению родственных взаимодействий в той или иной форме (включая ежедневные совместные приемы пищи, домашние молебны и церковные службы, периодические встречи представителей родственных семей, семейные обряды и ритуалы), поддержанию социальных контактов между членами многочисленных семей. Именно женщины в устном общении и частной переписке [7] становились обладательницами информации о состоянии здоровья и каждодневной событийности родственников и представителей родственных семей, обменивались ею для оказания необходимой помощи и поддержки. Главное, они обеспечивали символическое единство семейно-родственного сообщества, выражая причастность к нему в устной и письменной коммуникации.

Применительно к современности употребляется термин кинкипер, или «родственник-хранитель это человек в семье, участвующий в управлении семейными отношениями, позиция, традиционно выполняемая женщинами» [8]. В XIX в. гендерная специфика провинциальной повседневности была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин [3, с. 34], позволяющим ассоциировать усадебную

повседневность с женским миром. Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений это была старшая женщина: бабушка, мать или старшая сестра. «Женское» главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи [3, с. 34]. Старшая из всех сестер и братьев могла стать преемницей матери в качестве главы многочисленной семьи и хранительницы родственных связей дворянского рода. Не состоя в браке и не имея собственных детей, в отличие от матери и других сестер, она сосредоточивалась на поддержании единства родительской семьи, выполнении функций кинкипинга как минимум двух поколений представителей рода, живших в разных усадьбах, городах и губерниях. Незамужняя старшая сестра могла унаследовать от матери, не только право на управление общим имением, но и особую роль в семье ответственной за поддержание родственных связей. Это находило отклик у других сестер, проявлявших взаимное уважение и эмоциональную привязанность, молитвенное участие и поддержку друг друга, стремление к организации встреч в родовом имении, совместное проведение религиозных праздников, что объединяло представителей дворянского рода.

Наряду с сосредоточением хозяйственных функций, вокруг женщин концентрировались коммуникативные связи семьи, о чем свидетельствует преобладание женских писем [7] в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих эпистолярных «сетей влияния», которые были частью кинкипинга, поддержания отношений с многочисленными родными, знакомыми (в т.ч. и заочными), представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности в пределах семейно-родовой группы в синхронном срезе. В диахронном же измерении именно женская семейная память обеспечивала преемственность семейного социума и осознание сопричастности внутрисемейной идентичности.

Таким образом, именно женщины формировали социальное и коммуникативное пространство семейно-родового сообщества и символически закрепляли идентификацию с ним в семейной памяти. Практики кинкипинга в дворянских семьях в первой половине XIX века как структурного элемента женского дворянского этоса отличались от современных следующим: они не были дополнительным обязательством наряду с основной работой и ежедневными домашними обязанностями; составляли значимую часть ежедневных социальных взаимодействий, входивших в ожидаемые от женщин этикетные навыки; в условиях принадлежности к

так называемому «праздному классу» (в терминологии Т. Веблена) и размывания границ досуга заполняли основной бюджет времени и повседневной жизни дворянок; превращали «невидимые» усилия в «видимые» коммуникации, реально направляемые и осуществляемые женщинами посредством живого общения и частной переписки, по созданию разветвленного семейного сообщества и межпоколенческой родовой преемственности. Посредством каждодневного поддержания родственных связей в синхронном и диахронном измерениях дворянки управляли семейными и эмоциональными отношениями, конструируя и воспроизводя этические правила внутренней самоорганизации дворянского сообщества.

Список источников

1. *Белова А. В.* Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 3951.

2. *Белова А. В.* «За честь сестры»: история несостоявшейся помолвки как эпизод женской семейной памяти в России середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 5368.

3. *Белова А. В.* Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII середины XIX в.): автореф. дисс… д-ра ист. наук. Специальность: 07.00.07 этнография, этнология и антропология. М.: ИЭА РАН, 2009. 66 с.

4. *Иванова Д.* Еще одна работа для женщин: что такое кинкипинг и как он помогает сохранить семью // Forbes Woman. 25.06.2024. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/515431-ese-odna-rabota-dla-zensin-cto-takoe-kinkiping-i-kak-on-pomogaet-sohranit-sem-u (дата обращения: 25.09.2025).

5. *Кагая Я. Кинкипинг*: необходимость или эксплуатация // Альманах «Наследие». 03.07.2024. URL: https://nasledie.digital/articles/kinkiping-neobhodimost-ili-ekspluatatsiya/ (дата обращения: 25.09.2025).

6. *Кохановская Н. С.* Старина. Семейная память // Отечественные записки. 1861. № 3 (март). С. 209–246.

7. *Belova A.* Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia / Edited by Wendy Rosslyn. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd, 2003. 284 p. P. 147–161.

8. *Hornstra M.,* Ivanova K. Kinkeeping Across Families: The Central Role of Mothers and Stepmothers in the Facilitation of Adult Intergenerational Ties // Sex Roles. 2023. Vol. 88. P. 367–382. https://doi.org/10.1007/s11199-023-01352-2

9. *Rosenthal C. J.* Kinkeeping in the familial division of labor // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47(4). P. 965–974. https://doi. org/10.2307/352340

УДК 305-055.2(470):327

Н. Н. Козлова, С. В. Рассадин
Тверской государственный университет, г. Тверь

РОССИЙСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: В ПОИСКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА*

Аннотация. Женское движение в современной России развивается под влиянием двух основных факторов – турбулентности глобальной архитектуры и консервативного вектора российской внутренней политики. Современное российское женское движение имеет отчетливо выраженный лидерский характер, консолидируя усилия обладающих значительными политическими, экономическими ресурсами женщин-лидеров. Разрабатывая и реализуя конкретные инициативы и проекты, российские женские организации руководствуются преимущественно социальной и национальной/общегосударственной повесткой, охватывая вопросы прав женщин, предпринимательства, культурного обмена и гуманитарной деятельности, популяризируя по линии «женской» дипломатии русский язык и культуру. Российское женское движение ориентировано на развитие партнерства со странами СНГ, БРИКС, ШОС, Глобального Юга, Карибского бассейна и Ближнего Востока в соответствии с вектором российской внешней политики. Основными партнёрами российских женских организаций на международном уровне являются инициативные группы женщин, а также органы государственной власти и бизнес-структуры. Российские женские организации используют различные форматы международного сотрудничества – от участия в глобальных инициативах до двусторонних соглашений и организации масштабных мероприятий, направленных на укрепление диалога и партнёрства между странами. Таким образом, российские женские организации демонстрируют многогранный подход к международному сотрудничеству по актуальным проблемам современности в поисках, улучшения положения женщин, представления национальных интересов и создания архитектуры устойчивого будущего.

Annotation. The women's movement in modern Russia is developing under the influence of two main factors – the turbulence of the global architecture and the conservative vector of Russian domestic politics. The modern Russian women's movement has a distinct leadership character, consolidating the efforts of women leaders with significant political and economic resources. By developing and implementing specific initiatives and projects, Russian women's organizations are guided primarily by a social and national/national agenda, covering issues of women's rights, entrepreneurship, cultural exchange and humanitarian activities, popularizing the Russian language and culture through «women's» diplomacy. The Russian Women's Movement is focused on

© Козлова Н. Н., Рассадин С. В., 2026

* *Исследование выполнено в соответствии с госзаданием FEMS-2026-0007 в Тверском государственном университете в рамках Программы Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» фундаментальных научных исследований по направлению «Современные социокультурные связи России и стран Ближнего Востока»*

developing partnerships with the CIS, BRICS, SCO, Global South, Caribbean and Middle East countries in accordance with the vector of Russian foreign policy. The main partners of Russian women's organizations at the international level are women's initiative groups, as well as government authorities and business structures. Russian women's organizations use various formats of international cooperation, from participating in global initiatives to bilateral agreements and organizing large-scale events aimed at strengthening dialogue and partnership between countries. Thus, Russian women's organizations demonstrate a multifaceted approach to international cooperation on topical issues of our time in search of improving the status of women, representing national interests and creating an architecture for a sustainable future.

Ключевые слова: женское движение, женские организации, Россия, женщины-лидеры, международные связи

Keywords: women's movement, women's organizations, Russia, women leaders, international relations

Актуальность изучения международных аспектов деятельности современного российского женского движения обусловлена компендиумом факторов, среди которых наибольшее значение имеют трансформация архитектуры международных отношений и консервативный поворот российской внутригосударственной политики, направленной на сохранение, укрепление и передачу традиционных духовно-нравственных ценностей, противодействие социокультурным угрозам национальной безопасности. В выступлении на открытии третьего Евразийского женского форума в октябре 2021 г. Президент России В. В. Путин отметил, что «активность женщин в поиске ответов на глобальные и локальные вызовы, их деятельное участие во всех сферах жизни служит общим интересам, способствует максимальному раскрытию человеческого потенциала»[1]. На текущий момент основные направления государственной политики, непосредственно затрагивающие поле деятельности женских общественных организаций, отражены в Распоряжении Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.». В качестве одной из целей данного документа указано «развитие интереса у женщин к вопросам международной жизни путем вовлечения в международное гуманитарное сотрудничество, народную и детскую дипломатию, расширения представительства в международных организациях и объединениях»[2]. В процессе длительной истории женского движения в России установились связи с международными женскими организациями и движениями других стран, накопился опыт позитивных практик взаимодействия и сложились определённые традиции.

[1] Третий Евразийский женский форум. URL: https://eawf.ru/ (04.12.2025).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/ (04.12.2025).

Степень разработанности темы

Анализируя научные труды по истории женского движения в России, следует отметить интерес экспертов преимущественно к внутренним аспектам деятельности женских организаций с момента их возникновения во второй половине XIX в. до настоящего времени. Тем не менее в работах исследователей были выявлены отличительные черты отечественного женского движения, продемонстрировано влияние западного суфражизма и феминизма на идеологию и деятельность российских женских организаций [1; 13; 16; 18; 22; 24]. Среди академических работ, непосредственно затрагивающих связи российских женских организаций с международными в дореволюционный период, следует выделить исследование Н. Б. Гафизовой. На основе анализа обширного исторического материала автор приходит к выводу, что к 1917 г. установились систематические контакты между российскими и международными женскими организациями, сформировалась широкая повестка артикулируемого проблемного поля (от избирательного права и условий труда женщин до торговли белыми рабынями) [6, с. 208][3]. Изучение международных аспектов деятельности женских организаций советского периода ограничивается (Антифашистским) Комитетом советских женщин (далее – КСЖ) [5; 15]. По мнению О. С. Нагорной, участие КСЖ в работе созданной в 1945 г. Международной демократической федерации женщин являлось, с одной стороны, инструментом советской культурной дипломатии, так как позволяло использовать тему женского равноправия как одну «из важных составляющих внешнеполитических репрезентаций СССР и стран социалистического лагеря в послевоенный период» [12, с. 454], с другой стороны, неудобной, педалирующей широкий контекст обеспечения прав человека, темой для патриархальной советской системы.

Эксперты, анализирующие постсоветский этап развития женского движения, обращают внимание на его диверсификацию, а также ориентированность на глобальный тренд интеграции гендерного равенства в национальную повестку государств [7; 11; 17; 21; 23]. Исследователи указывают, что до начала нулевых годов российские женские организации активно участвовали в международных форматах, создавая национальный механизм гендерного равенства в России [2; 4]. При это Н. А. Шведова подчеркивает неоднозначное влияние международной составляющей на формирование женского движения в современной России,

[3] Гафизова Н. Б. Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX – начале XX века тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 07.00.02, кандидат исторических наук 2000, Иваново, 2000. 232 с.

поскольку «круг проблем, присущих немногим странам, может игнорироваться на международном уровне и «затеняться более общими»» [20]. В настоящий момент в связи с поворотом российской внешней политики с Запада на Восток и Глобальный Юг обозначены новые векторы в развитии партнерских связей женских организаций. В выступлении Президента России В. В. Путина на IV Евразийском женском форуме (далее – ЕЖФ) было отмечено укрепление взаимодействия участниц форума в рамках БРИКС, АТЭС и др.[4] По мнению Г. Г. Силласте, на развитие женских организаций влияет такой фактор, как формирующийся в мире новый гендерный порядок [14]. В ответ на данный вызов в России происходит укрепление консервативного тренда во внутренней политике, который задаёт новую общественную повестку для женских организаций – идеология традиционных ценностей, демографическая пронаталистская семейная проблематика [8]. Таким образом, цель статьи – анализ содержания, направлений и форм работы российских женских организаций с различными субъектами международных отношений в условиях современных внешних и внутренних вызовов. Эмпирической основной исследования явились материалы сайтов российских женских общественных организаций[5].

Результаты исследования

Анализируя современное российское женское движение, эксперты выделяют различные типы женские организаций – профессионального типа, общественно-политические организации, религиозные организации и т. д. [2; 19]. Среди интересующих нас организаций, ориентированных, в том числе, на международное сотрудничество, О. А. Хасбулатова отмечает евразийские женские форумы, на полях которых «появилась возможность ознакомиться с мировыми практиками женской инициативы» [19, с. 22]. Рассмотрим подробнее работу данного формата женского движения.

Евразийский женский форум (ЕЖФ)

Согласно информации с официального сайта ЕЖФ, он представляет собой международную площадку для обсуждения роли женщин в современном обществе, организованну. По инициативе Председателя Совета Федерации ФС РЫ В. И. Матвиенко[6]. С 2015 г. было проведено

[4] Путин заявил, что проблемы в мире нужно решать сообща. URL: https://tass.ru/politika/21897987?ysclid=mw0cl6a58k157124110 (01.03.2026).

[5] Крупнейшие женские организации и сообщества. URL: (https://infoselection.ru/dlya-zhenshchin/razdely/; Союз женских сил. Партнеры. URL: https://союзженскихсил.рф/russian-partners/?login=yes (01.02.2026).

[6] О форуме. URL: https://eawf.ru/?ysclid=mw0cnj17im298398326 (03.03.2026).

четыре международных форума, в работе которых приняли участие представители международного женского движения, органов государственной власти, эксперты из разных стран. Основными форматами работы ЕЖФ являются пленарные заседания, стратегические и экспертные сессии, дискуссионные площадки, вебинары, семинары и т. д. Созданная в 2018 г. рабочая группа ЕЖФ во главе с вице-спикером Совета Федерации Г. Н. Кареловой разработала 12 международных проектов, затрагивающих роли женщин в различных областях общественной жизни – политике, экономике, экологической безопасности, науке, продвижении благотворительных и гуманитарных проектов и др. На форуме было инициировано создание нескольких объединений женщин: Евразийского объединения женщин-региональных лидеров, Женского делового альянса БРИКС, Международного клуба победителей и участников Международного конкурса женских предпринимательских проектов в АТЭС, Международного совета по поддержке и развитию женщин в промышленности и технологиях, Всемирной федерации русскоговорящих женщин и других объединений. На каждом Форуме проходят заседания Женской двадцатки (W20), членами которой являются представители Совета ЕЖФ.

Женский деловой альянс БРИКС (ЖДА БРИКС) – это альянс женщин-предпринимателей, идея создания которого была озвучена на втором Евразийском женском форуме в 2018 г., а Декларация о создании была принята на XII Саммите БРИКС в ноябре 2020 г. ЖДА представляет собой механизм поддержки женского предпринимательства в БРИКС. В состав национальных групп на текущий момент входят по 5 представительниц крупного бизнеса 11 стран (России, Китая, Индии, Индонезии, ЮАР, Ирана, Бразилии, Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ, Эфиопии), которые нацелены на международные рынки. Председателем российской части ЖДА БРИКС является основатель часовой мануфактуры «Часы Палех» А. В. Нестерова[7]. На сайте ЖДА представлены текущие, завершенные проекты и новые инициативы по таким направлениям как инновационное развитие, здравоохранение, креативные индустрии, продовольственная и экологическая безопасность, инклюзивная экономика, туризм, а также новости, доклады о состоянии женского здоровья, социального обеспечения, образования, экономических возможностей и участия в принятии решений и управлении в странах БРИКС[8]. В июне 2025 г. на площадке Петербургского международного экономического форума ЖДА провел панельную сессию «Женский деловой альянс БРИКС и

[7] Женский деловой альянс. URL: https://eawf.ru/cooperation/ (04.03.2026).

[8] Отчет о развитии женщин в странах БРИКС, 2023. URL: https://brics-women.com/ru/project/brics-womens-development-report-2023.

партнеры: создавая совместное бизнес-будущее»[9]. В Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Замбии, Зимбабве, Лесото и Мозамбике открыты региональные офисы ЖДА. В целом ЖДА выполняет роль международной площадки для развития российского бизнеса, а также стран БРИКС за его границами.

Евразийское объединение женщин-региональных лидеров кооперирует усилия женщин, представляющих публичную власть, – руководителей регионов, муниципалитетов, парламентариев и др., которых возглавляет сенатор Совета Федерации Н. В. Комарова[10]. Зарегистрированный в 2021 г. Минюстом России фонд с аналогичным названием работает на международных площадках ШОС, БРИКС, АТЭС и др. Основная проблематика – «защита прав, интересов и достойного положения женщин в обществе, повышение их роли в общественно-политической, экономической и культурной жизни, организация единой информационной площадки международного сотрудничества для выработки внешнеполитических решений»[11]. Основные направления деятельности объединения изоморфны трендам российской публичной повести: восстановление экономики после пандемии короновируса, сохранение традиционной культуры и языков, помощь СВО и др. В 2023 г. в Ханты-Мансийке состоялся Международный патриотический форум «Катюша», в работе которого участвовали представительницы Китая, Сербии, Беларуси, Молдовы[12]. В целом портфолио объединения насчитывает более 30 проектов, которые осуществляются в партнерстве со различными структурами ООН, в частности, ЮНИДО, ЮНЕСКО, ООН «ООН-женщины»[13].

В 2016 г. был создан Международный клуб победителей и участников Международного конкурса женских предпринимательских проектов в АТЭС, который возглавила директор Международного конкурса женских предпринимательских проектов (APEC BEST AWARD), член

---

[9] Женский деловой альянс БРИКС обсудил будущее бизнес-сотрудничества на ПМЭФ-2025. URL: https://eawf.ru/news/ (04.03.2025); Женский деловой альянс БРИКС планирует сотрудничество со странами юго-восточной Азии. URL: https://tass.ru/ekonomika/24256293?ysclid=mw0cqapim4436597101 (04.03.2026).

[10] Евразийское объединение женщин – региональных лидеров URL: https://eawf.ru/projects/proekty-soveta-evraziyskogo-zhenskogo-foruma/ (5.13.2026).

[11] Наталья Комарова приняла участие в подведении итогов работы Евразийского объединения женщин – региональных лидеров. URL. https://wuor.ru/news/natalya-komarova-prinyala-uchastie-8 (05.03.2026).

[12] Международные проекты женщин для развития в России, Белоруссии и Китае представили в Югре. URL: https://eawf.ru/news/ (05.03.2026).

[13] Евразийское объединение женщин – региональных лидеров утвердило план работы на период до 2024 года. URL: https://eawf.ru/news/ (05.03.2026).

экспертного совета Комитета по развитию женского предпринимательства «Опоры России» И. Салтыкова. За период проведения конкурса было представлено более 1000 женских предпринимательских проектов из 11 стран, среди победительниц конкурса из КНР, Японии, Южной Кореи, Индии, Перу, России[14]. Бизнес женщин охватывает сферу производства (преимущественно продуктов питания), туризма, отдыха и развлечений, логистики и ИИ, моды и др. [15]

Международный совет по поддержке и развитию женщин в промышленности и технологиях был создан в 2022 г. по инициативе Фонда поддержки и развития женских инициатив «Объединение женщин атомной отрасли» при поддержке Госкорпорации «Росатом» и представляет собой международную НКО, консолидирующих женщин-экспертов из различных технологических отраслей[16]. Цель данного формата взаимодействия – «популяризация научно-технических профессий и увеличение представленности женщин на руководящих постах в высокотехнологичных отраслях»[17]. За период деятельности состав стран-участниц расширился с 11 до 20 стран – Армения, Гана, Египет, Индия, Индонезия, Казахстан, Марокко, Монголия, Россия, Сербия, Тунис, Турция, Узбекистан, Филиппины, ЮАР, Эквадор, Танзания, Кыргызстан, Беларусь и Намибия[18]. В 2025 г. в данных странах Женским сообществом «Росатома» было организовано свыше 300 площадок для профессионального развития женщин. Важным событием в развитии сообщества в тот же год стала презентация в Москве в рамках «Мировой атомной недели» (World Atomic Week) «Белой книги» («White Book»), в которой собраны лучшие практики 16 стран по поддержке женщин в высокотехнологичном секторе экономики[19]. Возглавляет совет соучредитель Фонда «Объединение женщин атомной отрасли», руководитель женского сообщества «Росатома»,

---

[14] Третий Евразийский женский форум. URL: https://eawf.ru/?ysclid=mw0da2.

[15] Популяризация женского предпринимательства в экономиках АТЭС. https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_prezentovala_stranam_ates_proekty_po_podderzhke_zhenskogo_predprinimatelstva.html (06.03.2026).

[16] Женский потенциал высоких технологий. URL. https://atomvestnik.ru/2026/03/24/zhenskij-potencial-vysokih-tehnologij/.

[17] Совет по поддержке и развитию женщин в промышленности и технологиях. URL: https://eawf.ru/cooperation/ (07.03.2026).

[18] Женский потенциал высоких технологий
URL: https://atomvestnik.ru/2026/03/24/zhenskij-potencial-vysokih-tehnologij/.

[19] На «Всемирной атомной неделе» прошла презентация международного обзора лучших практик поддержки женщин в промышленности. URL. https://atom-media.online/press-releases/na-vsemirnoy-atomnoy-nedele 07.03.2026).

координатор проект Совета ЕЖФ «Женщины в высокотехнологичных отраслях: новые возможности» А. В. Рябых[20].

Всемирная федерация русскоговорящих женщин была создана в 2022 г. под руководством сенатора ФС РФ Е. В. Афанасьевой и объединяет в настоящий момент русскоязычные сообщества женщин из пятидесяти трёх стран[21]. Цель организации состоит в укреплении деловых и гуманитарных связей с соотечественницами через комплекс мероприятий, направленных на поддержку русского языка за рубежом, распространение русской культуры, а шире, – «увеличению культурного и гуманитарного присутствия России через взаимодействие с женскими организациями соотечественниц за рубежом»[22]. На проведенных ассамблеях и конференциях Всемирной федерации русскоговорящих женщин поднимаются вопросы по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти,[23] роль женщин в защите Отечества[24]. Важно отметить широкий спектр представленных стран-участниц, в том числе, европейских стран.

«Женская двадцатка» (W20) – это объединение «Группы двадцати» (G20), деятельность которого направлена на вовлечение женщин во все направления работы G20. Шерпой России в W20 является проректор НИУ ВШЭ В.В. Панова[25]. На проводимых в разных странах мира саммитах участницы W20 затрагивают широкий круг вопросов – цифровое неравенство, проблемы сельских женщин и женщин с инвалидностью, насилие в отношении женщин и девочек и др.[26]

Таким образом, на базе ЕЖФ сформировалась экосистема организаций, которые в совокупности представляют собой крупнейшую международную площадку для развития диалога и партнерства женщин разных

---

[20] Рябых Александра Владимировна. URL: https://sovetrosmol.ru/

[21] Соотечественницы обсудили форматы работы в современном мире. URL: https://russkiymir.ru/news/328884/ (09.03.2026).

[22] О проекте. URL: https://eawf.ru/projects/proekty-soveta (09.03.2026).

[23] Об Ассамблее Всемирной федерации русскоговорящих женщин, Москва, 3 ноября 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/ (09.03.2026).

[24]В Москве прошла IV Ассамблея Всемирной Федерации русскоговорящих женщин. URL: https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/v-moskve-proshla-assambleya -vsemirnoy-federatsii-russkogovoryashchikh-zhenshchin (09.03.2026).

[25] Панова Виктория Владимировна. URL: https://roscongress.ru/speakers/panova-viktoriya- (09.03.2026).

[26] Встреча «Женской двадцатки» (W20) впервые прошла в России в рамках Второго Евразийского женского форума. URL: https://rspp.ru/events/news/vstrecha-zhenskoy-dvadtsatki-w20-vpervye-proshla-v-rossii-v-ramkakh-vtorogo-evraziyskogo-zhenskogo-f--30998/ (10.04.2026).

стран, и консолидирующая усилия для решения актуальных вопросов современного мира. Анализ персонального состава рассмотренных организаций свидетельствует, что объединяются преимущественно женщины-лидеры, которые имеют значительный бэкграунд в сферах государственного управления, бизнеса, позволяющие им аккумулировать для решения поставленных задач значительные ресурсы. Согласимся с Т. Е. Ломовой, что «основательницы и участницы женского движения и в прошлом, и в настоящем – это женщины особого типа женщины особого типа» []. Акценты в международном сотрудничестве рассмотренных организаций расставлены в соответствии с приоритетами российского официального внешнеполитического курса – страны БРИКС, ШОС, Глобального Юга, Латинской Америки.

Союза женщин России (СЖР)

Данная общественно-государственная организация является правопреемником Комитета советских женщин, цели которой включали установление связей с зарубежными женскими организациями для консолидации усилий в борьбе за мир [9]. На данный момент Президентом организации является депутат Государственной Думы I–VI созывов, член Совета Федерации с 2014 по 2019 г. Е. Ф. Лахова, а председателем – российская телеведущая, член Общественной палаты РФ М. Э. Ситтель. В состав СЖР входят представители федеральных органов власти (Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства просвещения РФ и др.[28]); организация имеет разветвленную сеть региональных и местных отделений. Согласно сайту СЖР, деятельность организации выстраивается в соответствии с программой «Равенство. Развитие. Мир в 21 веке», в рамках которой одно из семи направлений имеет внешнеполитический вектор – «За мир, международное сотрудничество и дружбу»[29]. СЖР является членом международных женских организаций – Международного совета женщин, Международной демократической федерации женщин, Всемирной ассоциации сельских женщин и др.

---

[27] Ломова Т. Е. Женские организации как сегмент гражданского общества современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 14. Вып. 2.

[28] Распоряжение Правительства РФ от 13 июня 2019 года № 1272-р. «О включении в состав органов управления Общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России» представителей федеральных органов исполнительной власти». URL: https://docs.cntd.ru/document/560304012 (дата обращения: 10.03.2026).

[29] Союз женщин России. Программы. URL: https://wuor.ru/about/programs/?ysclid=mw0dj0jugd476532889 (10.03.2026).

В 2010-е гг. организация активно участвовала в работе профильных комитетов ООН, конференциях ОБСЕ, Совета Европы. На данный момент приоритетным направлением международного сотрудничества СЖР являются связи с женскими организациями стран СНГ[30], государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ШОС, БРИКС[31]. Основными форматами работы являются организация форумов и конференций, на которых женщины обсуждают проблемы, связанные с традиционными ценностями – семья, демография, национальные интересы России и т.п. В частности, в 2019 г. делегация СЖР приняла участие в Форуме женщин Китая и России «Уникальная роль женщины в обществе и семье»[32]. Из последних знаковых событий, проводимых СЖР при поддержке ШОС в 2025 г., можно отметить III Международный женский форум «Согласие, единство, развитие». На площадке в г. Екатеринбурге принимали участие представительницы более чем 20 стран мира из Европы, Азии, Австралии, Латинской Америки[33]. В октябре 2025 г. делегация СЖР участвовала в Глобальном саммите женщин в Пекине, приуроченном к юбилею Четвёртой всемирной конференции ООН по положению женщин[34]. Таким образом, международные связи СЖР охватывают широкий ареал государств.

Анализ деятельности других российских женских организаций показал, что они в меньшей степени ориентированы на развитие международных контактов. Анализ сайта организации «Социал-демократический союз женщин России» показывает, что организация в настоящий момент ориентируется на внутрироссийские общественно-политические процессы, а последнее мероприятие с участием женских организаций из Казахстана, Турции, Монголии, Армении и других стран состоялось в 2015 г. [35] Прокоммунистический Всероссийский женский союз «Надежда

[30] Международная встреча представительниц женских организаций СНГ, 2018 г. URL: https://wuor.ru/media/mezhdunarodnaya-vstrecha (11.03.2026).

[31] Задачи программы. URL: https://eaeunion.org/?lang=ru (12.03.2026).

[32] Форум женщин Китая и России. URL: https://wuor.ru/news/5091-forum_zhenschin_kitaya_i_rossii_unikalnaya_rol_zhenschini_v_obschestve_i_seme/?ysclid=mw0dklx5va457636177 (12.03.2026).

[33] В Екатеринбурге III Международный женский форум соберет спикеров из 20 стран. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7692597 (12.03.2026).

[34] Делегация Союза женщин России примет участие в Глобальном саммите женщин. URL: https://wuor.ru/news/delegatsiya-soyuza-zhenshchin-rossii-primet-uchastie-v-rabote-globalnogo-sammita-zhenshchin-245509/ (12.03.2026).

[35] В Москве состоялась Международная женская конференция «Гендерная повестка дня на Евразийском пространстве: женщины в контексте глобальных социальных процессов». URL: https://spravedlivo.ru/6757110 (13.03.2026).

России», созданный «с целью повышения роли женщин, активизация их деятельности в социально-экономической сфере»[36], развивает международное сотрудничество с Международной демократической федерацией женщин[37]. Возникшее в 2003 г. Международное движение миротворчества (в 2012–2020 гг. в статусе политической партии) «Женский диалог» под руководством государственного советника Российской Федерации 3 класса Е. Г. Семериковой в рамках цели «развитие межнационального и международного сотрудничества»[38] установила тесные контакты с женскими организациями постсоветского пространства, принимает участие в работе ОБСЕ[39], проводит акции «Женщины во имя мира», обращаясь к женским организациям ЕС, США, Канады, Израиля, Афганистана, Сирии, Китая с призывом поддержать стремление женщин к миру[40]. «Женское движение Единой России» участвует в международных мероприятиях, направленных на развитие сотрудничества в области экономики и культуры[41]. В частности, участие организации в III Международном форуме «Содружество моды» в 2024 г. было направлено на расширение предпринимательских компетенций женщин, на оказание помощи в освоении новых финансовых инструментов[42]. Важно отметить, что общественно-политическая повестка женского политического участия инициируется и обсуждается не только женскими организациями. В рамках саммитов «Россия – Африка» работает площадка «Российско-Африканский женский форум». Первый заместитель Председателя Комитета Госдумы РФ VIII созыва по международным делам С. С. Журова возглавила международную рабочую группу по рассмотрению вопросов научно-технической и гуманитарной помощи африканским странам, в состав которой вошли представители Тунисской Республики, Судана, Объединённых Арабских Эмиратов, Княжества Сан-Бернардино, Ливии, Алжира,

[36] Всероссийский Женский Союз «Надежда России». URL: https://dnrk-prf.ru/news/vserossijskij-zhenskij-sojuz-nadezhda-rossii-2 (13.03.2026).

[37] ВЖС – «Надежда России» расширяет свою международную деятельность. URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/196188.html?ysclid=mw0d0txbq7952916406.

[38] Международное движение миротворчества «Женский диалог». URL: https://dialogrf.ru/ (13.03.2026).

[39] Правозащитники требуют изменить процедуры форумов ОБСЕ для защиты от скандалов. URL: https://rg.ru/2025/06/20/ (14.03.2026).

[40] Беседа с председателем Всероссийской политической партии «Женский диалог» Еленой Семериковой. URL: https://russia-armenia.info/node/58072.

[41] Женское движение «ЕР». URL: https://zhenskoe-dvizhenie.er.ru/.

[42] «Женское движение Единой России» приняло участие в международном форуме «Содружество моды». URL: https://er.ru/activity/news/ (15.03.2026).

Арабской Республики Египет, Ганы, Конго, ЮАР, Маврикия и России[43]. В 2025 г. на площадке инициируемого Россотрудничеством и Фондом Росконгресс Международного форума сотрудничества состоялась дискуссия «Дипломатия традиционных ценностей: как женщины меняют социальную повестку международного диалога», в которой приняли участие представители органов государственной власти и эксперты[44].

Область экономических интересов представляют различные ассоциации женщин-предпринимателей. Например, «Деловые женщины России» принимают участие в международных проектах, мероприятиях[45]; «Ассоциация Женщины и бизнес» входит в состав Всемирной ассоциации женщин-предпринимателей[46]. Международный деловой клуб «Союз женских сил» имеет налаженные связи с предпринимательскими объединениями таких зарубежных стран как Португалия, Чехия, Южная Корея, Бахрейн, Вьетнам[47]. Согласно сайту «Ассоциации деловых женщин в сфере межкультурной коммуникации и бизнеса», организация нацелена на сближение Россию и стран Африки, Ближнего Востока и Азии в торгово-экономических, медицинских и социокультурных вопросах[48]. «Ассоциация женщин-предпринимателей России» публикует материалы об участии в Днях Ассамблеи народов Мира в Тунисской Республике[49]. Общественная организация «Деловые женщины Татарстана» являлась соорганизатором состоявшегося в 2014 г. I Международного женского конгресса «Женщины – стратегический ресурс человечества» с участием женщин-лидеров из 16 стран мира[50], в рамках которого была принята резолюция о необходимости расширения женского «гуманитарного» потенциала в различные сферы общественной жизни, в том числе, в обеспечении международной стабильности[51]. Общероссийская общественная

[43] Первый заместитель Председателя Комитета Госдумы РФ по международным делам Светлана Журова стала лидером Российско-Африканского женского движения. URL: https://вести.москва/российско-африканское-движение/.

[44] В Москве обсудили роль женщин в укреплении международного сотрудничества и духовных ценностей. URL: https://www.vedomosti.ru/ (15.03.2026).

[45] Национальная премия женщины-лидеры 2026. URL: https://delo.mba/event/nacionalnaya-premiya-zhenschiny-lidery-2026.

[46] Союз женских сил. Партнеры. URL: https://союзженскихсил.рф/.

[47]Международный деловой клуб СЖС. URL: https://союзженскихсил.рф/projects/currentprojects/10478/?SECTION_ID2=1005 (дата обращения: 16.03.2026).

[48] URL: https://sensus.kz/ru?entity=1237700449645 (16.03.2026).

[49] URL: https://assower.ru/?ysclid=mw0d7uziuq806564522 (16.03.2026).

[50] I Международный женский конгресс «Женщины – стратегический ресурс человечества». URL: https://kz.tatarstan.ru/pressreliz.htm/press-release/614147.htm.

[51] Международный женский конгресс. URL: https://aqinstitute.ru/kalendar-sobyitij/ix-mezhdunarodnyij-zhenskij-kongress (17.03.2026).

организация «Ассамблея женщин руководителей» видит свою цель в создании «положительного имиджа российской женщины – руководителя на международном уровне»[52]. Ориентированная на поддержку женщин-предпринимателей малого и среднего бизнеса организация «Интернациональный союз женщин», является официальным коллаборатором Ассоциации организаций средиземноморских деловых женщин AFAEMME, которая объединяет 24 страны и проводит международные бизнес-форум «Женщина третьего тысячелетия» с участием женщин-делегатов из Китая, Бразилии, Катара и др., Международные фотоконкурсы, например, «Мама и дети в национальных костюмах», «Женщина-фермер: Лица Земли», «Медицина и туризм»[53]. По инициативе данной организации в 2025 г. в Москве прошел IV Международный форум «Женщина третьего тысячелетия» с международными участницами из 40 стран, включая официальные делегации из Катара, Ливии, Китая и стран СНГ, БРИКС, Азии и Африки[54]. Таким образом, указанные женские организации выполняют дипломатическую миссию, участвуя в международных бизнес-форумах и проектах дружественных стран и представляя интересы российских культурных и бизнес-сообществ.

Международные аспекты прослеживаются и в деятельности семейных и религиозных организаций. На сайте Всероссийского общественного движения «Матери России» указано, что оно подписало Соглашения о сотрудничестве с аналогичными движениями в странах СНГ и дальнего зарубежья[55]. Российские религиозные женские организации – Международная общественная организация «Союз православных женщин»[56], мусульманский женский клуб «Аиша»[57], «Союз мусульманок России»[58] – действуют в направлении развития гуманитарных связей со странами, в которых существуют соответствующие религиозные течения, прежде всего, со странами Ближнего Востока.

Выводы

Итак, женское движение в современной России представляет собой компендиум женских общественных организаций, которые

[52] Rosatom. URL: https://rosatom.ru/index.html?1 (17.03.2026).

[53] Региональная общественная организация по поддержке женщин-предпринимателей малого и среднего бизнеса. URL: https://www.iwuorg.com/ (17.03.2026).

[54] Пресс-релиз форума 2025. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/ (17.03.2026).

[55] Всероссийское общественное движение «Матери России», созданное в феврале 2012 года. URL: https://materirossii.ru/ (18.03.2026).

[56] Союз православных женщин. URL: https://moo-spg.ru/ (01.02.2026).

[57] Мусульманские женские клубы в России. URL: https://alif.tv/yasmina-pomogaet-musulmankam-moskvy-uchitsya-i-razvivatsya/ (02.02.2026).

[58] О союзе мусульманок России. URL: https://muslim.ru/ (02.02.2026).

диверсифицированы по степени активности, направлениям деятельности, ресурсной базе и прочим характеристикам, в числе которых интерес к сотрудничеству с различными субъектами международных отношений. Современное российское женское движение имеет отчетливо выраженный лидерский характер, консолидируя усилия обладающих значительными политическими, экономическими ресурсами женщин-лидеров. Следует отметить значительный личный вклад в продвижение «женской повестки» в России и зарубежом главы Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко, благодаря которой большое количество отечественных женских организаций сплотилось на базе площадки ЕЖФ, а их деятельность приобрела международный характер. Разрабатывая и реализуя конкретные иници-ативы и проекты, российские женские организации руководствуются преимущественно социальной повесткой, охватывая вопросы прав женщин, предпринимательства, культурного обмена и гуманитарной деятельности в контексте внутриполитического консервативного курса традиционных ценностей. Проведенный анализ показывает, что российское женское движение в новой геополитической реальности ориентировано на развитие партнерства со странами СНГ, БРИКС, ШОС, Глобального Юга, Карибского бассейна и Ближнего Востока в соответствии с вектором российской внешней политики. Современное отечественное женское движение находится в тесном диалоге с российским государством, проявляющим в условиях санкционного давления Запада заинтересованность в повышении международного влияния женских организаций, популяризирующих по линии «женской» дипломатии русский язык и культуру, продвигающих интересы российского бизнеса. Основными партнёрами российских женских организаций на международном уровне являются аналогичные инициативные группы женщин, а также органы государственной власти и бизнес-структуры указанных выше стран. Потенциал российских женских организаций раскрывается на международном уровне через участие в глобальных инициативах, представление интересов российских женщин на международной арене главным образом в формате организации форумов, в рамках которых проходят круглые столы, мастер-классы, выставки, формирующие площадки для диалога, обмена опытом, поиска точек соприкосновения женщин из разных государств. Таким образом, российские женские организации демонстрируют многогранный подход к международному сотрудничеству по актуальным проблемам современности в поисках улучшения положения женщин, представления национальных интересов и создания архитектуры устойчивого будущего.

Список источников

1. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., РИК Русланова, 1998. 408 с.

2. *Белякова Н. А.,* Успенская В. И. Новое женское движение постсоветской России // Социально-политические процессы в меняющемся мире: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 18. Под редакцией В. П. Гаврикова. Тверь: ТвГУ, 2018. С. 10–17.

3. *Букина А. А.* Женские некоммерческие организации современной России: опыт классификации // право и современные государства. 2017. № 4. С. 25–38.

4. *Воронина О. А.* Пост-Пекин: российская гендерная политика в международном контексте // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 3–15.

5. *Галкина Г. Н.* Комитет советских женщин: Страницы истории (1941–1992). М.: Дом Тончу, 2013. 663 с.

6. *Гафизова Н. Б.* Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2000. 232 с.

7. Женские организации в России сегодня / Абубикирова Н. И. и др. URL: http://www.a-z.ru/ women/texts/wom_org_today.htm (дата обращения: 15.12.2025).

8. *Козлова Н. Н.,* Рассадин С. В. Национальные стратегии действий в интересах женщин: в поисках государственной модели гендерной политики в современной России // PolitBook. 2023. № 4. С. 93–110.

9. *Курковская Е. И.* Комитет советских женщин. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1981. 34 с.

10. *Ломова Т. Е.* Женские организации как сегмент гражданского общества современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 14. Вып. 2.

11. *Мельникова Т. А.* Женское движение в политическом процессе современной России: дис. … д-ра полит. наук. М., 2001. 497 с.

12. *Нагорная О. С.* Женщины в структурах советской культурной дипломатии // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 451–467.

13. *Пушкарева Н. Л.,* Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

14. *Силласте Г. Г.* Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 28–46.

15. *Синова И. В.* Стержень Т. М. Захаровой в народной дипломатии // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 145–152.

16. *Темкина А. А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. СПб: ИС РАН, 1997. Т. 1. С. 45–68.

17. *Тимшина Е. Л.* Цели и стратегии женского движения в современной России // Социодинамика. 2013. № 2. С. 362–378. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.2.419

18. *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. 346 с.

19. *Хасбулатова О. А.* Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14–26.

20. *Шведова Н. А.* Просто о сложном: гендерное просвещение: пособие / отв. ред. Т. Ю. Забелина. М.: Антиква, 2002. 212 с.

21. *Шнырова О. В.* Российский феминизм: ждать ли новой волны? // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. https://intelros.ru/readroom/nz/n3-2012/14955-rossiyskiy-feminizm-zhdat-li-novoy-volny.html (дата обращения: 15.02.2026).

22. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

23. *Noonan N.* Does consciousness lead to action? Exploring the impact of Perestroika and post-Perestroika on women in Russia / Journal of Gender Studies. 1994. p. 47–54.

24. *Stites R.* Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.

УДК 316.472.45:305-055.2

О. В. Крыштановская
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ИЗВЕСТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности самопрезентации известных женщин в российских социальных сетях. Цель исследования – выявить основные стратегии цифровой репрезентации женщин, обладающих публичным статусом, а также определить, какие формы контента получают наибольший отклик аудитории. Эмпирической базой выступило исследование публичной активности российских селебрити, проведенное в 2025 г.; на этапе конструирования выборки были отобраны 531 персона, проанализированы 8 социальных медиа и 8183 публикации, размещенные преимущественно на платформах VK и Telegram. Показано, что женская самопрезентация строится на сочетании демонстрации статуса, интимизации образа, моральной легитимации и репутационного менеджмента. Делается вывод о том, что наибольшую вовлеченность аудитории вызывают не столько публикации, демонстрирующие роскошь, сколько посты, связанные с семейной тематикой, благотворительностью, патриотической риторикой и эмоционально значимыми событиями.

Ключевые слова: социальные сети, самопрезентация, известные женщины, селебрити, гендерный дисплей, цифровая идентичность, демонстративное потребление, аудитория, контент-анализ.

Социальные сети в последние годы превратились в особую сцену публичной жизни, где известные женщины не просто поддерживают контакт с аудиторией, но и непрерывно конструируют собственный образ, настраивают его тональность, управляют дистанцией между собой и подписчиками, а также легитимируют право на внимание, престиж и символическое превосходство. В цифровой среде самопрезентация становится не побочным эффектом публичности, а ее повседневной инфраструктурой: известность здесь требует постоянного подтверждения, а личность все чаще существует как тщательно собираемый медиальный коллаж.

Актуальность анализа связана с тем, что пространство социальных сетей сегодня является не только каналом передачи информации, но и ареной символической борьбы за признание, доверие и моральное право

© Крыштановская О. В., 2026

быть заметной фигурой [7]. Для известных женщин эта среда особенно значима, поскольку именно здесь соединяются, порой драматически, несколько измерений публичности: гендерные ожидания, требования к внешности, нормы эмоциональной открытости, обязательность успешности и одновременно необходимость демонстрировать «человеческое лицо» [2; 5]. Если традиционные медиа создавали эффект недосягаемой звезды, то цифровые платформы превращают ее в фигуру постоянного присутствия – как будто прожектор светской сцены теперь освещает не только выход на подиум, но и завтрак, семейный праздник, благотворительный жест, поездку, наряд, реплику, интонацию.

Цель данной статьи – выявить основные особенности самопрезентации известных женщин в российских социальных сетях и показать, какие стратегии оказываются наиболее эффективными с точки зрения поддержания внимания аудитории и сохранения символической легитимности [5]. Исследовательский интерес сосредоточен не просто на содержании публикаций, а на той социальной логике, которая стоит за цифровым образом известных женщин: какие элементы этого образа подчеркиваются, какие – смягчаются, как соединяются роскошь и интимность, элитарность и доступность, успех и моральная оправданность.

Теоретическая рамка исследования находится на пересечении нескольких направлений. Во-первых, это celebrity studies, где знаменитость понимается как особая форма публичного капитала, производимая и воспроизводимая через медиа, внимание аудитории и культурные практики признания [11]. Во-вторых, это исследования цифровой самопрезентации, подчеркивающие, что социальные сети создают новые режимы видимости, в которых индивид вынужден не только показывать себя, но и постоянно, как писал Уолкер З., редактировать собственную публичную версию, [12]. В-третьих, важным теоретическим ресурсом является драматургический подход И. Гоффмана, рассматривавший социальное взаимодействие как представление себя другим [9]. Особенно значимо для данной темы его понятие «гендерного дисплея», позволяющее анализировать, каким образом женственность не просто выражается, а демонстрируется через позы, жесты, мимику, телесные ракурсы, стиль одежды и композицию изображения. В пространстве социальных сетей этот «гендерный дисплей» получает новую технологическую оболочку: цифровой кадр становится микросценой, на которой женственность инсценируется, повторяется и закрепляется как социально распознаваемый код [1; 5]. Наконец, в интерпретации эмпирических наблюдений продуктивной оказывается Вебленовская оптика: демонстрация роскоши, свободного времени, эстетизированного потребления и доступа к закрытым мирам

предстает как современная, платформенно опосредованная форма демонстративного поведения «праздного класса» [3].

Эмпирической базой данной статьи выступило исследование публичной активности российских селебрити, проведенное в 2025 г. На этапе конструирования выборки были отобраны 531 человек; анализ охватывал 8 социальных медиа, а для углубленного исследования были изучены 8183 поста, размещенные преимущественно на платформах VK и Telegram. В исследовании использовались визуальный и текстовый контент-анализ, анализ комментариев аудитории, а также статистические показатели вовлеченности, включая лав-индекс, ток-индекс и интегральный индекс вовлеченности. Особенно важно, что гендерная структура исследуемого светского кластера оказалась выраженно асимметричной: мужчины составили 36 %, тогда как женщины – 64 %, что позволяет рассматривать именно женские модели самопрезентации как доминирующие в данном сегменте цифровой публичности.

Прежде всего анализ показал, что самопрезентация известных женщин строится вокруг визуализации исключительности образа жизни. Речь идет о публикации фотографий и видео из путешествий, с модных показов, фестивалей, светских приемов, ресторанов, загородных домов, яхт, курортов, а также о демонстрации одежды, интерьеров и аксессуаров, маркирующих высокий социальный статус. Такой контент выполняет не только эстетическую функцию. Он символически чертит границу между «обыденным» и «избранным», превращая страницу в социальной сети в витрину высокого стиля жизни, где каждая деталь работает как знак принадлежности к миру привилегий [4].

Однако этот тип презентации не исчерпывает женский цифровой образ. Напротив, чрезмерная демонстрация роскоши без дополнительных легитимирующих элементов часто вызывает раздражение аудитории. Именно поэтому рядом с демонстративно-статусной стратегией формируется другая – стратегия интимизации. Известные женщины активно вводят в публичное пространство темы детей, семьи, родительства, дружбы, домашних ритуалов, переживаний, воспоминаний и личных историй. Тем самым цифровой образ перестает быть холодной витриной и начинает работать как пространство эмоционального сближения. Если роскошь создает дистанцию, то семейный сюжет ее сокращает; если блеск производит восхищение, то рассказ о дочери, матери или повседневной заботе вызывает узнавание и доверие.

Именно в этом сочетании – статусной исключительности и эмоциональной доступности – обнаруживается одна из главных особенностей женской самопрезентации в социальных сетях. Цифровой образ оказывается похож на драгоценность, оправленную в мягкий бархат

повседневности: элитарность должна быть показана, но не в форме грубого превосходства, а в форме эстетически и морально смягченного повествования. Аудитория готова принимать успех, красоту и высокий уровень потребления, если они сопровождаются признаками искренности, семейности, уязвимости или социальной пользы.

Содержательный анализ публикаций позволяет выделить несколько устойчивых стратегий женской самопрезентации. Первая стратегия – демонстративно-статусная. Она выражается в подчеркивании роскошного образа жизни, свободного времени, эксклюзивного потребления и участия в закрытых светских пространствах. Вторая стратегия – семейно-приватная, ориентированная на создание образа заботливой матери, жены, дочери, хранительницы домашнего мира. Третья – морально-легитимирующая: публикации патриотической направленности, благотворительность, помощь другим, участие в решении социальных проблем. Четвертая стратегия – репутационная, где акцент делается на профессиональных достижениях, премьерах, наградах, выступлениях, новых проектах и признании.

Существенно, что в реальной практике эти стратегии почти никогда не существуют изолированно. Напротив, успешный аккаунт строится на их гибридном сочетании. Пост о светском мероприятии может сопровождаться семейным мотивом; публикация о роскошной поездке – патриотическим комментарием; сообщение о профессиональном успехе – эмоциональной благодарностью близким. Такая композиция особенно важна для женщин, поскольку их цифровой образ должен одновременно соответствовать ожиданиям успешности и ожиданиям «правильной» женственности [5]. В этом смысле страница известной женщины в социальной сети напоминает не просто хронику событий, а сложную сценографию, где каждый элемент освещения и декора подбирается так, чтобы роскошь не выглядела морально пустой, а близость – не разрушала статус.

Особое место занимает патриотическая и благотворительная риторика. Исходный материал показывает, что публикации такого рода часто получают высокий отклик аудитории и способны заметно повышать уровень одобрения. Это не случайно. В условиях социальной напряженности и общественной чувствительности к вопросам справедливости демонстрация достатка нуждается в моральном оправдании [4]. Благотворительность, сочувствие, помощь детям, участие в общественно значимых историях, выражение любви к стране – все это действует как символический щит, смягчающий возможное раздражение, вызываемое избыточной демонстрацией привилегий [6].

Вместе с тем аудитория реагирует на женский контент амбивалентно. С одной стороны, пользователи проявляют выраженный интерес

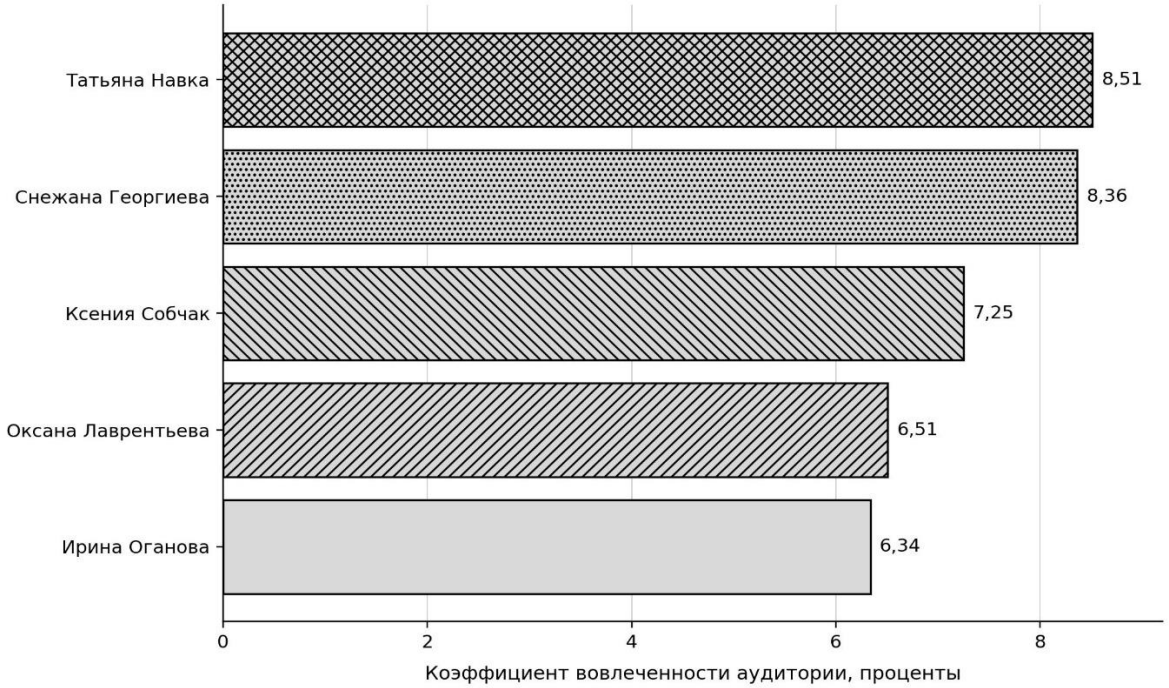
к частной жизни известных женщин, к их нарядам, интерьерам, отдыху, семейным сюжетам и эмоциональным высказываниям. С другой стороны, именно женские аккаунты, демонстрирующие роскошь, телесность, фотогеничность и подчеркнутую «идеальность», нередко становятся мишенью острой критики [5]. В комментариях возникает обвинительный язык, связанный с лицемерием, высокомерием, фальшью, оторванностью от жизни большинства, несоответствием между декларируемыми ценностями и реальным образом жизни.

Эта двойственность особенно показательна. Она демонстрирует, что известная женщина в цифровой среде находится под более плотным нормативным наблюдением, чем мужчина. От нее ожидают привлекательности, но осуждают за избыточную телесную демонстрацию; ожидают благополучия, но критикуют за его нарочитое предъявление; приветствуют искренность, но подозревают в постановочности; одобряют гражданскую позицию, но быстро фиксируют любое расхождение между словом и образом жизни. Иными словами, женская цифровая видимость оказывается как бы зеркалом, где один и тот же жест может быть прочитан и как достоинство, и как повод для критики и буллинга.

Материалы нашего исследования позволяют проследить и различия внутри самой группы известных женщин. Одни авторы почти полностью выстраивают ленту вокруг актуальной повестки и новостей; другие реагируют на общественно значимые события выборочно; третьи предпочитают не входить в зону конфликтной повестки и сосредоточиваются на более безопасных темах – семье, стиле, красоте, поездках, гастрономии, досуге, культурных событиях. Для светского женского сектора особенно характерен именно третий тип. Он позволяет сохранять привлекательность образа, не подвергая его избыточным политическим рискам.

Важной особенностью является и то, что наибольшее одобрение аудитории получают не обязательно аккаунты с самой крупной подписной базой. Высокие значения индекса поддержки демонстрируют блоги с относительно небольшим числом подписчиков, но с более персонализированным, эмоционально окрашенным и тематически целостным контентом. Это означает, что для женской самопрезентации в социальных сетях важна не только численность подписчиков, но и качество символического контакта с ней. Не громкость, а интонация; не только охват, но и степень эмоционального узнавания оказываются ресурсом цифрового успеха [12].

Ниже приведена диаграмма, показывающая коэффициент вовлеченности аудитории для топ-5 цифровых инфлюенсеров-женщин (см. рис.).

Публикации с наибольшим коэффициентом вовлеченности аудитории (проценты)

Представленные данные заслуживают особого внимания. Они показывают, что максимальную вовлеченность вызывают не посты, где демонстрируются только роскошь и престиж, а публикации, связанные с эмоционально значимыми, морально окрашенными и социально понятными сюжетами: соболезнование, помощь, патриотическое чувство, семейная гордость. Иначе говоря, аудитория наиболее активно включается там, где известная женщина выступает не только как обладательница статуса, но и как моральный субъект, способный сострадать, поддерживать, любить, быть включенной в общие переживания.

Это наблюдение позволяет сделать принципиально важный вывод. Цифровая самопрезентация известных женщин держится на хрупком равновесии между вертикалью и горизонталью. Вертикаль – это статус, доступ к закрытым мирам, ресурсы, красота, высокий стиль жизни. Горизонталь – это эмпатия, семейность, разговорный тон, чувство сопричастности к общим ценностям и коллективным эмоциям. Если первая задает привлекательность образа, то вторая обеспечивает его социальную приемлемость. Без вертикали аккаунт теряет ореол исключительности; без горизонтали – превращается в снобистскую демонстрацию превосходства, вызывая негативную реакцию публики.

Для социологического анализа важно и то, что женская самопрезентация в цифровой среде воспроизводит более широкие структуры современного общества. Через частные посты, фотографии и подписи проступает логика символического неравенства: одни обладают правом демонстрировать мир как праздник, другие – наблюдать этот праздник снаружи. В то же время сама цифровая среда вносит коррективы в это неравенство, поскольку аудитория получает возможность немедленно отвечать, одобрять, высмеивать, вводить санкции. Если в традиционной светской культуре зритель чаще оставался пассивным наблюдателем, то сегодня он становится комментатором, судьей и коллективным интерпретатором чужой публичности.

Именно поэтому известные женщины в социальных сетях существуют в режиме постоянной настройки образа. Они вынуждены не только показывать свою жизнь, но и предугадывать пределы допустимого показа: не только предъявлять статус, но и оправдывать его; не только привлекать внимание, но и управлять моральной реакцией аудитории. В этом смысле цифровая самопрезентация напоминает движение по тонкому льду: любая ошибка в тональности высказывания, неудачная интонация, несоответствие между текстуальным месседжем и визуальным рядом – и восхищение быстро сменяется раздражением.

Таким образом, наше исследование показало, что особенности презентации известных женщин в социальных сетях заключаются в сочетании четырех основных элементов: демонстрации статуса, интимизации

образа, моральной легитимации и репутационного менеджмента. Эффективность этой презентации зависит не только от объема ресурсов и численности аудитории, но и от способности выстраивать убедительный баланс между исключительностью и доступностью, между элитарностью и эмоциональной близостью, между блеском и «человечностью». В российском цифровом пространстве известные женщины выступают не просто участницами коммуникации, но и важными производителями социальных смыслов. Они задают образцы стиля, телесности, потребления, патриотизма, материнства, благотворительности и допустимой публичной эмоциональности. Поэтому их аккаунты следует рассматривать как значимый социокультурный материал, в котором отражаются не только индивидуальные стратегии перформанса, но и более глубокие процессы трансформации гендерного порядка, публичности и символической иерархии в современном обществе.

Список источников

1. *Алексеева А. А.* Социально-психологические механизмы формирования самопрезентации деловой женщины в социальных сетях // Национальное здоровье. 2020. № 2. С. 55–56. URL: https://www.national-zdorov.ru/userfiles/file/sgkxi0phzorbjaicaxjxjpbdwk1i6ihz.pdf (дата обращения: 27.06.2026).

2. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: URSS, 2016. 368 с. ISBN 978-5-397-05285-6

3. *Горбушина Е. А.* Особенности самопрезентации в социальных сетях с учетом половых различий // Психологические исследования. 2023. Т. 16, № 90. С. 2–24. URL: https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1434 (дата обращения: 27.06.2026). DOI: 10.54359/ps.v16i90.1434.

4. *Колпинец Е. В.* Значение аффективного труда в культуре интернет-селебрити // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 118–137. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1959.

5. *Логунова О. С.,* Лебедев П. А. Digital-селебрити: трансформация теоретических подходов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 12–31. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1992.

6. Панкратова Е. В., Тенчова Е. В. Сравнительный анализ социальных портретов женщин и мужчин топовых блогеров: на примере социальной сети «ВКонтакте» // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 86–96. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.7.

7. *Goffman E.* Gender Advertisements. New York: Harper & Row, 1979. 84 p.

8. *Turner G.* Understanding Celebrity. 2nd ed. London; Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. DOI: 10.4135/9781446279953.

9. *Walker Rettberg J.* Self-Representation in Social Media // The SAGE Handbook of Social Media / ed. by J. Burgess, A. Marwick, T. Poell. Thousand Oaks, CA: Sage, 2017. P. 429–443. DOI: 10.4135/9781473984066.n24.

УДК 821.161.1.09:82-94

О. А. Братина
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДВИГ ЖЕН

Аннотация. Авторы статьи осмысляют верность жен известных русских писателей и философов, а именно Исаака Бабеля, Михаила Булгакова, Николая Бердяева, Осипа Мандельштама, Дмитрия Мережковского как своего рода духовный подвиг. Каждая из жен была яркой и самодостаточной личностью, на первый план своей судьбы она ставила творчество мужа и была верна своему служению, миссии, до конца жизни, как правило, после смерти мужа. Антонина Пирожкова, жена Бабеля, Елена Булгакова, Лидия Бердяева, Надежда Мандельштам, Зинаида Гиппиус, – исполнили свой супружеский и творческийо долг, любви и выживания в эпоху репрессий.

Annotation. The authors of the article interpret the fidelity of the wives of famous Russian writers and philosophers, namely Isaac Babel, Mikhail Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Osip Mandelstam and Dmitry Merezhkovsky, as a kind of spirituals feat. Each of the wives was a bright and self-sufficient individual; she rut her husbands creativity at the forefront of her destiny and was faithful to her service and mission until the end of her life, usually after the death of her husband. Antonina Pirozhkova, Babels wife, Elena Bulgakova, Lydia Berdyaeva, Nadezhda Mandelstam and Zinaida Gippius fullfilled their material and creative duty of love and survival during the era of represse literary feat of wives.

Ключевые слова: русская литература, философия, память, творчество, репрессии, историческая реконструкция.

Keywords: Russian literature, philosophy, memory, creativity, repression, biography.

В исследовании устанавливается социальная функция женщин как хранителей наследия, которая иначе оказывается только набором частных решений и ситуаций контроля, обоснования или убеждения. Аффективное сопровождение этой функции оказывается ключевым к пониманию содержания и сохранения наследия. Жены писателей не только поддерживали интерес к архивам, публиковали, хранили целостность записей, снимая своей жизнью оппозицию частное/публичное, когда в самом габитусе и речи/высказывании хранительницы поступков была только одна миссия – «сохранить его речь навсегда». И только эта программа реализовывалась как в частной, так и в общественной сферах, вызывая социальный резонанс читателей.

© Братина О. А., 2026

Антонина Николаевна Пирожкова, жена Исаака Бабеля, родом из Томской губернии, после окончания Томского технологического института им. Ф. Э. Дзержинского работала в Конструкторском бюро Кузнецкстрое, а переехав в столицу в 1934 году, поступила на службу в Метропроект. Это действительно можно было назвать службой, стражей, изо всех сил, – потому что работать в военном режиме наравне с мужчинами было тяжело.

Антонина Николаевна было инженером-конструктором и проектировщиком самых известных станций Московского метрополитена: «Маяковская», «Павелецкая», «Арбатская», «Площадь Революции». Она не только строила, но и воспитывала смену поколений строителей, созидателей, изобретателей прочнейших сводов из металла и сводов текстов. Преподавала и известна как автор единственного по строительству тоннелей и метрополитенов учебника.

В 1932 году состоялась великая встреча, определившая дальнейшую жизнь Антонины. Встреча с Исааком Бабелем. Они прожили вместе полные 7 лет – и все оставшиеся 70 лет жизни, в десять раз больше совместно прожитого она собирала архивы, воспоминания, поднимала материалы, писала о нем книги и статьи в журналах.

Исаака Бабеля арестовали в 1939 г., а расстреляли в 1940 г., но Антонина не знала о смерти мужа. Она писала письма, делала запросы и получала ответы, что Бабель находится в заключении на стройках народного хозяйства в Сибири. Спустя 15 лет после того ареста сам Климент Ворошилов подтвердил ей смерть Бабеля. При обыске архив Бабеля был изъят, он до сих пор не найден, и Антонина Николаевна воссоздавала творчество в одиночку. Она стала формировать невидимый музей сама, собирала воспоминания его современников, вошла в Комиссию по литературному наследию мужа, написала две книги о нем. В столетнем возрасте она согласовывала проекты памятника Бабелю.

«Ты совершишь со мной последний полет», – обратился он к Елене Сергеевне Шиловской, жене, которая не только совершила с ним лучший полет в его жизни, но описания этого полета донесла до музеев, библиотек и всецелой мысли последующих поколений. Именно здесь сбылась мечта русской религиозной философии о соборности духа, когда рукописи не горят, а слово не удешевляется. При ней был написан роман, после чего Булгаков умирал с уверенностью совершенного литературного долга. Чувство Михаила Афанасьевича и Елены Сергеевны Булгаковых было как аромат нарцисса, дурманяще-сладкое с самого момента встречи в 1929 г.: «Это было быстро, необыкновенно быстро, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь», – писала Елена Сергеевна [4, с.14]. Тогда Елена Сергеевна была замужем второй раз за Евгением

Александровичем Шиловским. «Муж ее был молод, красив, добр, честен», – такая характеристика подошла бы к воспитаннику Кадетского корпуса, крупному военачальнику Красной Армии, но это была характеристика мужа Маргариты. Елена Сергеевна проявила смелость в решении при уходе от спокойной налаженной жизни с Шиловским в бездомную рискованную жизнь Мастера, – вероятно, от того, что тоска по полету, пусть и по другую сторону моральных обстояний, зрела в ней давно.

Женщина, «тайный друг», как называл ее Михаил Афанасьевич, имела двоих сыновей и пыталась противостоять близости с Булгаковым, – но бывают необратимые встречи. Двадцать, по словам Елены Сергеевны, месяцев они не виделись. 1 сентября 1932 года она вышла на прогулку и встретила Мастера: «Я не могу без тебя жить», – сказал он, и Елена Сергеевна, нет, не Маргарита, хотя тут страницы романов сплетены, ответила: «И я тоже». 4 октября 1932 года они обвенчались. С 1933 по 1940 г., годы их брака, создавался роман «Мастер и Маргарита», и для него нужен был не только Мастер, но и Маргарита. Это был их первый и последний совместный полет.

8 лет совместного творчества и 30 лет без него жила Елена Сергеевна, будто рождаясь заново как Булгакова, сохраняя, печатая рукописи своего умершего мужа. По ту сторону моральных обстоятельств, но по эту сторону долга впервые рождаться собой. Победа Елены Сергеевны. Булгаков появляется в стране. Оттепель сквозь снежные заносы и хрустящий наст публикует его произведения. 1962 – «Жизнь господина де Мольера», 1963 – «Записки юного врача», 1966 – «Белая гвардия» в издании Избранной прозы, 1966 – «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва».

Сама Елена Сергеевна манила литературным врожденным вкусом, стилем и почерком, как запахом своего и только своего, собственного, вновь обретенного. Она переводила с французского и публиковала романы Ж. Верна и А. Моруа, составляла Сборник воспоминаний о Мастере, искала мемуаристов, записывала, правила труд «Современники о Булгакове», помогала именитым и начинающим писателям со статьями и рассказами о Михаиле Афанасьевиче: работала с А. Лессом («Непрочитанные страницы о Булгакове»), К. Паустовским («Булгаков и театр» и «Снежные шапки»).

Она творила его имя. Для Елены Сергеевны было существенно одно, чтобы Булгакова увидели в море литературы. У Михаила Афанасьевича Булгакова нет креста на могиле. Всю оставшуюся после его ухода «на покой» жизнь Елена Сергеевна посещала его могилу нарядная. Она приходила в гости и возвращалась просветленная, его свет нужен был ей. Это были встречи, свидания. Она не знала покоя, она знала свет и дело просвещения во имя его в русской литературе. В своей русской литературе, в русской литературе как она есть, в своем собственном русской

литературы, пользуясь выражением В. Бибихина [3, с.71]. После отпевания и кремации самой Елены урну с прахом захоронили рядом с Михаилом Афанасьевичем. Они вместе. Мастер и его Королева: «Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне во всей моей земной жизни», – писал он ей.

«Рай может быть только в саду» [2, с. 53], – писала Лидия Бердяева в своих Дневниках, которые вела с 1934 по 1945 гг. Родилась 20 августа 1871 года, получила образование в частной женской гимназии, писала письма Льву Толстому и получала ответы, была религиозна. Примерная католичка, мистик, почитательница Франциска и Терезы, дисциплинирующая откровения, как и положено женщинам-мистикам. В молодости участвовала в работе социал-демократического рабочего союза ремесленников. Была арестована, сидела в тюрьме. После освобождения жила с сестрой Евгенией в Париже, брала уроки живописи и скульптуры, вольную волю давая не своей, а чужой каменной пластике. Вернувшись в Россию, вступила в РСДРП, отбыла второе заключение, но даже в тюрьме заказывала Надежде Исакович кофточки, шелковые юбки и цветы. До встречи с Николаем Александровичем Бердяевым имела фамилии Трушева и Рапп. К встрече с философом своей жизни она шла весь свой путь. Во сне и в демонстрациях, на кружках и под сводами тюрьмы, изучая живопись в Париже и запоминая проповеди. Встретившись с философом, она сделала имя столь же загадочным, сколь и памятным, публиковалась под таинственным именем Лидия Литта.

Её стихи сравнивали со стихами Софьи Парнок, Поликсены Соловьевой и Аделаиды Герцык. Он называл ее «Дусык», а она его «Ни». После 1922 года они 2 года прожили в Берлине, перебрались в Париж, с 1938 г. жили в своем доме, который гости называли «Ясная Поляна»: там почти ежедневно собиралась интеллигенция, эмиграция, участники русского католического движения, благотворители, редакторы журналов, писатели, философы. Каждый день был расписан встречами, приемами и вечерними чтениями. Да, читать вслух было единственным долгом в этом быту, остальное могло быть очень тяжелым, и в этом всегда был срыв на грани импровизации. «Я какой-то духовный пролетариат, нет у меня потребности в родине, в семье, в быте» [2, с. 19], – писала она.

Её Дневники 1934–1945 гг. дополняли его «Самопознание», это было самопознание на практике, модель идеального глаза в стенах не лаборатории, но кухни, Троянский конь, выпущенный на луг.

Мне снилась русская зима,
Сугробы снега в переулках,
Полозьев хруст морозно-гулкий,
Москва, закутанная в снег.

Они все жили во снах с морозной Москвой, всю жизнь им снились декабрьская метель, январский ветер, февральская пурга.

Писать, думать и молиться. Она занималась благотворительностью, принимала гостей, поддерживала силы Философа эпохи. «Церковь для меня – это таинство» [Бердяева, 2002: 65], жизнь, открытая всем, но «люди создали на земле такой порядок, где основой жизни является борьба одних против других, а не взаимопонимание» [2, с. 92]. Понять для нее – это не простить, а предельно открыться.

Свой дом сделали маленьким раем, куда приходили души потерянных, хворых, странников, юродивых, бездомных, талантливых, одиноких, успешных. «Все мы держимся только духовной внутренней дисциплиной. Иначе не выдержали бы давно всего, что нами пережито» [2, с. 100]. Она считала счастьем проведенные с Философом 30 лет жизни, создавая среди густого тумана грянувшей политической борьбы свое отдохновение:

Ландыши продают
Белые-белые...
А вокруг улицы
Ошалелые.

Улицы Парижа нагнетали страх, потом были оккупированы. Лидия Юдифовна Бердяева говорила, что «любить труднее всего ближних, а не дальних. Дальних – это всегда нечто отвлеченное, смутно-туманное. А ближние перед нами со всеми своими и слабостями, и пороками» [2, с. 94]. После 1960 года, смерти ее сестры Евгении Юдифовны Рапп, дневники Лидии Бердяевой были переданы в отечественные архивы. Это фотографии времни, фотографии ее мужа, фотографии истории. Елена Владимировна Бронникова, написавшая введение к книге, охарактеризовала «фотографичность» записей [2, с. 22], имея в виду вырванные фрагменты дня, наподобие кадров кинопленки.

«Сохрани мою речь навсегда», – это скудное и святое наследство получила Надежда Яковлевна Мандельштам. «Она самая счастливая вдова», – говорила о Надежде Яковлевне Анна Андреевна Ахматова. Надя Мандельштам пробыла вдовой 42 года, 19 лет прожила в союзе взгляда и смысла с Осипом Эмильевичем и «сохранила его речь».

«Летом 1924 г. Осип Эмильевич привел ко мне свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют laide mais charmante» (Анна Ахматова. Листки из дневника) [8, с. 16]. Наденька Хазина встретила поэта Мандельштама 1 мая 1919 года и увидела в его взгляде себя, а в своем взгляде – его. У них не было одного места, местом были они, только вместе, но не в месте. Безбытность была их бытом, бездомность их домом. Хотя Мандельштаму и платили за переводы и прочую работу,

это был быт разночинца, очищенный до прозрачности, до святой кельи культуры. Сорок два года она прожила без него, спасая стихи. И. Бродский как-то упомянул, что она была не столько вдовой Мандельштама, сколько вдовой стихов и даже вдовой культуры. «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (Ахматова).

Первый арест Осипа Эмильевича был 16 мая 1934 года. Внутри его гибкая ива гнулась и гнулась. Говорят, в Чердыни он бегал по улицам и разыскивал труп Ахматовой, а «арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда» [8, с. 25].

Второй арест свершился в мае 1938 года. Осип Эмильевич умер в пересыльном лагере под Владивостоком. Он жил, потому что рядом с ним всегда была его «Надинька». Внимательная и молчаливая при нем, острая на язык без него, сама она стала писать в 60 лет. Города, в которых она жила, преподавала, переводила, работала, получала новые удостоверения об образовании: Калинин, Ульяновск, Чита, Чебоксары. На прядильной фабрике она заправляла станки, проверяя на память его заученные стихотворения. Еще не время их записывать. Еще не время их публиковать. Время из помнить и хранить. Сверка своей судьбы по заплаканным ивам и плачущим страницам, сверка по страницам скрижалях личной памяти судьбы всей страны. «Она совершила подвиг, сохранив в памяти все неопубликованные стихи Мандельштама и заслужила вечную благодарность русских читателей», – писал С. И. Липкин [7, с. 26].

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень –
Мрачней гробовых плит.

[Мандельштам, 1993, т 3: 67]

Её русалочьи глаза и золотистые волосы пленили Дмитрия Сергеевича Мережковского. Год их встречи, 1889, определил 52 года последующей совместной семейной жизни. Они их проживали вместе, как отец Пафнутий с Русалкой, без детей и трагедий, они «делали попытки пробудить новое религиозное сознание» [5, с.7], понимая любовь как «воскрешение личности, слияние с Божественным началом и преодоление смерти» [5, с.7].

Любовь к Богу возможна была для Зинаиды Николаевны Гиппиус только через любимого человека. Согласно североамериканскому мифу, лилия рождается из искры встречи Полярной и Вечерней звезды. Это были Мережковские, две звезды, искрящиеся лилиями в омуте.

Во время войны и революции Гиппиус вела «Петербургский дневник». В Петрограде Мережковские жили на Сергиевской улице, что напротив Таврического дворца, в котором заседала Государственная

дума. Их квартира была одной из точек кипения, что сложились в единую пунктирную линию, которая их же с исторических карт России вытеснила. Одновременно редакция и театр, театр, сжавшийся до бутона страсти к знанию, редакция, расширенная до мировых новостей, но при этом чуждая партийности, в отличие от квартиры Горького на Кронверкском или какой-то еще кипящей петербургской квартиры. Мережковские эмигрировали 24 декабря 1919 года: «Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях», – писал Мережковский [5, с. 131]. Острее отъезд описала Зинаида Николаевна:

До самой смерти...Кто бы мог думать?
(Санки у подъезда. Вечер, снег.)
Знаю, знаю, но как было думать,
Что это до смерти? Совсем? Навек?

Они больше не вернулись в Россию. Польша и Франция. Они создали Религиозно-Философское общество. Их купленная на европейские гонорары за успешные исторические романы Мережковского квартира в Париже позволила встречи с Буниным, Шмелевым, Бердяевым, Шестовым. С 1926 г. Мережковские организуют литературно-философское общество «Зеленая лампа». Первое собрание состоялось 5 февраля 1927 года: «У собраний был свой строгий ритуал. Мережковский, Гиппиус и председательствующий Георгий Иванов с очередным докладчиком выходили на сцену из-за кулис и размещались по установленным раз и навсегда порядкам за большим столом, покрытым зеленым сукном» [5, с. 171].

Когда у Зинаиды Николаевны отнялась правая рука, она сказала: «Это от того, что Дмитрий Сергеевич, гуляя, всегда опирался на мою руку», – так с гордостью освятив свои страдания объясняла Гиппиус Надежде Тэффи. Удивительно, как яркая, колкая женщина Зинаида Николаевна, позволившая себе упреки даже в сторону государя Сербии Александра за то, что тот стал забывать русский язык, благоговела перед Лавром, что обвенчал и увенчал сразу две головы: мужа и жены. М. Вишняк считал Гиппиус отраженным от Мережковского светом, но вероятнее сказать, что света было два: лунный Зинаиды и солнечный Дмитрия.

В 1943–1944 гг, незадолго до кончины 9 сентября 1945 г., она писала посмертную книгу о Дмитрие Сергеевиче, начинавшуюся так: «Париж, 3 июня 1943, Вознесение… Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о них воспоминания, печатали письма… Трудно мне писать воспоминания, делаю это из чувства долга...» [6, с. 17]. Гиппиус писала о разности характеров и нравов, но как свет лунный и солнечный, эта разность вырастала в гармонию интересов: «Мы с Д. С. так же разнились по природе, как различны были наши биографии до начала

совместной жизни» [6, с. 48]. Совместная жизнь 52 года дала Зинаиде Николаевне пульс, дыхание. Книга о Мережковском заканчивается: «А так как Д. С. и я, мы были и в начале, и в конце, и всегда «за интервенцию», – то мы этой беседы и не продолжали» [6, с. 294]. Они эту беседу и не закончили.

Последнее стихотворение самой Русалки, уходящей в лунное море, звучало как шелест:

По лестнице… Ступени все воздушней.
Бегут наверх иль вниз – не все ль равно!
И с каждым шагом сердце равнодушней:
И все, что было, – было так давно...

Антонина Николаевна Пирожкова и Исаак Бабель прожили вместе 7 лет, и оставшиеся на ее жизнь 70 лет, в десять раз больше совместно прожитого, она собирала архивы, воспоминания, поднимала материалы, писала о Бабеле книги и статьи в журналах. Она была историком Бабеля.

Елена Сергеевна и Михаил Афанасьевич Булгаковы провели 8 лет совместного творчества. 30 лет без него жила Елена Сергеевна, сохраняя и охраняя, печатая рукописи своего умершего мужа. Победой Елены Сергеевны стало появление Булгакова в стране: 1962 – «Жизнь господина де Мольера», 1963 – «Записки юного врача», 1966 – «Белая гвардия» в издании Избранной прозы, 1966 – «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва».

Лидия Юдифовна Бердяевасчитала счастьем проведенные с Николаем Адександровичем Бердяевым 30 лет жизни. Она готвоилась к встрече с философом своей жизни на уличных демонстрациях и марксистских кружках, под сводами тюрьмы и храмов, в учебных аудиториях и музеях Парижа. После 1960 года, смерти ее сестры Евгении Юдифовны Рапп, дневники Лидии Бердяевой были переданы в отечественные архивы.

Совместная жизнь Дмитрия Сергеевича Мережковского и Зинаиды Николаевны Гиппиус составила насыщенных творческих 52 года. В 1943–1944 гг, незадолго до кончины 9 сентября 1945 г., она писала посмертную книгу о Дмитрие Сергеевиче, начинавшуюся так: «Париж, 3 июня 1943, Вознесение… Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о них воспоминания, печатали письма… Трудно мне писать воспоминания, делаю это из чувства долга...» [6, с. 17].

Надежда Яковлевна Мандельштам пробыла вдовой 42 года, 19 лет прожила в союзе взгляда и смысла с Осипом Эмильевичем. Безбытность была их бытом, бездомность их домом. Сорок два года она прожила без него, спасая стихи. И. Бродский как-то упомянул, что она была не столько вдовой Мандельштама, сколько вдовой стихов и даже вдовой культуры.

Литературный подвиг жен.

Список источников

1. *Бабель И. Э.* Сочинения. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 477 с.
2. *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.
3. *Бибихин В. В.* Свое, собственное // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 71–81.
4. *Булгакова Е. С.* Дневники. М.: Издательство Книжная палата, 1990. 400 с.
5. *Гиппиус З. Н.* и др. З.Н. Гиппиус Pro et contra. Антология. СПб.: Издательство РХГА, 2008. 1038 с.
6. *Гиппиус З. Н*. Ничего не боюсь. М.: ПрозаиК, 2017. 683 с.
7. *Липкин С. И.* Угль, пылающий огнем. М. : Правда, 1991.
8. *Мандельштам О. Э.* Собр. Соч. в 4 т. М.: АртБизнес Наука, 1993.

УДК 316.346.2-053.6

О. В. Лылова
Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. Период с 2000 по 2025 год стал для системы образования РФ временем глубокой трансформации. Пройдя путь от преодоления кризиса 1990-х гг. до интеграции в глобальный образовательный контекст, российское образование демонстрирует неоднозначную, но динамичную картину. Особая роль в рассмотрении образовательных процессов отводится изучению образовательных трендов, формируемых под влиянием как гендерных трансформаций, так и мультидисциплинарных практик.

Annotation. The period from 2000 to 2025 has been a time of profound transformation for the education system of the Russian Federation. Having evolved from overcoming the crisis of the 1990s to integration into the global educational context, Russian education presents a complex yet dynamic picture. A special role in analyzing educational processes is assigned to the study of educational trends shaped by both gender transformations and multidisciplinary practices.

Ключевые слова: Система образования, образовательные тренды, человеческий потенциал, инклюзивная среда, программы поддержки гендерного баланса в образовательном поле.

Keywords: education system, educational trends, human potential, inclusive environment, programs supporting gender balance in education.

Центральное место в формировании человеческого потенциала занимает образование, так как качество подготовки формирует у выпускников набор навыков, соответствующих современным секторам экономики, способствует включенности работника в продуктивную занятость. Экономический рост любой страны, напрямую связаны с качеством образования населения, поскольку более высокий уровень подготовки способствует повышению производительности труда, ускоряет развитие высокотехнологичных отраслей производства. Современное образование способствует созданию цифровых производств и выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью, формирует актуальные формы занятости и высокую платежеспособность населения, тем самым, расширяет

© Лылова О. В., 2026

емкость внутреннего рынка. В мировой практике отмечено, в странах-членах ОЭСР наблюдается следующая закономерность увеличение средних лет обучения на 1 год приводит к увеличению темпов роста ВВП на душу населения на 2–3 % [1]. Высокие образовательные компетенции населения способствуют развитию современных наукоемких отраслей производства, стимулируют внедрение инноваций во многих отраслях экономики и социальной сферы. Рост уровня образования населения сопровождается такими положительными внешними эффектами, как рост уровня и качества жизни, его успешной социализации, и в целом, способствует формированию устойчивого и гармоничного социума.

Профессиональная система подготовки задает состав компетенций, релевантных требованиям современного рынка труда, определяющих адаптационные способности работника к меняющимся условиям занятости, позволяет выпускникам более быстро входить в современную технологическую среду, дает возможность формировать индивидуальные образовательные тренды. Молодые специалисты развивают и совершенствуют ряд ключевых компетенций, которые являются основополагающими для их успешной адаптации и карьерного роста.

Современная профессиональная подготовка снижает барьеры входа в отрасли с высокой добавленной стоимостью, особенно в ее новых технологических сегментам. Кадровое наполнение модернизированная экономика получает через образовательные институты, поставляющие специалистов для современного производства, научных и образовательных сфер, управленческих структур.

Отмечено, что за последние 20–25 лет уровень образования существенно вырос во многих странах мира. Так, в странах-членах ОЭСР в 2000-х доля населения с уровнем образования не ниже высшего составляла около 20–30 %, а к 2021–2022 гг. в ряде стран выросла до 40–70 % (например, в Ирландии и Южной Корее около 60–70 %). Это отражает глобальный тренд: в 2000–2025 гг. резко растёт доля молодёжи, получающей высшее и среднее специальное образование, особенно в странах с высоким уровнем доходов и стремительно развивающихся экономиках [2].

Тенденции повышения уровня образования затронули и российское общество, в нашей стране также заметным трендом является существенное увеличение доли населения с высшим и средним специальным образованием. Так, за период с 2003–2023 г. этот показатель вырос с 19,2 % до 31,5 % в 2023 году. При этом, за последние 5 лет темпы роста этого показателя начали снижаться, что говорит о некотором перенасыщении рынка.

Структура образовательного уровня населения России (2023 г.)

Уровень образования	Доля населения (%)
Высшее образование	31,5
Среднее профессиональное образование	45,0
Полное среднее образование	19,2
Основное общее образование	3,8
Начальное образование или без образования	0,5

Источник: [2].

В России наиболее популярными направлениями по программам подготовки высшего образования в 2000–2023 годах традиционно были экономика, юриспруденция, менеджмент, медицина и IT-специальности, с заметным смещением в сторону инженерных и технических направлений к 2020-м годам. За прошедшие десятилетия образовательные тренды постепенно менялись. Так в начале 2000 г. лидировали следующие направления подготовки – экономика и юриспруденция, маркетинг, управленческие дисциплины, что отражало растущий спрос бизнес-сообщества. В 2010 гг. в числе лидеров оставались экономические и правовые дисциплины, но к ним добавилась медицина, фармакология и психология. Пандемия Covid-19 и геополитические изменения начала 20-х гг. усилили востребованность подготовки специалистов в сфере медицины, социальной работы, а также информатики, вычислительной техники, цифровых технологий.

При этом, выпуск специалистов, бакалавров и магистрантов с 2000 по 2023 гг. существенно увеличился с 635 до 805 тыс. чел. (на 26 %) , в том числе, в государственных и муниципальных организациях – с 578 до 717 тыс. чел., (на 24 %), рекордный рост произошел в частных организациях – с 56,2 до 88, 8 тыс. чел. (на 57 %). Как мы видим, система высшего образования остается востребованной. В стране, продолжается развитие данной системы образования, происходит расширение системы частного образования и усиление конкуренции в этой сфере. Валовой коэффициент охвата молодежи программами бакалавриата, специалитета, магистратуры увеличился 23 % до 32 %, что указывает на расширение доступа к высшему образованию и его востребованностью. Самый значительный рост наблюдается в очно-заочной форме обучения, что может быть связано с тем, что «вечерние формы подготовки» более доступны для работающего населения, содержат более гибкие подходы к организации учебного процесса и в большей степени ориентированы на потребности рынка труда. Во всех формах обучения численность студентов в негосударственных вузах росла быстрее, чем в государственных и муниципальных [3].

Сравнительный анализ изменений за последние десятилетия демонстрирует существенный прогресс в сфере образования. Если в начале

XXI века доля мужчин и женщин с высшим образованием была примерно одинакова, то сейчас рост женской образовательной квалификации превосходит мужской. Эта разница является одним из основных факторов, формирующих текущую социально-экономическую ситуацию и предопределяющих гендерные роли в сфере образования и на рынке труда.

На начало 2024 года в России женщины составляют 53,53 % от общего населения, что соответствует примерно 78,23 миллионам человек, тогда как мужчины 46,47 %, или около 67,92 миллиона [4]. Этот гендерный дисбаланс сохраняется стабильно последние два десятилетия и оказывает влияние на многие социальные процессы, в том числе образовательные.

Уровень полученного образования у женщин в нашей стране традиционно выше, чем у мужчин. По последним данным, доля женщин с высшим образованием достигает 39,8 %, в то время как среди мужчин аналогичный показатель составляет 29,9 % [5]. Наиболее высокий уровень образования наблюдается среди молодежи в возрасте 25–34 лет около 41 % представителей этой группы имеют диплом о высшем образовании. Для сравнения, в возрастной категории 55–64 лет высшее образование получили лишь 28 % людей [6]. Таким образом, тенденция к росту образовательного потенциала прослеживается прежде всего среди молодого населения, причем динамика роста заметно выражена именно у женщин.

Также стоит отметить, что помимо высшего образования, в России за последние годы сформировался повышенный интерес к получению среднего профессионального и дополнительного профессионального образования. Эти формы образования играют важную роль в обеспечении экономики страны квалифицированными кадрами и зачастую отражают практические запросы рынка труда. Доля женщин и мужчин, осваивающих эти уровни образования, демонстрирует схожие пропорции.

Таким образом, современная демографическая и образовательная ситуация в России характеризуется устойчивым преимуществом женщин по уровню образования в различных возрастных группах. Усиление образовательного потенциала женщин и растущий уровень образования среди молодежи в целом создают предпосылки для перехода к более сбалансированному распределению профессиональных ролей и занятости в обществе. К сожалению, за последнее десятилетние не удается полностью преодолеть гендерные стереотипы, относительно «женских» и «мужских» специальностей. Зачастую, гендерные роли в семье транслируются в образовательную и профессиональную сферу.

Указанные стереотипы базируются на устоявшихся мифах о специфических когнитивных характеристиках женщин, а также о предпо-лагаемой ограниченности их потенциала для успешной профессиональной

деятельности в условиях высокой конкуренции. Эти предубеждения проявляются на этапах получения современного технологического образования, последующего трудоустройства и карьерного роста. Предвзятое восприятие мужских и женских профессий способствует тому, что многие представители обоих полов сознательно избегают специализаций, не соответствующих традиционным гендерным ожиданиям. Это, в свою очередь, затрудняет формирование кадрового разнообразия и снижает потенциал инноваций в различных отраслях.

Особо удручающая ситуация складывается в системе подготовки STEM (наука, технологии, математика, инженерия). Гендерный разрыв в этой сфере остается наиболее значительным, несмотря на то, что в последние годы наблюдается некоторый приток девушек в технологические специальности.

Данная ситуация подтверждена статистическими данными российских вузов и исследовательских центров, центров подготовки по программам СПО, которые фиксируют стабильную гендерную сегрегацию при наборе студентов. Так, например, среди студентов по направлениям подготовки, относящимся к физике и математике, их доля составляет около 34 %, в информационной безопасности гендерный дисбаланс еще более выражен: женщин около 30 %. В металлургии и машиностроении картина схожая: на одну женщину приходится пять мужчин. Аналогичная ситуация складывается в сфере энергетики, электротехники, ракетостроении и авиации: здесь соотношение женщин и мужчин составляет 1 к 6. При этом, в таких областях, как биология и химия, доля женщин среди выпускников университетов достигает 50–60 % [7].

В системе СПО в России девушки чаще всего учатся по гуманитарным, медицинским, педагогическим, сервисным и творческим специальностям, таким как сестринское дело, педагогика и воспитание, сервис, туристический и гостиничный бизнес, поварское и кондитерское дело, дизайн, юриспруденция, экономика, управление. При этом, отмечено, что за последние 5 лет усилился интерес и к IT-направлениям. Доля девушек в технологических дисциплинах в системе СПО (прежде всего в информационных и инженерных технологиях) за 2000–2024 гг. существенно ниже средней по всему СПО (15–20 %), но наблюдалась постепенная и устойчивая динамика роста, особенно в 2020-х годах. Наибольший интерес для девушек представляют следующие направления подготовки в технологических областях- информационные системы и программирование, веб-мобильные разработки, IT-специальности, связанные с веб-разработкой, дизайном, аналитикой, тестированием и цифровым маркетингом, а также «гибридные» профили, где важны и технические, и коммуникативные навыки, кибербезопасность и администрирование. В качестве причин, вызвавших повышенный интерес к обучению по этим

направлениям подготовки, можно предположить следующие техни-ческие и инженерные специальности востребованы на рынке труда, что дает возможность девушкам построить успешную карьеру, сохраняя финансовую стабильность. Обучение и нахождение в высокотехнологичной среде становится в какой-то степени модным среди молодежи. Кроме того, некоторая часть девушек опирается на собственные способности к «точным» наукам при выборе направлений обучения в сфере математики, технологии, программирования и экспериментальных наук.

Отмечено, что при выборе дальнейшего обучения в «техническом» ВУЗе, или в системе СПО абитуриентки ориентируются не только на возможность получения специальности в сфере STEM, но и на дополнительные, вторичные факторы, упрощающие их выбор. К ним относятся :

1. Относительно низкий проходной балл, что повышает вероятность поступления на бюджетные формы обучения. Сравнительно низкая стоимость обучения на коммерческой основе также является весомым аргументом, минимизируя финансовые затраты на получение образования и делая его более доступным для абитуриентов из различных социальных групп.

2. Рекомендации от близкого окружения, от членов семьи, школьных друзей, преподавателей и репетиторов, играет ключевую роль в процессе принятия решения о выборе специальности и образовательного учреждения. Примеры успешного обучения и трудоустройства выпускников по выбранной специальности среди знакомых абитуриента могут служить дополнительным стимулом для выбора конкретного направления подготовки.

3. Географическое расположение образовательного учреждения также является значимым фактором. Близость к месту жительства абитуриента снижает необходимость в предоставлении общежития или аренде жилья, что способствует созданию более комфортных условий для проживания и обучения, а также позволяет минимизировать дополнительные расходы.

4. Развитая материально-техническая база образовательного учреждения, включающая современные лабораторные комплексы, наличие актуальных производственных практик, эффективная система кураторства и наставничества, а также гарантии трудоустройства выпускников, является важным показателем качества образовательного процесса и его практической направленности. Эти факторы способствуют формированию у студентов необходимых профессиональных компетенций, повышая их конкурентоспособность на рынке труда.

5. Предположение о высокой востребованности выпускников, возможностях карьерного роста и получения высокого вознаграждения.

Несмотря на предоставленные преференции в обучении и на отсутствие когнитивных ограничений, препятствующих девушкам получать образование в сферах, связанных с высокими технологиями, среди абитуриенток формируется предубеждения относительно целесообразности получения образования в данной сфере, в частности, в сфере IT. К ним можно отнести:

- Феномен недоверия со стороны академического окружения, работодателей и коллег, а также синдром самозванца, характеризующийся устойчивым ощущением недостаточности профессиональных компетенций, может существенно ограничивать мотивацию к получению образования в данной сфере.
- Недостаточная репрезентативность успешных кейсов женщин-специалистов в области высоких технологий может оказывать демотивирующее воздействие на потенциальных абитуриенток, затрудняя их профессиональную самоидентификацию и выбор карьерного пути.
- Опасения по поводу потенциального отсутствия перспектив карьерного роста и возможности столкнуться с явлением «стеклянного потолка» могут существенно влиять на решение о поступлении в учебные заведения, специализирующиеся на подготовке кадров для высокотехнологичных отраслей.

Данные факторы приводят к тому, что в системе высшего образования доля женщин составляют не многим более 30 % от общего числа студентов, обучающихся по специальностям, связанным со STEM-дисциплинами и этот показатель растет очень медленно. Сложившуюся ситуацию обычно связывают с гендерной дискриминацией и предрассудками, а также внутренними и внешними социальными факторами. Сохраняющаяся сегрегация ведёт к тому, что соотношение образовательных достижений и экономических результатов у женщин оказывается менее благоприятным, чем у мужчин, что снижает эффективность использования образовательного потенциала всего населения. Данная диспропорция создает социальные и экономические противоречия, ограничивающие как индивидуальные возможности женщин, так и потенциал развития экономики в целом.

В связи со сложившейся ситуацией необходимы комплексные усилия по формированию инклюзивной образовательной политики, снижающей влияние негативных стереотипов на выбор будущей профессии и формирование образовательных трендов. Следует отметить, что некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В России в 2000–2020-е годах действуют как прямые, так и косвенные государственные меры по поддержке женщин в STEM-образовании и науке. Основной рамкой выступает Национальная стратегия действий в интересах женщин на период 2023–2030 годы [8], которая включает задачи по

расширению доступа женщин к научной и инженерной карьере, расширению возможностей совмещения работы и семьи, а также устранению формальных барьеров (в том числе сокращению «запретных» для женщин видов работ). Эта стратегия опирается на приоритеты цифровой экономики и развития наукоемких отраслей, где активно поддерживается привлечение женщин в IT и технические профессии.

В настоящее время действуют некоторые государственные программы по поддержке STEAM- проектов.

 В рамках национальной программы «Цифровая экономика» запущен проект «Женщины в IT», который предоставляет девушкам бесплатное обучение программированию и цифровым компетенциям, помогая их трудоустройству в IT-секторе [9].

 Минобрнауки реализует пилотную программу «Современное научное наставничество» и поддерживает проекты женского наставничества в STEM-профессиях, включая карьерные траектории для девушек-студенток и молодых ученых [10].

Для поддержания престижа STEM образования среди девушек и создания доступной образовательной среды необходимо развивать следующие инициативы:

Реализовывать специальных образовательные программы. Например, организацию математических летних лагерей для девочек и интерактивных, игровых занятий для вовлечения школьниц в науку;

Проведение образовательных конференций, на которых участники обсуждали бы вопросы о перспективной роли девушек в системе STEAM;

Развитие специальных образовательных программ в рамках системы профессионального образования по примеру STEM программ и производственных практик для студенток РГУ (Российского государственного университета) нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина и Югорского государственного университета;

Формирование позитивного образа женщины-профессионала, в том числе, с помощью создания профессиональных сообществ, например таких как «Сообщество женщин в физике», Сообщество женщин – инженеров».

В условиях цифровой экономики должно происходить постепенное «размывание» социальных стереотипов относительно «женских» и «мужских» специальностей. Подводя краткие итоги, можно отметить, что решение проблемы ликвидации гендерных диспропорций в системе образования можно решить благодаря комплексным усилиям государственных структур, образовательных учреждений, бизнес-сообщества, общественных организаций и СМИ. Достижение гендерного баланса в сфере наукоемких отраслей будет способствовать повышению

образовательного потенциала населения, росту инновационной активности производственных и научных центров, повышению эффективности экономики и уровня жизни населения в целом.

Список источников

1. *Колосницына, М. Г.* Государственные расходы на образование и экономический рост: межстрановой анализ / М. Г. Колосницына, Ю. Е. Ермолина // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 3. С. 70–85.

2. https://www.oecd.org/en/topics/education-attainment.html/ [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.03.2026).

3.Индикаторы образования: 2025 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа И60 экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 452 с

4. Соотношение мужчин и женщин в России: статистика... [Электронный ресурс] // t-j.ru – Режим доступа: https://t-j.ru/male-female-stat/. – (дата обращения: 15.03.2026).

5. Образование в цифрах [Электронный ресурс] // fgosvo.ru – Режим доступа: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Education_2025_Book.pdf, (дата обращения: 16.03.2026).

6. Статистика уровня образования в России: тренды, вызовы... [Электронный ресурс] // sky.pro – Режим доступа: https://sky.pro/wiki/profession/statistika-urovnya-obrazovaniya-v-rossii/, (дата обращения: 10.03.2026).

7. Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://publications.hse.ru/books/217713724_(дата обращения: 15.03.2026).

8. Справочно-правовая система «Консультант плюс»: официальный сайт: [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436691/0ab1d11f34aa37bd186ca7948792439bf4b2d4c1/..., (дата обращения: 16.03.2026).

9. https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika -[Электронный ресурс, (дата обращения: 1.03.2026).

10. Министерство науки и высшего образования РФ: официальный сайт -[Электронный ресурс] https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/79991, (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 349.22:174

А. В. Швецова
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О НАЛИЧИИ ДЕТЕЙ НА СОБЕСЕДОВАНИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются этические и правовые аспекты практики обсуждения наличия детей у женщин в процессе трудового собеседования. Анализ строится на противоречии между существующими нормативно-правовыми запретами дискриминации по семейному положению и фактической распространенностью вопросов о детях при найме. На основе данных глубинных интервью показывается, что работодатели и соискательницы интерпретируют данную практику сходным образом – как фактор потенциального снижения профессиональной эффективности и риска для работодателя. Особое внимание уделяется контексту современной демографической политики государства, ориентированной на стимулирование рождаемости и внедрение механизмов корпоративной демографической ответственности, включая ЭКГ-рейтинг. Делается вывод о наличии структурного конфликта между экономической логикой рынка труда, гендерными ожиданиями и государственными демографическими приоритетами.

Annotation. This article examines the ethical and legal aspects of the practice of discussing women's childbearing during job interviews. The analysis is based on the contradiction between existing legal prohibitions against discrimination based on marital status and the actual prevalence of questions about children during hiring. Based on in-depth interviews, it is demonstrated that employers and job seekers interpret this practice similarly – as a factor potentially reducing professional effectiveness and posing a risk to the employer. Particular attention is given to the context of current government demographic policy, which is focused on stimulating the birth rate and implementing corporate demographic responsibility mechanisms, including ECG ratings. A conclusion is drawn regarding the existence of a structural conflict between the economic logic of the labor market, gender expectations, and state demographic priorities.

Ключевые слова: дискриминация, гендер, рынок труда, собеседование, детность, демографическая политика, трудовые отношения, материнство.

Keywords: discrimination, gender, labor market, job interview, childbearing, demographic policy, labor relations, motherhood.

Вопросы о наличии детей и планах их иметь остаются устойчивым элементом практики найма женщин, несмотря на существующие правовые ограничения дискриминации в сфере труда. Формально российское

© Швецова А. В., 2026

* *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, https://rscf.ru/ project/24-18-00854*

трудовое законодательство запрещает отказ в трудоустройстве по причинам, связанным с полом, семейным положением и наличием детей [1]. Однако на уровне повседневных практик рынка труда подобные вопросы продолжают восприниматься как «естественная» часть собеседования.

Данная ситуация представляет особый интерес для социологического анализа, поскольку демонстрирует расхождение между нормативным уровнем регулирования и фактическими социальными практиками. Более того, проблема приобретает дополнительную актуальность в условиях демографического кризиса, снижения рождаемости и попыток государства стимулировать корпоративную поддержку семьи и родительства. Цель настоящего исследования – проанализировать противоречия между правовыми нормами, практиками рынка труда и демографической повесткой в вопросе отношения к детности женщин на рынке труда.

Согласно статье 64 Трудового кодекса Российской Федерации, запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, в том числе по обстоятельствам, связанным с полом, семейным положением и наличием детей. Законодательство формально закрепляет принцип равенства возможностей и недопустимости дискриминации. Тем не менее правоприменительная практика демонстрирует ограниченную эффективность подобных норм. Работодатели редко формулируют отказ напрямую через фактор наличия детей, однако сам вопрос о наличии детей продолжает использоваться как инструмент оценки «рисков» кандидата. В результате складывается ситуация латентной дискриминации, когда формально запрещенные критерии продолжают влиять на принятие кадровых решений.

С этической точки зрения подобная практика также вызывает противоречия. С одной стороны, работодатели стремятся минимизировать организационные издержки, связанные с больничными, декретными отпусками и снижением гибкости сотрудника. С другой стороны, сама постановка вопроса о наличии детей воспроизводит гендерное неравенство, поскольку аналогичные вопросы значительно реже адресуются мужчинам (и, если задаются, имеют противоположное значение – отцовство выступает показателем ответственности и социальной зрелости мужчины). Таким образом, формальное равенство сосуществует с устойчивыми латентными механизмами дискриминации при найме.

В рамках исследовательского проекта «Корпоративная гражданственность как институт поддержки российской пронаталистской политики: ресурсы и механизмы формирования, трансформация и масштабирование практик реализации, оценки и прогнозы потенциальных эффектов» мы провели две серии глубинных полуструктурированных интервью с работниками (N=60) и работодателями (N=60) российских

компаний в трех федеральных округах: Уральском, Сибирском, Северо-Западном. Наши данные показывают, что все участники процесса собеседования – и работодатели, и сами соискатели – интерпретируют вопрос о наличии детей как потенциальное ограничение профессиональной эффективности.

Работодатели связывают наличие или планирование детей прежде всего с организационными рисками: вероятностью частых больничных, снижением вовлеченности, ограниченной мобильностью и невозможностью переработок. При этом сами женщины также осознают существование подобных ожиданий. В интервью респондентки отмечают, что наличие детей воспринимается как фактор, снижающий их конкурентоспособность на рынке труда, они вынуждены подбирать слова и использовать оправдательный тон при ответе на этот вопрос. Многие участницы исследования сообщали о необходимости заранее выстраивать стратегии самопрезентации (подчеркивать наличие помощи родственников, готовность к переработкам или соглашаться на менее выгодные условия работы). Даже при понимании дискриминационного характера подобных вопросов участники взаимодействия воспринимают их как «естественные» и «понятные». Это свидетельствует о высокой степени институционализации данной практики.

В социологическом смысле речь идет о воспроизводстве устойчивых культурных представлений о гендерных ролях. Материнство продолжает рассматриваться как преимущественно женская обязанность, влияющая на профессиональную эффективность работника. Рынок труда формирует идеальную модель сотрудника, не обремененного семейными обязанностями. Женщина с детьми в рамках такой модели оказывается потенциально «неудобным» работником.

В контексте устойчивого снижения рождаемости и современной демографической политики государства выявленное противоречие должно рассматриваться как признак системного рассогласования стратегических общественных интересов и операционных задач бизнеса. Дефамилизация (а в определенном смысле – дефеминизация) репродуктивной ответственности становится необходимым условием стабилизации рождаемости. Одним из механизмов этого процесса выступает ЭКГ-рейтинг («Экология, Кадры, Государство») [2], предполагающий оценку социальной и демографической ответственности бизнеса. В рамках данной логики компании должны создавать условия, благоприятные для совмещения профессиональной деятельности и семейной жизни [3].

Адаптация бизнеса к новым форматам трудовых отношений требует переформатирования всей системы, поэтому фактические практики найма демонстрируют устойчивость и ригидность. Работодатель

оказывается включен одновременно в две конкурирующие повестки: экономическая логика требует минимизации кадровых рисков и повышения эффективности труда, а государственная демографическая политика стимулирует поддержку работников с детьми и повышение рождаемости. В результате возникает структурный конфликт между интересами бизнеса и социально-политическими целями государства. Формально компаниям предлагается поддерживать семейные ценности, однако организационные механизмы труда продолжают строиться вокруг модели эффективного и «беспроблемного» работника. Таким образом, преодоление данной формы скрытой дискриминации требует не только правового регулирования, но и более глубоких изменений в культуре труда и системе социальной поддержки семьи.

Список источников

1. Трудовой кодекс РФ (N 197-ФЗ от 30.12.2001, с изм. и доп. // КонсультантПлюс // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/, (дата обращения 14.05.2026).

2. ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса URL: https://экг-рейтинг.рф/ (дата обращения 14.05.2026).

3. Бизнес за семью: как предприниматели и государство меняют демографическое будущее России. Научно-практический сборник. Москва, 2026. 62 с.

УДК 327.8:791.43(470+73)

О. В. Рябов
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург

ЛЮБОВЬ И «ЯСТРЕБЫ»: КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛЮБВИ КАК ОРУЖИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. Исследуется роль репрезентаций любви в противопоставлении пропагандистских образов «своих» и «чужих» на материале кинематографа холодной войны; источниками выступают около 30 фильмов СССР и США. Эти репрезентации поддерживали и корректировали гендерные нормы; вместе с тем они использовались в качестве эффективного орудия международной пропаганды, будучи связанными с вопросами национальной идентичности и глобальной миссии сверхдержавы. Кинематографии СССР и США привлекали репрезентации любви для делегитимации как гендерных отношений в обществе «чужих», так и их социальной системы в целом.

Annotation. *T*he paper focuses on the role of representations of love in juxtaposing the images of «us» and «them». The materials consist of approximately 30 Soviet and U. S. Cold War films. These representations supported and corrected gender norms, while also serving as an effective tool for international propaganda, as they were linked to issues of national identity and the global mission of the superpower. The Soviet and U.S. cinema employed representations of love to delegitimize gender relations in the society of «them» as well as their social system as a whole.

Ключевые слова: Холодная война, любовь, гендерные отношения, кинематограф, образ врага

Keywords: Cold War, love, gender relations, cinema, the image of the enemy

Введение

Статья посвящена вопросу о том, как «ястребы» Холодной войны использовали кинорепрезентации любовных отношениях в качестве средства «борьбы за сердца и умы» в рамках советско-американской конфронтации. Во все времена романтические истории являлись одним из любимых жанров массовой культуры, выполняя многообразные функции, от развлечения до социализации. Мы хотели бы обратить внимание на то, что эти истории могут привлекаться и в качестве эффективного орудия пропаганды в международных отношениях. В историях любви

© Рябов О. В., 2026

* *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П*

отражаются, поддерживаются и корректируются нормы как гендерных отношений, связанные с канонами мужественности и женственности, так и политических. Так, репрезентации любовных отношений занимают заметное место в политике коллективной идентичности, предполагающей противопоставление «своих» и «чужих». Имагологический потенциал этих репрезентаций, то есть возможность привлекать их для создания образов «своих» и «чужих», обусловлен, прежде всего, тем, что любовь является одной из важнейших ценностей человеческой жизни, необходимым условием счастья. Любовь, кроме того, – это значимый специфицирующий признак homo sapiens, подобный таким, как, скажем, абстрактное мышление или социальность; соответственно, отрицание у врага способности любить используется в его дегуманизации, расчеловечивании. Другой аспект исследуемой темы связан с созданием историй любви между представителями двух враждебных сообществ (в нашем случае – СССР и США); распределение в этих историях ролей «своих» и «чужих» также способствует конструированию репрезентаций международных отношений. В художественных произведениях истории любви помещаются в определенный политический контекст; тем самым происходит их идеологизация. Это способствует формированию у аудитории определённого эмоционального отношения к событиям мировой политики, заставляя зрителей чувствовать свою сопричастность к ним.

Мы рассматриваем проблему на материале кинематографа – главного театра «культурной Холодной войны»: источниками являются советские и американские фильмы, в которых показаны любовные отношения в обществе «врага номер один» (всего около 30); среди значимых исследований этих фильмов [Laville, 2006; Steans, 2010; Dowling, 2014; Riabov, 2024; и др.]. В первой части статьи речь пойдет о том, как в киноленте противопоставляются «свои» и «чужие» при помощи репрезентаций любовных отношений. Далее, предметом анализа будут кинообразы советско-американских историй любви. Наконец, мы остановимся на вопросе, какие трансформации претерпевают репрезентации любви в тех фильмах, которые снимались в атмосфере потепления отношений двух сверхдержав.

Репрезентации любви как символический пограничник

Изучению феномена любви посвящены сотни томов; среди тех признаков, которые считаются необходимыми для сформированного в культуре XX в. образа идеальной любви, называют такие, как свободный выбор на основе индивидуальных предпочтений; эмоциональное напряжение, страсть, восхищение; бескорыстие; забота, вплоть до

самопожертвования; уважение, умение видеть в любимом человеке не только объекта своих чувств, но и субъекта собственных поступков; верность; приоритет духовной составляющей любви над телесной; связь взрослых мужчины и женщины; наконец, это отношения, которые предполагают взаимность и целью которых является заключение брака и создание семьи [напр.: Василев, 1982]. Соответственно, при создании символической границы с «чужими» было необходимо указать на отсутствие у них данных признаков и объяснить это недостатками их социальной системы в целом.

Голливуд объявлял главным пороком советского общества тиранию: всевластие государственной машины, отсутствие у индивидов свободного выбора, подавление индивидуальности. Подлинная любовь здесь невозможна, поскольку индивидуальная привязанность рассматривается как препятствие для абсолютной преданности властям. В фильме «Пилот реактивного самолета» (1957) советская летчица Анна убеждена, что любовь, как и религия, представляет собой опасный наркотик, потому что заставляет индивида забыть его обязанности перед государством. Поэтому естественной выглядит ситуация, когда во имя интересов государства жена предает мужа, доносит на него властям, как в фильме «Красный кошмар» (1962).

Обе стороны конфликта активно использовали прием дегуманизации, в его двух формах: механистической и анималистской, предполагающими уподобление «чужих», соответственно, машине или животному [Riabova, Riabova, 2021]. Сравнение советского общества с гигантской машиной, а его жителей – с винтиками было распространено в американской пропаганде; характерной чертой позиционирования «красных» являлось отказ им в способности испытывать любые эмоции, и тем более чувство любви (напр.: «Вторжение похитителей тел», 1956). Другая форма дегуманизации, анималистская, включала в себя утверждение, что в отношениях между полами в СССР доминирует животное начало; она нашла выражение и в образе «русского насильника», широко применяемого в антисоветской пропаганде (напр.: «Фройляйн», 1958; «Победители», 1963).

В массовой культуре СССР образ идеальной любви имел немало общего с тем, который транслировала массовая культура США. Сходной была и структура критики «чужих»: любовные отношения в США были показаны как противоположные советским, как девиантные и как неизбежное следствие уродливых социальных отношений, присущих американскому образу жизни в целом.

Если Голливуд называл главным препятствием для любви в советском обществе власть государства, то советское кино показывало, что в американском социуме таковым является власть денег. «На деньги можно купить все: честь, совесть, невинность, любовь – дело только в цене» – это правило американского миллионера, персонажа фильма «Русский сувенир» (1960), является краеугольным камнем морали в США. Американцы готовы на все ради денег; все продается и все покупается. Коммерческий расчет является и главным мотивом вступления в брак (напр.: «Мост перейти нельзя», 1960).

Общество, построенное на частной собственности, эксплуатации человека человеком и культе денег, не может не порождать одиночество и разобщенность индивидов [Рябова, 2022]. Так, в кинообразах американок акцентируются эгоизм и неспособность к самопожертвованию во имя любимого человека; они оставляют своих возлюбленных ради более успешных мужчин, причем именно тогда, когда те более всего нуждается в их помощи (напр.: «Акционеры», 1964).

Среди средств, применяемых советской пропагандой для дегуманизации «чужих», отметим утверждение, что в американском обществе на место любви поставлены животные инстинкты, секс. Это определяет и отношение к женщине, которая воспринимается, в первую очередь, как сексуальный объект, в результате чего девальвируется ее человечность. Свойство американского общества превращать женщину в товар находит выражение в проституции (напр.: «Серебристая пыль», 1953; «Генерал и маргаритки», 1963).

При этом необходимо сделать оговорку – советская пропаганда исходила из приоритета классового подхода, постулируя идею «двух Америк»: помимо Америки реакционной, есть Америка прогрессивная, состоящая из представителей компартии, рабочего класса, простого народа. Отмеченные выше пороки относились только к изображению Америки реакционной.

Советско-американские истории любви

Другим аспектом исследуемой темы является использование обеими кинематографиями такого сюжета, как истории любви между представителями двух враждебных блоков. Одним из наиболее известных фильмов на эту тему стала британская картина «Из России с любовью». В основе сюжета – история побега советского агента Татьяны Романовой на Запад, причем ради любви Джеймса Бонда она совершает предательство, выдав военные секреты. Канон же таких историй любви был создан Голливудом в фильме «Ниночка» (1939), в котором рассказывается, как

убежденная коммунистка Нина Якушева попадает в Париж, знакомится с французским аристократом влюбляется в него и остается на Западе. Впоследствии этот сюжет получил развитие во многих картинах, выходивших на всем протяжении Холодной войны: «Красный Дунай», 1949; «Шелковые чулки», 1957; «Ковбой и балерина», 1984; и др. Популярность сюжета была обусловлена тем, что, во-первых, пропагандистские машины обеих сверхдержав использовали случаи побега на другую сторону «железного занавеса» в качестве доказательства превосходства собственной идеологии: выбор мужчины в данном случае – это выбор образа жизни: советского или американского. Во-вторых, в подобных историях любви конструировалось превосходство не только «свободного мира», но и американской маскулинности над советской. В пропаганде война представлена как соревнование в маскулинности: чья мужественность, «своих» или «чужих», является образцовой. То, что в американских фильмах советские женщины предпочитают западных мужчин, призвано свидетельствовать о невысоком качестве советской маскулинности.

В кинематографе СССР также выходили фильмы о романтических отношениях между советскими и американскими персонажами. Собственно, самим появлением этого сюжета Холодная война обязана именно советскому кино: Э. Любич, режиссер «Ниночки», присутствовал в Москве в 1936 г. на премьере комедии Г. Александрова «Цирк», в качестве ответа на которую и был задуман его фильм [Hudson, 2019]. Напомним, что в «Цирке» превосходство и советской маскулинности, и советской идеологии демонстрируется при помощи того, что американская актриса Мэрион Диксон предпочитает Ивана Мартынова западному мужчине и остается в СССР. В фильмах Холодной войны советские мужчины покоряют сердца представительниц мира капитализма: Британии («Спасите наши души», 1960), Италии («Альпийская баллада», 1965), Японии («Москва, любовь моя», 1974), ФРГ («Берег», 1983). Тем самым подтверждается высокий статус советской маскулинности и преимущества советского образа жизни.

В отечественном кино были и определенные отличия, связанные с особенностями статуса женщины в советском обществе. Так, в фильме «Человек меняет кожу» (1959) инженер Джим Кларк, приехавший в СССР из США в поисках заработка, знакомится с комсомолкой Машей Полозовой, и они создают счастливую советскую семью. При этом сама мысль о том, что они могут уехать в США не допускается; американец, по его собственным словам, становится советским человеком. Именно Маша – воплощение новой советской женщины – перевоспитывает Кларка, помогая ему «менять кожу». Активная роль женщин в СССР и

вовлечение ее в социальные преобразования призваны свидетельствовать о прогрессивности и справедливости социалистического строя.

Любовь и «голуби». Регуманизация «врага номер один» в репрезентациях любви

В условиях потепления советско-американских отношений (в периоды оттепели, разрядки, перестройки) в кинематографе происходила регуманизация «чужих» – то есть, возвращение их образу человеческого статуса, приписывание им таких черт, как ум, образованность, эмоциональность, чувство юмора, воспитанность, самоконтроль и др. Одним из методов являлось наделение «чужих» способностью испытывать чувство любви. Кинокартина «Путешествие» (1959), действие происходит во время венгерских событий 1956 г., – это первый американский фильм, который заслуживает внимания в этом отношении. Главный герой, советский майор, полюбил английскую аристократку, оказавшуюся в Венгрии. Она находится в его власти, но, не встретив с ее стороны взаимности, он тем не менее благородно помогает ей и ее спутнику бежать на Запад.

Происходят изменения и в голливудских версиях советско-американских историй любви: теперь уже женщина представляет «своих», в то время как «чужих» – мужчина. Среди наиболее ярких примеров деконструкции стереотипов Холодной войны – фильм «Русские идут! Русские идут!» (1966). Одним из способов возвращения человеческого облика советским персонажам стала история любви между советским моряком и американской девушкой. В этот ряд может быть помещен вышедший уже на излете Холодной войны «Русский дом» (1990). На первый взгляд, сюжет следует рассмотренному выше голливудскому канону: советская женщина влюбляется в иностранца и уезжает с ним на Запад. Однако и Россия, и советские мужчины показаны без обычного негативизма, а сама Холодная война – скорее, как бизнес-проект, выгодный «ястребам» с обеих сторон «железного занавеса»; это они наживаются на конфронтации, а обычным людям этот конфликт не нужен. То есть, происходит делегитимация Холодной войны, и тем самым история любви превращается просто в историю любви.

Регуманизация «чужих» в советских картинах происходила во многом аналогично: отрицательные американские персонажи показывались способными на высокие чувства, советско-американские пары переезжают на Запад, а Холодная война показана как лишенная смысла (напр.: «Русский сувенир», 1960; «Встреча на далеком меридиане», 1977; «Американский шпион», 1990).

Заключение

Подводя итоги, отметим, во-первых, что репрезентации любви выступают значимым ресурсом создания образа врага. Эти репрезентации поддерживали и корректировали гендерные нормы; вместе с тем они были связаны с вопросами национальной идентичности и глобальной миссии сверхдержавы. Обе кинематографии изображали любовные отношения в собственном обществе как воплощение нормы, в то время как в обществе противника – как воплощение девиации (что показывалось в качестве следствия тех различий, которые были имманентно присущи идеологии «своих» и «чужих»). Во-вторых, частью «культурной Холодной войны» стали советско-американские истории любви, востребованные обеими кинематографиями. Они были призваны продемонстрировать превосходство маскулинности «своих» над маскулинностью «чужих». В-третьих, кинематографические репрезентации любви использовали не только «ястребы», но и «голуби» Холодной войны, сторонники смягчения конфронтации для того чтобы очеловечить образ бывшего врага и легитимировать собственное видение внешней и внутренней политики.

Список источников

1. *Василев К.* Любовь. М.: Прогресс, 1982.

2. *Рябова Т. Б.* Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. № 4. С. 90–106.

3. *Dowling R.* Communism, Consumerism, and Gender in Early Cold War Film: The Case of *Ninotchka* and *Russkii vopros* // Aspasia. The International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History. 2014. Vol. 8.

4. *Hudson J.* Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2019. 337 p.

5. *Laville H.* (2006). ‘Our Country Endangered by Underwear’: Fashion, Femininity, and the Seduction Narrative in *Ninotchka* and *Silk Stockings*. // Diplomatic History. 2006. Vol. 30. No. 4. P. 623–644.

6. *Steans J.* Revisionist Heroes and Dissident Heroines: Gender, Nation and War in Soviet Films of ‘the Thaw’ // Global Society. 2010. Vol. 24. No. 3. P. 401–419.

7. *Riabov O. V.* «From America with love»? Love stories and the «Iron Curtain» in the Soviet Thaw cinema // Имагология и компаративистика. 2024. № 1. P. 259–275.

8. *Riabov O.,* Riabova T. The Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: US Skyscrapers in Soviet Animation // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2021. No. 2. P. 122–138.

УДК 316.64-055.1:316.774

Т. Б. Рябова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург

КАНОНЫ МАСКУЛИННОСТИ И ПРОПАГАНДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ*

Аннотация. Исследуются представления современных россиян и американцев о том, какие образы маскулинности «своих» и «чужих» пропаганда СССР и США создавала и распространяла посредством массовой культуры «холодной войны» для получения преимуществ в идеологическом противостоянии Востока и Запада. Статья основана на анализе данных глубинного полустандартизированного интервью, которое проводилось в России и США (n=28, осень 2023 – весна 2024 г.); для проверки полученных результатов применялись проективные методики. Установлено, что информанты из обеих стран хорошо представляют себе ту систему значений, которые приписывались советской и американской маскулинности пропагандой СССР и США, включая персональные характеристики и социальные роли мужчин; обнаруживают осознание манипулятивного потенциала приемов репрезентаций; демонстрируют понимание того, что использование канонов маскулинности преследовало цель убедить в превосходстве не только гендерного порядка «своих», но и социальной системы в целом.

Annotation. The article examines the contemporary Russians and Americans' views on images masculinity of «us» and «them» which were produced and dissimenated by Soviet and U.S. propaganda through the Cold War mass culture to gain advantages in the ideological confrontation between East and West. The study is based on the analysis of data of an in – depth semi-standardized interview conducted in Russia and the USA (n=28, autumn 2023 – spring 2024); projective techniques were employed to verify the results. It has been established that informants from both countries are well aware of the system of meanings attributed to Soviet and American masculinity by the propaganda of the USSR and the USA, including male personal characteristics and social roles; they reveal awareness of the manipulative potential of representation techniques; demonstrate an understanding that the use of canons of masculinity was aimed at convincing of the superiority of not only the gender order of «us» but also the social system as a whole.

Ключевые слова: маскулинность, Холодная война, кинематограф СССР, кинематограф США, социальные представления

Keywords: masculinity, Cold war, Soviet cinema, US cinema, social attitudes

© Рябов Т. Б., 2026

* *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П*

Введение

Холодная война представляла собой конфликт, включавший не только политическое, экономическое и военное соперничество, но и идеологическую конфронтацию, в которой вопросы гендерных отношений занимали заметное место. По известной оценке С. Энлоэ, этот конфликт включал в себя бесконечное количество поединков за определение нормативной маскулинности и фемининности [4]. В многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей показано, что, с одной стороны, конфронтация Востока и Запада в этот период выступала важным фактором поддержания и корректировки гендерных отношений в СССР и в США, с другой – репрезентации маскулинности и фемининности играли роль оружия «холодной войны», становясь весомым аргументом в геополитическом соперничестве [напр.: 5; 3]. Наше исследование фокусируется на иной проблеме, которая еще почти не изучалась – насколько сегодняшние россияне и американцы знакомы с содержанием гендерных образов «своих» и «чужих», создаваемых и распространяемых пропагандой СССР и США, в какой мере они осознают их манипулятивную природу и понимают приемы их создания. Объем статьи вынуждает нас ограничиться рассмотрением только репрезентаций маскулинности, тем более что в ходе военно-политических конфликтов наиболее востребованными оказываются стереотипно мужские черты; те характеристики, которые являются атрибутами образа врага (прежде всего, опасность), ассоциируются, в первую очередь, с образом мужчины [напр.: 1]. Одной из специфических черт «холодной войны» была вовлеченность в нее большинства населения СССР и США; это обеспечивалось тем, что пропагандистская машина активно использовала массовую культуру и, прежде всего, кинематограф. Целью нашей статьи является исследование представлений современных россиян и американцев о том, как массовая культура двух стран изображала мужчин СССР и США, что предполагает поиск ответов на следующие вопросы: какими качествами и социальными ролями, по мнению информантов, наделялись образы советских и американских мужчин и какие приемы использовались для создания этих образов? каковы общие и различные черты представлений об этом у россиян и американцев? в какой мере эти представления зависят от возраста, пола и политических предпочтений информантов?

Методика исследования. Метод сбора материала – глубинное полустандартизированное интервью, которое проводилось осенью 2023 – весной 2024 г. в США (онлайн) и в России [подробнее об этом интервью см.: 7]. При отборе информантов (n=28) учитывался, прежде всего, их возраст; были выделены группа старше 55 лет и группа младше 35 лет. Второй фактор отбора – политические предпочтения информантов, поскольку они не могли не повлиять на их оценку политических событий

прошлого и тем самым – и на отношение к «своим» и «чужим». Наконец, еще одним фактором отбора являлся пол респондента.

Для проверки полученных данных применялись проективные методики. Информантам были предложены кадры из кинофильмов, вышедших в СССР или в США (при том, что фильмы подбирались, предположительно, малознакомые), на которых был мужской персонаж с тем, чтобы они определили, советский или американский мужчина изображен на этом кадре. Обоснование ответа предполагало апелляцию информантов к имеющимся представлениям о том, как две пропагандистские машины противопоставляли маскулинность «своих» маскулинности «чужих». Единицами анализа выступили персональные характеристики, составляющие стереотипный набор характеристик мужественности, и социальные роли мужчин. Среди них – прежде всего, роль «защитника», поскольку речь идет о военно-политическом противостоянии и связанных с ним физических и психологических характеристик (смелость, сила, самообладание и пр.). Другая важная роль, «добытчика», связанная с финансовым благополучием, способностью обеспечить семью, отношением к труду, компетентностью. Среди персональных характеристик – качества, характеризующие моральные ценности; поведение по отношению к окружающим; эмоции и способы их выражения; наконец, значение имела внешность персонажей (телосложение, антропологические характеристики, одежда и др.).

Результаты

Прежде всего, отметим, что информанты из обеих стран осознавали, что образы в кинофильмах «холодной войны» носили пропагандистский характер, что обусловливало наделение позитивными чертами «своих», и негативными – «чужих». Это помогало им идентифицировать национальную принадлежность типичного киноперсонажа – таких, как, например, сталевар Саша Савченко («Весна на Заречной улице», СССР, 1957), «рыжебородый» офицер спецслужб США («Юнга со шхуны «Колумб»», СССР, 1963), американский шпион («Акваланги на дне», СССР, 1965), капитан советской подлодки («Русские идут! Русские идут!», США, 1966), генерал Джек Риппер («Доктор Стрэйнджлав...», США, 1964), советский чиновник («Шелковые чулки», США, 1957), Иван Драго («Рокки-IV», США, 1985). Однако, когда информантам были предложены для ответа образы персонажей, в эту когнитивную схему не укладывающихся, то есть положительные образы «чужих» – американца в кино СССР (мустангер Морис Джеральд, «Всадник без головы», 1973) и советского мужчину в кино США (подводника Алексея Колчина, «Русские идут! Русские идут!», 1966) – , то они испытывали заметные затруднения. Это позволяет предположить, что в обществе функционируют не

только стереотипы о представителях своей и чужой нации (национальные стереотипы), но и разделяемые и устойчивые представления о том, как «своих» и «чужих» *изображали* в культуре; их мы определяем как «имагологические стереотипы» [7].

Другое предварительное замечание – российские информанты значительно лучше знали американские кинообразы СССР, чем американские информанты – советские кинообразы США.

Российские и американские информанты в своих оценках опирались на представления о традиционной маскулинности, важнейшими компонентами которой являются инструментальные характеристики и характеристики власти и управления (сила, решительность, настойчивость, отвага и др.). Для российских информантов важными оказались также национальные маркеры мужественности (товарищество, сострадательность и др.).

Советская маскулинность

Что касается кино СССР, то российские информанты представили целый набор компонентов, в который входили и традиционные инструментальные характеристики мужественности, и те, которые обычно считаются национальными характеристиками (патриотизм, товарищество и др.), и те, которые являются важной составляющей советской маскулинности (уважение к труду, интернационализм, и др.). Маркерами советского для российских информантов становились не только элементы образа с отчетливым идеологическим содержанием (например, любовь к труду), но и такие особенности, как, например, «думающий взгляд». Опрошенные из США ограничивались лишь предположениями («вероятно, это был образ счастливых людей»).

Об американском кино мнения информантов из обеих стран были схожими. Советских мужчин нередко наделяли характеристиками традиционной мужественности, такими, как сила, отвага и другие, однако силу интерпретировали как девиантную – силу-угрозу, стойкость – как агрессию, а недостаточную улыбчивость – как недружелюбность. Так или иначе, акцентированная маскулинность позволяла реализовывать основную функцию образа врага – мобилизации общества за счет создания ощущения смертельной опасности, ему угрожающей. Одним из приемов изображения советских персонажей в кино США была дегуманизация [6]; информанты из обеих стран подчеркнули дегуманизацию образа советского мужчины при помощи уподобления его машине, лишенной чувств (при анализе образа Ивана Драго). Наконец, частотным маркером в ответах стала внешняя непривлекательность советского мужчины.

Американская маскулинность

Что касается кино США, то у американских информантов образ американской маскулинности не вызывал дискуссий, поскольку они не

воспринимали его в контексте противостояния «холодной войны». Российские информанты, отмечая, что он не мог не быть положительным, включающим характеристики традиционной маскулинности, подчеркивали отсутствие в американских фильмах таких важных для советского кино персонажей, как «люди труда» и преобладание всевозможных супергероев («мачо»).

В кино СССР, по мнению наших соотечественников, американских мужчин представляли как слабых и трусливых (тем самым лишая характеристик традиционной маскулинности), как эгоцентричных, высокомерных, неискренних, презирающих физический труд, необразованных, вульгарных, алчных (лишая тех характеристик, которые были закреплены за советским мужчиной). Кроме того, идентифицирующими знаками становились такие атрибуты, как сигара, темные очки, «фальшивая улыбка», привычка класть ноги на стол.

Анализ различий мнений информантов в зависимости от их социально – демографических характеристик показал, что важнейшим фактором здесь являлся возраст информантов. Наши собеседники из старшей группы,прошедшие социализацию в период холодной войны опирались в своей аргументации на свой опыт, воспоминания и эмоциональные оценки, а молодые люди – на сведения, полученные в ходе обучения.

Российские информанты лучше представляют себе, как в американской массовой культуре изображалась советская маскулинность, чем их американские визави – как массовая культура СССР репрезентировала маскулинность американцев. При этом американцы чаще, чем россияне, подчеркивали манипулятивные технологии изображения противника в кинематографе «холодной войны». Кроме того, заокеанские собеседники относились к обсуждаемым вопросам менее эмоционально, скорее, как к завершенному прошлому; россияне в большей степени идентифицируют себя с персонажами той эпохи и рассматривают образы «холодной войны» как релевантные нынешней ситуации в отношениях России и Запада. Заслуживают упоминания различия представлений о роли того или иного дифференцирующего маркера, обусловленные национально-культурной принадлежностью опрошенных. Например, для заокеанских респондентов улыбка на лице персонажа – это всегда позитивная характеристика маскулинности, в то время как россияне в зависимости от контекста могут оценивать ее как позитивно, так и негативно «фальшивая», «лицемерная»).

Еще одним фактором различий в оценках выступили политические предпочтения информантов, прежде всего это касалось российских участников опроса: те из них, кто обозначил свои взгляды как либеральные, чаще определял советское кино как средство манипуляции.

Гипотеза о значимом влиянии на интерпретацию кинообразов такого фактора, как пол респондентов не подтвердилась.

Выводы

Результаты интервью демонстрируют, что современные россияне и американцы хорошо представляют себе ту систему значений, которые приписывались мужчинам СССР и США в «борьбе за сердца и умы» и пропагандой, и массовой культурой двух стран. Мнения информантов о том, как в период «холодной войны» позиционировалась маскулинность «своих» и маскулинность «чужих», в целом соответствуют тем данным, которые выделяют исследователи, изучающие пропаганду этого периода [напр.: 2; 1; 6; и др.]. Наши собеседники идентифицируют приемы репрезентаций маскулинности «своих» и «чужих» в массовой культуре двух стран; обнаруживают знание используемых маркеров различий и осознание манипулятивного потенциала приемов репрезентаций; демонстрируют понимание того, что использование канонов маскулинности преследовало цель убедить в превосходстве не только гендерного порядка «своих», но и социальной системы в целом.

Проанализированные в статье представления россиян и американцев о «воображаемой маскулинности» занимают заметное место в социальной и культурной памяти – и тем самым, очевидно, могут оказывать влияние на современные российско-американские отношения.

Список источников

1. *Рябова Т. Б.* Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. № 4. С. 90 – 106.

2. *Belmonte L. A.* Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.

3. *Brennan M.* Wives, Mothers, and the Red Menace: Conservative Women and the Crusade against Communism. Boulder: Univ. Press of Colorado, 2008. 208 p.

4. *Enloe C. H.* The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War. Univ. of California Press, 1993. 326 p.

5. *May E. T.* Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. New York: Basic Books, 1988. 290 p.

6. *Riabov O.* The Red Machine: the Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. T. 8. № 2. P. 536–550.

7. *Riabova T. B.,* Kleshchenko L.L. «Homo Americanus» vs. «Homo Soveticus»: Contemporary Russians' and Americans' Reflection on the Cold War Ideological Cliches (on the materials of interview) // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2026. № 2.

УДК 316.346.2-055.2-057.4

А. Е. Звонарева, Е. В. Панкратова, А. Д. Яблочкова
Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В тезисах представлены результаты исследования образа женщины-ученого у школьников восьмых – одиннадцатых классов города Иваново. Общий объём выборки составил 202 человека. Теоретическую базу работы образовали концепция социальных представлений Сержа Московичи, теория стереотипов Уолтера Липпмана и идеи габитуса Пьера Бурдье. В качестве методов использовались анкетирование и контент-анализ семнадцати школьных учебников. Выявлен стереотипный характер образа женщины-ученого, а также значительный разрыв между позитивным отношением к женской научной карьере и низкой личной готовностью девушек к ней.

Annotation. The theses present the results of a study of the image of a female scientist among eighth – and eleventh-grade schoolchildren in Ivanovo. The total sample size was 202 people. The theoretical basis of the work was formed by the concept of social representations by Serge Moscovici, the theory of stereotypes by Walter Lippmann and the ideas of habitus by Pierre Bourdieu. The methods used were questionnaires and content analysis of seventeen school textbooks. The stereotypical nature of the image of a female scientist is revealed, as well as a significant gap between a positive attitude towards a female scientific career and a low personal readiness of girls for it.

Ключевые слова: образ женщины-ученого, социальные представления, гендерные стереотипы, школьники, профессиональное самоопределение, барьеры карьеры, совмещение ролей

Keywords: the image of a female scientist, social perceptions, gender stereotypes, schoolchildren, professional self-determination, career barriers, combining roles

В социологии для анализа коллективных представлений о профессиональных ролях ключевое значение имеет концепция социальных представлений С. Московичи. Согласно ей, подобные конструкты помогают превращать незнакомые явления в понятные обыденному сознанию категории и направляют поведение индивидов [3, с. 7]. У. Липпман, в свою очередь, определил стереотипы как упрощённые, культурно закреплённые ментальные картинки, позволяющие быстро ориентироваться в мире, но нередко искажающие реальность [2, с. 86]. П. Бурдье дополнил эту картину понятиями габитуса и символического насилия: именно через них транслируется и воспринимается как естественный исторически

© Звонарева А. Е., Панкратова Е. В., Яблочкова А. Д., 2026

сложившийся маскулинный образ учёного, что создаёт невидимые барьеры для женщин [1, с. 102].

Эмпирические данные подтверждают устойчивость подобных стереотипов уже в подростковой среде. Так, в исследовании Т. В. Разиной и Е. А. Володарской (2019) с использованием рисуночного теста «Нарисуй учёного» 75,4 % школьников изобразили учёного мужчиной; образ женщины-учёного оказался фрагментарным и клишированным [4, с. 57]. Л. Э. Семенова с соавторами (2024) выявили, что девушки значительно реже идентифицируют себя с научной карьерой, особенно в технических и естественнонаучных областях [5, с. 12]. А. Е Звонарева и Е. В. Панкратова, при исследовании образа женщины-ученого в представлении российских студентов, выявили, в основном, его позитивные черты. [6, с. 152] Однако комплексных работ, специально посвящённых тому, как именно конструируется образ *женщины-учёного* в сознании региональных групп старшеклассников, на сегодняшний день явно недостаточно – этим и обусловлена новизна представленного исследования.

Объект исследования – учащиеся 8–11 классов общеобразовательных школ города Иваново (N=202). Выборка стратифицирована: 59,9 % девушек, 40,1 % юношей; респонденты представляют 9 школ разного типа (гимназии, лицеи, общеобразовательные школы). Методы сбора данных: анонимное анкетирование (включавшее как закрытые вопросы со шкалами, так и открытые вопросы) и контент-анализ 17 актуальных учебников издательства «Просвещение» (2019–2025 гг.) по физике, химии, биологии, обществознанию и окружающему миру.

Операционализация понятия «образ женщины-ученого» проводилась по шести ключевым блокам.

Первый блок фиксировал личностный образ: внешний вид (прическа, очки, одежда, аксессуары), типичные черты характера, профессиональные характеристики (сфера науки, должность, место работы), семейное положение, наличие детей и предполагаемое место проживания (город/село).

Второй блок измерял оценочное отношение: как респонденты оценивают сам выбор женщиной карьеры ученого, какую дистанцию общения (от неблизкой до восхищения) готовы допустить, и считают ли профессию ученого для женщины престижной.

Третий блок касался субъективной оценки карьерного пути: личное желание стать ученым (для девушек) или иметь спутницу-ученого (для юношей), прогноз изменения числа женщин-ученых в будущем, предполагаемую реакцию на выбор подруги (поддержка / отговаривание / нейтралитет), а также воспринимаемые барьеры (дискриминация, стеклянный потолок, слабое финансирование, сложность совмещения с

семьей) и ресурсы успеха (личные качества, поддержка близких, институциональные меры).

Четвертый блок был посвящен ценностному контексту: мнение о том, противоречит ли профессия ученого традиционному «женскому предназначению», а также ранжирование шести ценностей для женщины (семья, материнский долг, самореализация, служение обществу, материальный достаток, наука).

Пятый блок предполагал сравнение образов: в чем, по мнению школьников, разница между женщиной-ученым и мужчиной-ученым, какие отличительные черты отличают ученую от представительниц других профессий (бизнес, искусство, домохозяйство).

Шестой блок оценивал совместимость ролей: насколько возможно успешно совмещать научную карьеру с ролью матери, жены и друга (с градацией «можно», «можно, но с помехами», «невозможно»).

Для качественного анализа учебной литературы применялась методика контент-анализа: единицами счета выступали упоминания женщин-ученых (прямые или косвенные), их профессиональные и биографические характеристики, а также контекст (совместно с мужчинами / самостоятельно, руководящая или исполнительская роль). Статистическая обработка данных опроса проведена с использованием пакета SPSS (расчет частот, таблиц сопряженности, сравнение групп по полу и классу обучения).

Рис. 1 Внешние черты женщины-ученого в представлении учащихся школ, в % (n=202)

Большинство школьников наделяют женщину-ученую очками (63,5 %) и собранными волосами (63,5 %). Женственные маркеры (макияж, распущенные волосы) встречаются редко (<11 %) (см. рис. 1).

Ядро личностных качеств – настойчивость/упорство (32,3 %), целеустремленность (26,2 %), ум/интеллект (25,1 %). Доминирующие сферы науки – химия (27,4 %) и биология (18,8 %); руководящие должности приписываются редко (3 – 4 %). 76,7 % респондентов помещают женщину-ученого в большой город. Выявлена возрастная динамика: от романтизированного образа в 8 классе к более строгому и независимому в 11 классе (см. рис. 2).

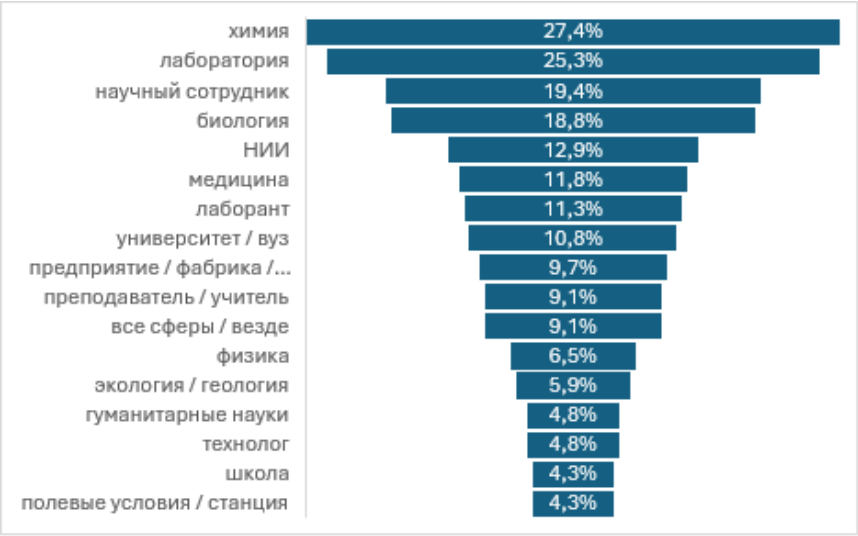

Рис. 2 Области деятельности женщины-ученого по мнению учащихся, в % (n=202)

Положительно выбор карьеры оценивают 71,8 % (отрицательно – 1 %). Престижной профессию считают 67,8 %, еще 31,2 % не видят разницы с другими профессиями. Готовность к близким отношениям (дружба или объект восхищения) выразили 74,8 % опрошенных. Девочки чаще видят женщину-ученого как ролевую модель (38 % против 22,2 % у мальчиков).

Главным барьером названа «сложность совмещения науки и семьи» (79 %), далее – дискриминация (66 %) и слабое финансирование (45 %). Личные качества (упорство, стойкость) оцениваются как самый важный ресурс (85,8 % дали оценки 4–5 по 5-балльной шкале). При этом лишь 8,3 % девушек хотят сами стать учеными (54,5 % не хотят, 37,2 % не уверены). Юноши более лояльны к идее иметь спутницу-ученую (40,7 % «хочу»).

Совмещение роли ученого и матери считают возможным 48 % (еще 45 % – «можно, но с помехами»); совмещение с ролью друга – 84,6 %. В иерархии ценностей для женщины лидирует самореализация (20,1 % первых мест), однако она же оказывается на последнем месте у 40 % респондентов – высокая поляризация мнений. Семья и материнский долг стабильно важны. Наука как ценность занимает низкие позиции.

Девочки чаще отмечают дискриминацию как барьер (72,3 % против 56,8 % у мальчиков) и выше оценивают важность институциональной поддержки. Мальчики чаще указывают объективные сложности (финансирование, стеклянный потолок). При сравнении с мужчиной-ученым 30,7 % школьников заявили «разницы нет», 13,9 % видят разницу только в дискриминации.

Проанализировано 17 учебников по физике, химии, биологии, обществознанию. Женщины-ученые упоминаются лишь в 2 книгах (11,7 % выборки), общее число упоминаний составляет около 2 % от всех упомянутых исследователей. В 15 учебниках (88,3 %) женщины-ученые полностью отсутствуют. Это создает «невидимость» женского вклада в науку и косвенно закрепляет мужской образ ученого.

В результате проведённого исследования установлено, что образ женщины-учёного в сознании школьников г. Иваново представляет собой противоречивый конструкт. С одной стороны, учащиеся демонстрируют внешне позитивное и уважительное отношение к женщинам в науке, признают престиж этой профессии и выражают готовность к дружеским контактам с женщиной-учёной. С другой стороны, этот образ остаётся стереотипным и фрагментарным: он включает традиционные атрибуты внешности, ограниченный набор «подходящих» научных дисциплин и практически не связывается с руководящими позициями. Центральный конфликт, зафиксированный в представлениях школьников, заключается в несовместимости, по их мнению, полноценной научной карьеры с выполнением семейных обязанностей, что воспринимается как главное препятствие для женщин. Выявлен значительный разрыв между одобрением женской научной карьеры на уровне установок и личной готовностью девушек выбирать этот путь. Гендерная асимметрия проявляется и в том, что юноши и девушки по-разному структурируют воспринимаемые барьеры и ролевые модели. Анализ учебной литературы показал, что школьная образовательная среда практически исключает примеры женщин-учёных, тем самым негласно закрепляя маскулинный образ исследователя. Для преодоления сложившихся стереотипов требуются системные меры, направленные на демонстрацию реальных историй успеха женщин в науке, включая успешное совмещение профессиональной и семейной жизни, а также на содержательное обновление учебных материалов и профориентационной работы в школах.

Список литературы

1. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

2. *Липпман У*. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

3. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 3–18.

4. *Разина Т. В.,* Володарская Е. А. Образ ученого в представлениях современных подростков // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Естествознание. Медицина. 2019. № 11. С. 46–62.

5. *Семенова Л. Э.,* Семенова В. Э., Карпушкина Н. В., Шешукова Н. Н. Гендерные аспекты научной деятельности и специфика восприятия науки и ученых современными девушками и юношами – студентами и старшеклассниками // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 3. С. 5–22.

6. *Звонарева А. Е.,* Панкратова Е. В. Образ женщины-ученого в представлении российского студенчества (на примере студентов Ивановского государственного университета // Женщина в Российском обществе. 2005. № 4. С 142–156.

УДК 314.37:316.356.2

Н. Б. Гафизова, Е. О. Цалко
Ивановский филиал РАНХиГС, г. Иваново

МОТИВАЦИЯ К МНОГОДЕТНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье исследуется сложная природа мотивации к многодетности через призму взаимодействия социально-экономических барьеров и ценностных установок современной семьи. На основе анализа российских и зарубежных исследований авторы доказывают, что, несмотря на стабильно высокие риски бедности, экономические факторы не являются определяющими при принятии решения о рождении третьего и последующих детей. Установлено, что ключевым драйвером многодетности выступает духовно-ценностная база, включающая религиозные традиции, специфическую групповую идентичность и позитивный опыт межпоколенческой трансляции семейных моделей.

Annotation. The article explores the complex nature of motivation for large families through the lens of the interaction between socio-economic barriers and the value systems of the modern family. Based on an analysis of Russian and international research, the authors demonstrate that despite consistently high risks of poverty, economic factors are not the decisive element in the decision to have a third or subsequent child. It is established that the key driver of large families is a spiritual and value-based foundation, including religious traditions, a specific group identity, and the positive experience of intergenerational transmission of family models.

Ключевые слова: многодетность, репродуктивная мотивация, демографическая политика.

Keywords: multi-child family, reproductive motivation, demographic policy.

Актуальность. Ученые пока не могут дать однозначных ответов на вопрос о том, в чем специфика мотивации к рождению нескольких (трех и более) детей. В научной литературе рассматривается взаимосвязь социально-экономических условий, культурных ценностей и государственной политики, влияющей на решение семьи к рождению более двух детей, также анализируются типичные трудности, с которыми сталкиваются многодетные семьи.

В свете реализующихся в современной России национальных проектов, в частности, национального проекта «Семья», тема благополучия многодетных семей становится одной из наиболее обсуждаемых среди теоретиков и практиков, а многодетность, ее стимулирование начинают рассматриваться как инструмент достижения целей демографической политики. Для Ивановской области тема благополучия многодетных семей

© Гафизова Н. Б., Цалко Е. О., 2026

приобретает особое значение в контексте устойчивой депопуляции региона. Согласно данным Росстат, доля малоимущих домашних хозяйств, имеющих в своем составе многодетные семьи, за 2024 год в Ивановской области составила 12,5 % [3]. Материальные мотивы в отказе от многодетности проявляются в стремлении избежать финансовых трудностей и обеспечить более высокий уровень жизни для меньшего числа детей.

Вместе с тем, как показывают исследования, мотивация к многодетности – это очень сложный феномен, решение о рождении большого числа детей определяется сложным взаимодействием экономических, социальных и культурных факторов. Цель данной статьи заключается в том, чтобы, определить сочетание социально-экономических и ценностно-институциональных аспектов мотивации к многодетности. Гипотеза заключается в том, что основным сдерживающим фактором многодетности являются не социально-экономические, а ценностные аспекты.

Социально-экономические аспекты мотивации к многодетности. Пожалуй, общим выводом, объединяющим ученых, исследующих феномен многодетности, является вывод о то, что многодетные семьи – это не просто статистическая аномалия, а скорее особая социальная группа, обладающая уникальными стратегиями выживания и специфическими рисками. Согласно исследованию китайских социологов политики семейного благосостояния на повышение рождаемости в странах ОЭСР, в странах, где уровень рождаемости остается ниже 1,5 этот эффект от экономических мер поддержки ослабевает. Авторы считают, что прямые и косвенные издержки воспитания детей оказывают существенное влияние на репродуктивные решения. К прямым затратам относятся расходы на жильё, образование и повседневные нужды, тогда как косвенные издержки связаны с потерей дохода и ограничением карьерных возможностей родителей, прежде всего женщин. При этом подчёркивается, что меры государственной поддержки – такие как пособия, налоговые льготы и оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком – способны стимулировать рождаемость, однако не полностью компенсируют экономическую нагрузку. Авторы предлагают для повышения мотивации к рождению детей предпринимать систематические усилия по повышению качества занятости молодежи и снижению молодежной безработицы как основного сдерживающего факторы рождаемости [9]. Схожие данные исследователи получают и по российским многодетным семьям. Так, согласно официальным статистическим данным за 2017 год, в России многодетных семей в общей массе в РФ – 9,4 %. Из них 77 % с тремя детьми, остальные семьи имеют 4 и более детей). Социологи отмечают сложное материальное положение многодетных семей: только 27,7 % из них могут свободно позволить себе покупку еды, но при этом испытывают сложности с

приобретением одежды и оплатой ЖКХ; 2 % заявляют, что им не хватает даже на еду [1, с. 304]. Об устойчивом воспроизводстве бедности многодетных семей свидетельствуют и данные, приведённые в паспорте национального проекта «Семья», в рамках которого поставлена цель снижения уровня бедности среди многодетных семей с 27,2 % в 2024 году до 12 % в 2030 году [4]. Социально-экономические сложности порождают особые стратегии выживания и адаптации, среди которых отмечаются такие как: усиление межпоколенных и родственных связей через вовлечение бабушек-дедушек и других родственников в процедуры ухода, жесткая регламентация потребления, развитие механизмов внутренней взаимопомощи (передача одежды, совместный досуг и т.п.) [2, 8].

Итак, мы можем заключить, что социально-экономические сложности составляют константу жизни многодетных семей, риск бедности возрастает с рождением третьего и последующего ребенка, но при этом не становится при принятии репродуктивного решения сдерживающим фактором.

Ценностные аспекты мотивации к многодетности. Помимо особых социально-экономических обстоятельств, многодетные семьи представляют собой своеобразное духовное пространство, включающее социально-ценностную и психологическую атмосферу, что подтверждается зарубежными и отечественными исследованиями. Так, в работе турецких социологов показано, что решение о рождении детей определяется не только экономическими факторами, но и психосоциальными условиями, включая уровень эмоциональной поддержки, стабильность партнёрских отношений и систему личных ценностей. Результаты исследования свидетельствуют о том, что лица с выраженной ориентацией на семейные ценности и высоким уровнем социальной поддержки демонстрируют более высокую мотивацию к деторождению. Это позволяет сделать вывод о значимой роли внутренних и межличностных факторов в формировании репродуктивного поведения. [10] К схожим выводам приходят и российские социологи, например в исследовании калмыкских многодетных отмечается превалирование не материальных факторов, а, в первую очередь, эмоциональных, духовных компонентов [1]. Среди характеристик ценностей многодетной семьи отмечается и особая роль религиозных и традиционных ценностей, которые рассматриваются на пересечении территориальной, религиозной и групповой идентичности, или «семейного стиля», который передается как часть идентичности и формируют особое социализационное пространство – взросление в окружении большого количества сиблингов формирует особые репродуктивные установки и повышает вероятность многодетности во взрослом возрасте. Так многодетность становится не только приемлемой, но

комфортной [7]. Вместе с тем, как показывают общероссийские опросы, нарастает тенденция индивидуализации брачных мотивов, постепенный отход от традиционных оснований заключения брака. Так исследование ВЦИОМа 2025 года показало, что мотив «продолжения рода» теряет популярность (с 39 % в 2005 до 26 % в 2025 году) [5]. Тем не менее было установлено, что мотив «религиозных и национальных традиций» вырос (с 5 % в 2005 до 16 % в 2025 году), но по-прежнему является аутсайдером. Можно заключить, что носители этого мотива и составляют духовно-ценностную социальную базу многодетных и могут выступать основой для закрепления и дальнейшего воспроизводства населения.

Межрегиональное социолого-демографическое исследование, посвящённое ценностям семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019) показало влияние еще одного фактора на репродуктивные мотивы. При трансляции подобающего числа детей своим взрослым детям респонденты чаще всего руководствуются общественными нормами детности и реже ориентируются на собственные установки и опыт прародительских семей. Отмечено, что в рамках одной семьи наблюдается снижение показателей репродуктивных установок от поколения прародителей к репродуктивной семье респондента [6].

Выводы. На основании проведенного анализа социально-экономических и ценностных аспектов мотивации к многодетности можно сформулировать следующие выводы. Исследование подтверждает, что социально-экономические трудности являются «константой» жизни многодетных семей. Высокий риск бедности и значительные прямые и косвенные издержки на воспитание детей признаются объективными факторами среды. Однако, вопреки классическим экономическим моделям, материальное неблагополучие не всегда выступает решающим барьером: многодетные семьи вырабатывают специфические стратегии адаптации (мобилизация родственных сетей, жесткая регламентация потребления), которые позволяют им функционировать в условиях дефицита ресурсов.

Подтверждена гипотеза о том, что ключевым драйвером многодетности являются не внешние экономические стимулы, а внутренние ценностные ориентации. В то время как общая тенденция в обществе направлена на индивидуализацию и снижение мотива «продолжения рода» (падение с 39 % до 26 %), многодетность сохраняется в специфических социальных нишах. Базой для расширенного воспроизводства выступают группы с опорой на религиозные и национальные традиции, а также на «семейный стиль» жизни, транслируемый через поколения.

Меры материального стимулирования (пособия, льготы) крайне важны для снижения уровня бедности и достижения целей национального проекта «Семья», однако сами по себе они обладают затухающим

эффектом. Как показывает международный опыт, при низком уровне рождаемости чисто экономические меры не способны радикально изменить репродуктивное поведение без трансформации ценностного поля и обеспечения психосоциального комфорта родителей.

Значимым фактором формирования мотивации к многодетности является позитивный опыт взросления в окружении сиблингов. Это создает особую социализационную траекторию, при которой многодетность воспринимается не как «социальная аномалия» или «подвиг», а как естественная и комфортная форма существования.

В условиях устойчивой депопуляции региона стратегия поддержки многодетности должна носить комплексный характер. Необходимо сочетание мер экономической защиты (для предотвращения воспроизводства бедности) с мягкими мерами институциональной поддержки традиционных ценностей и укрепления межпоколенческих связей. Для эффективной реализации демографической политики недостаточно простого увеличения пособий. Необходимо работать с ценностным профилем молодежи, поддерживая престиж родительства и создавая условия для совмещения карьеры с воспитанием детей, что позволит перевести многодетность из категории «рискованной стратегии выживания» в категорию «привлекательного жизненного стиля».

Список источников

1. *Бабаева А. В.* Многодетная семья: особенности психологического климата и детско-родительских отношений // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: *mnogodetnaya-semya-osobennosti-psihologicheskogo-klimata-i-detsko-roditelskih-otnosheniy.pdf (дата обращения: 02.04.2026). С. 304.

2. *Костина С. Н.* Коллективные сети поддержки многодетных // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 74–86. DOI: 10.17223/1998863X/62/7.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Показатель «Уровень бедности среди многодетных семей». Электронный ресурс. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397

4. Паспорт национального проекта «Семья». Электронный ресурс. URL: Паспорт-национального-проекта-Семья-утв-Министерством-труда-и-социальной-защиты-.pdf. (дата обращения: 02.04.2026).

5. Семья и брак в России XXI века. Электронный ресурс. URL: ВЦИОМ. Новости: Семья и брак в России XXI века/ (дата обращения: 02.04.2026).

6. *Синельников А. Б.,* Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85.

6. Статистический ежегодник «Ивановская область» (2025 год). Электронный ресурс. URL: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области – Статистический ежегодник «Ивановская область»/ (дата обращения: 02.04.2026).

7. *Beaujouan, E.,* Solaz A. Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century // *Demography*. 2019. vol. 56. no. 2. pp. 595–619. Электронный ресурс. URL: http://www.jstor.org/stable/45199454. (accessed 14 Apr. 2026).

8. *Stewart K,* Patrick R, and Reeves A (). A time of need: Exploring the changing poverty risk facing larger families in the UK // Journal of Social Policy 2025. no. 54, pp. 75–99. Электронный ресурс. URL: https://doi.org/10.1017/ S0047279422000952. (accessed 14 Apr. 2026).

9. *Zhang, T.-T.*; Cai, X.-Y.; Shi, X.-H.; Zhu, W.; Shan, S.-N. The Effect of Family Fertility Support Policies on Fertility // Public Health. 2023. No. 20. doi.org/10.3390/ ijerph20064790.

10. *Zümrüt Bilgin*, İrem Özten Dalkıran, Haitham Jahrami (2025) The relationship between motivation for having children and sociodemographic and obstetric characteristics: a cross-sectional study // BMC Pregnancy and Childbirth https://doi.org/10.1186/s12884-025-07956-8.

УДК 316.444:334.7-055.2

Т. П. Белова, Е. С. Алферова
Ивановский государственный университет, г. Иваново

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье раскрываются количественные и качественные параметры женского предпринимательства в России, его соотношения с мужским, а также роль женского предпринимательства как канала мобильности в настоящее время.

Annotation. The article reveals the quantitative and qualitative parameters of female entrepreneurship in Russia, its relationship with male entrepreneurship, and the role of female entrepreneurship as a current channel of mobility.

Ключевые слова: женское предпринимательство, канал мобильности, факторы изменения социального статуса

Keywords: women's entrepreneurship, mobility channel, factors influencing changes in social status

Женское предпринимательство в России – относительно новое и специфическое понятие. Первые исследования о мотивах, сферах, особенностях ведения женского бизнеса стали проводиться в начале 2000-х годов. Женское предпринимательство – социально-экономическое явление, позволяющее реализовывать и развивать уникальные способности женщин при создании и управлении собственными предприятиями.

Раскроем ключевые вопросы о женском предпринимательстве.

Во-первых, интересно узнать, какое количество женщин в российском бизнесе, и как менялось это количество за последнее время? Точные данные об общем количестве зарегистрированных компаний (малый и средний сегменты) с 2016 года указаны в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, однако, данные о соотношении женщин и мужчин, владеющих компаниями, на данный момент отсутствуют. За последние пять лет общее количество зарегистрированных предприятий выросло на 29 % (с 3,53 млн до 4,57 млн субъектов) (рис. 1) [1].

© Белова Т. П., Алферова Е. С., 2026

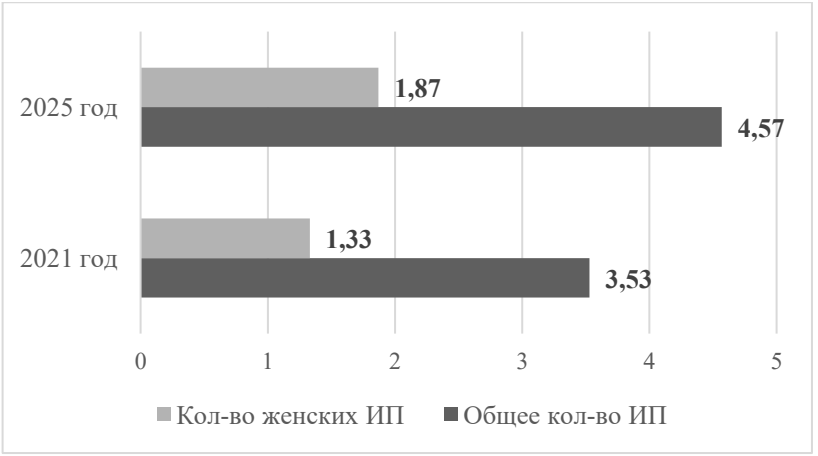

Рис. 1. Соотношение общего количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (ИП) и количества женских ИП за 2021 и 2025 годы, в млн. субъектов (составлено Алферовой Е. С.)

По данным отдельных отчетов Федеральной налоговой службы за 2021 и 2025 годы (данные об индивидуальных предпринимателях, без учета данных о зарегистрированных юридических лицах), общее количество женщин за те же пять лет, управляющих малыми предприятиями выросло с 1,33 млн до 1,87 млн субъектов, то есть более чем на 500 тысяч субъектов [3]. Поэтому можно предположить, что ежегодно в среднем появляются около 100 тысяч новых предприятий под женским руководством.

Продолжая анализировать количественные параметры женского предпринимательства, нужно отметить соотношение женщин и мужчин, являющихся индивидуальными предпринимателями. Так, в 2021 году малыми предприятиями владели 37 % женщин и 63 % мужчин. Несмотря на общую положительную динамику в количестве женских предприятий за пять лет – в 2025 году по-прежнему отмечается преобладание предприятий под мужским управлением (59 % мужских ИП, 41 % женских ИП) (рис. 2).

Рис. 2 Соотношение мужских и женских ИП
по состоянию на 2025 г., в %, (составлено Алферовой Е. С.)

Во-вторых, важно понять, как влияет или может влиять наличие предпринимательской деятельности в жизни женщин на изменения их социального статуса, карьерных возможностей, уровня и качества жизни и другие показатели общей мобильности? Для начала следует раскрыть мотивы, которые могут побуждать женщин идти в бизнес.

Женщины начинают задумываться о собственном деле по разным причинам, которые можно разделить на две группы: вынужденное и добровольное предпринимательство. Вынужденное побуждает идти в предпринимательство из-за ограничений, например, невозможности найти подходящую работу в найме из-за семейных обязательств. Добровольное, как правило, побуждает женщин раскрыть через предпринимательство свои таланты, способности, умения, то есть преобладают мотивы самореализации. У второй группы в большинстве случаев шире возможности для использования предпринимательства как социального лифта ввиду меньшего количества ограничений.

Особенно в последние десять лет женское предпринимательство стало эффективным каналом социальной мобильности для женского населения России [4]. Создавая собственное предприятие, женщина получает следующие возможности для изменения своего положения:

1. Изменения социального статуса. Созданная компания дает статус основателя, владельца, руководителя и таким образом повышает уровень уважения и признания в обществе;

2. Изменения в управлении финансовым состоянием или финансовая самостоятельность. Самостоятельное управление доходами компании дает возможность быть менее зависимой от доходов членов семьи и

более уверенно участвовать в формировании общего семейного дохода, а также более самостоятельно закрывать личные жизненные потребности;

3. Изменения в реализации профессионального потенциала. Зачастую причиной создания собственного предприятия у женщин является недостаточность или невозможность раскрыть имеющийся потенциал на текущем месте работы. Собственная модель управления, разработанный продукт и своя команда могут позволить реализовать нераскрытый ранее потенциал по «своим» правилам;

4. Изменения в преобладающих стереотипах. Практика показывает, что женщины успешно создают уникальные компании и масштабируют их. Создавая свое дело, женщина дополнительно показывает и подтверждает несостоятельность стереотипа о том, что «женщине в бизнесе не место»;

5. Изменения в физической мобильности. Во-первых, создавая свое дело женщина становится более гибкой и свободной в выстраивании своего графика. Это позволяет совмещать собственные задачи и задачи, связанные с уходом за детьми. Во-вторых, свой бизнес расширяет возможности территориального перемещения. Так, повышаются шансы, особенно, в онлайн-сферах бизнеса больше передвигаться как в целях решения рабочих задач, так и в личных целях. Приведем реальный пример, когда женщина реализовала свое желание переехать жить в Санкт-Петербург с помощью введения наёмного директора в главном офисе своей компании в Ивановской области.

Для дополнительной иллюстрации возможностей женского предпринимательства как канала мобильности обратимся к примеру Татьяны Ким (ранее – Бакальчук), сооснователнице и генеральному директору российского маркетплейса «Wildberries» [2]. Татьяна родом из города Грозный из семьи учителя начальных классов и инженера. Она планировала работать дизайнером, однако, в кризис 1990-х годов планы изменились, и совместно с мужем было принято решение основать компанию «Wildberries». Мотивом создания компании послужило желание создать сервис, упрощающий жизнь себе и женщинам страны. Первыми сотрудниками были родственники, семья и друзья предпринимательницы, управление и выход на ключевых партнеров осуществлялись самостоятельно и при поддержке мужа. Поэтапно с даты основания компании в 2004 году компания «Wildberries» под руководством Татьяны стала федеральной компанией и сервисом, которым пользуются миллионы потребителей страны, а сама Татьяны в 2025 году заняла восемнадцатое место в списке Forbes с состоянием 4,6 млрд долларов [5]. Таким образом, в данном примере мы можем отметить реализацию восходящей вертикальной мобильность с помощью предпринимательской деятельности в

социальном статусе, в уровне и качестве жизни, в сети партнеров и контактов, а также в доходах.

В заключении необходимо подчеркнуть, что ежегодное увеличение женщин-предпринимательниц, для которых собственное предприятие выступает важным элементом изменения жизненных параметров (от дохода до профессиональной самореализации), подтверждает высокий потенциал женского предпринимательства как канала социальной мобильности.

Список источников

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения: 10.05.2026).

2 *Ким Татьяна Владимировна* URL: https://www.rbc.ru/person/651bfcdb9a79474fa7b8d3f5 (дата обращения: 15.06.2026).

3. Кузьмичев Д. Более 41 % предпринимателей в России – это женщины URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/ activities_fts/16007190 (дата обращения: 10.05.2026).

4. *Моисеева А. А.* Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 1. С. 69 – 75. DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-1-69-75.

5. The 50 Richest Self-Made Women On Earth. URL: https://www.forbes.com/sites/gracechung/2025/06/19/the-50-richest-self-made-diane-hendricks-melanie-perkins-oprah-winfrey-chinawomen-on-earth (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 316.346-055.2-053.9(470.315)

Н. А. Птицина
Ивановский государственный университет, г. Иваново

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В МАЛЫХ ГОРОДАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Рассматриваются особенности добровольческой деятельности женщин старшего возраста, проживающих в малых городах Ивановской области. Выявлены социально-демографические характеристики «серебряных» волонтеров, структура ценностно-мотивационной сферы женщин-добровольцев, особенности деятельности и трудности, возникающие в ходе добровольчества. Обоснован вывод о том, что добровольческая деятельность выступает одним из факторов активного долголетия представительниц старшего поколения.

Annotation. The article considers the features of volunteering activities of older women living in small towns of the Ivanovo region. The socio-demographic characteristics of «silver« volunteers, the structure of the value and motivation sphere of female volunteers, the specifics of their activities and difficulties encountered during volunteerism are revealed. The conclusion is substantiated that volunteerism is one of the factors contributing to the active longevity of the older generation.

Ключевые слова: социальная активность, добровольческая деятельность, женщины старшего возраста, малый город.

Keywords: social activity, volunteerism, older women, small town.

Тенденция старения населения характерна как в целом для России, так и для Ивановской области. По данным Росстата, к 2046 году пожилые будут составлять более четверти в структуре населения страны. Стремительно стареет и Ивановская область. [4, 9]. Демографические изменения фокусируют внимание на проблемах жизнедеятельности людей старшего возраста, обусловливают необходимость переосмысления их вклада в социально-экономическое развитие страны, а также создания условий для активного и здорового долголетия и успешной интеграции в современное общество.

Важным инструментом поддержки социальной активности граждан старшего возраста выступает социальная политика [5]. Так, в числе ключевых задач «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения Российской Федерации до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 года № 830-р, – «создание условий для реализации личностного потенциала граждан старшего поколения и расширения их участия в жизни общества». Среди мер,

© Птицина Н. А., 2026

направленных на ее осуществление, – «развитие добровольческой (волонтерской) деятельности граждан старшего поколения, включая развитие социального волонтерства и внедрение дополнительных инструментов мотивации к занятиям добровольчеством» [7]. На территории Ивановской области в целях обеспечения благополучия старшего поколения действует программа «Активное долголетие на 2025–2030 годы» [8]. По инициативе губернатора изучается и разрабатывается проблематика развития малых городов Ивановской области [3].

Обзор научных работ показывает, что в последние годы одним из направлений исследования социальной активности людей старшего возраста становится «серебряное» волонтерство. Данная тема изучается специалистами разных областей знания, а диапазон сферы научного анализа постоянно расширяется [71, 2, 6]. Вместе с тем добровольческая деятельность женщин старшего возраста в малых городах слабо изучена. Тогда как практика свидетельствует, что женщины старшего возраста, по сравнению с мужчинами, проявляют большую социальную активность и готовность поделиться жизненным и профессиональным опытом, который важно учитывать при решении многих социальных вопросов на муниципальном уровне.

В целях осмысления особенностей добровольческой деятельности представительниц старшего поколения проведено социологическое исследование (март–апрель 2026, Иваново). Выборочную совокупность составили 214 женщин-участниц отрядов «серебряных» волонтеров, действующих на базе областных учреждений социального обслуживания населения, проживающих в малых городах Ивановской области (Кинешма, Шуя, Вичуга, Фурманов, Тейково, Кохма, Родники, Юрьевец, Наволоки, Приволжск). Возрастной диапазон варьировал от 55 до 86 лет**.** Отбор респондентов производился методом «снежного кома».

Результаты исследования.

1. Анализ социально-демографических характеристик женщин показал следующее. В целом по выборке средний возраст опрошенных составил 68,5 года, при этом наиболее представительной является группа респондентов в возрасте от 66 до 75 лет (51,7 %), наименее представительной – в возрасте от 76 до 86 лет (11,5 %). Подавляющее большинство женщин имеют среднее специальное (51,4 %) и высшее образование (33,2 %). До выхода на заслуженный отдых опрошенные женщины, в основном, трудились в социальной сфере (в учреждениях образования, социальной защиты населения, культуры и здравоохранения). Заслуживает внимание следующее обстоятельство: в ряде малых городов (Вичуга, Приволжск, Родники, Фурманов), где многие десятилетия успешно работали предприятия текстильной промышленности, а люди были

объединены совместным созидательным трудом, продолжают действовать Советы ветеранов, значительная часть состава которых принимают участие в добровольческой деятельности, сохраняя и поддерживая традиции взаимопомощи. Среди опрошенных женщин 43,3 % состоят в браке, 38,9 % имеют статус вдовы, 15,4 % разведены. Почти половина респондентов (48,1 %) проживают совместно с членами семьи (из них 40,9 % – вдвоем с супругом, 7,2 % – с детьми и внуками). Другую половину (49 %) составляют одиноко проживающие женщины. Более четверти респондентов (27,3 %) участвуют в добровольческой деятельности от трех до пяти лет, еще четверть (26,3 %) свыше пяти лет.

2. В ходе изучения ценностно-мотивационной структуры респондентов выявлено, что лидирующие позиции в иерархии жизненных ценностей занимают «здоровье» (90 %) и «семья» (72,7 %). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что осознание женщинами ценности здоровья для сохранения активного долголетия и высокой значимости родственных связей тесно связано с пониманием их роли в поддержании качества жизни и благополучия. Для трети опрошенных важна «стабильная обстановка в стране» (34,4 %), что в определенной мере отражает запрос на безопасность и предсказуемость в современных условиях нестабильности и неопределенности. Четвертое и пятое места в иерархии ценностей занимают материальное благополучие (23,9 %) и «социальная защищенность» (15,3 %), что позволяет вести речь о недостаточном уровне материального обеспечения людей старшего возраста.

Анализ мотивации участия женщин старшего возраста в добровольческой деятельности позволил выявить доминирование альтруистических и социально значимых мотивов. В целом по выборке, в пятерке ведущих мотивов оказались такие, как «быть вместе с другими людьми, общаться» (56,5 %), «приносить пользу людям» (47,8), «применить свои знания и опыт, реализовать свой потенциал» (39,2 %), «жить полной жизнью» (35,9 %), «быть востребованным» (25,4 %). Можно предположить, что женщины старшего возраста, участвуя в добровольчестве, стремятся не только использовать возможность общения с другими людьми и наполнить свою жизнь ярким содержанием, но и хотят приносить пользу окружающим, поделиться профессиональным и жизненным опытом.

3. Согласно полученным данным, наиболее активными являются респонденты, положительно оценивающие состояние собственного здоровья, имеющие поддержку со стороны семьи и устойчивые социальные связи. Добровольческая деятельность, по мнению женщин старшего возраста, живущих в провинции, оказывает влияние на отношение к их собственной жизни: значительная часть из них «смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом» (44,5 %), у них формируется конструктивный подход к решению актуальных проблем.

Среди направлений деятельности добровольцев наиболее распространены следующие виды: организация досуга для сверстников и проведение занятий для людей с ограниченными возможностями здоровья, а также детей и подростков; участие в проведении экологических акций и благотворительных ярмарок; участие в реализации социальных проектов. Особого внимания заслуживает такое направление деятельности, как оказание адресной поддержки и помощи одиноко проживающим гражданам, нуждающимся в постороннем уходе. Среди основных видов помощи, которую оказывают «серебряные» волонтеры своим сверстникам, лидируют моральная поддержка (53,9 %), социально-бытовая помощь и уход (33,2 %), организация досуга и творчества (25,5 %), проведение обучающих занятий (18,8 %), значительно реже – материальная поддержка (9,1 %).

Более трети добровольцев (38,8 %) считают важным оказание поддержки и помощи людям с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам, еще треть респондентов – людям старшего возраста (34,9 %). Около пятой части опрошенных женщин (18,2 %) считают первоочередной оказание помощи детям, а также участникам СВО и членам их семей.

В ходе исследования установлено, что более трети опрошенных женщин (34,6 %) не испытывают трудностей в процессе добровольческой деятельности. Основными барьерами для другой части добровольцев являются проблемы со здоровьем (25 %), дефицит времени (17,3 %), недостаток материальных ресурсов (15,4 %) и слабая информированность о возможностях участия в общественных мероприятиях, проводимых в городе (6,7 %).

Проведенный анализ показывает, что в последние годы в малых городах Ивановской области заметно активизировалась добровольческая деятельность людей старшего возраста, а добровольческие практики оказывают позитивное влияние на развитие локальных сообществ и способствуют решению ряда актуальных проблем. Посредством участия в добровольчестве женщины старшего возраста не только вносят свой вклад в развитие малого города, поделившись накопленным профессиональным и личным опытом, но и получить новые навыки, расширить круг общения, оказать действенную помощь нуждающимся сверстникам.

Список источников

1. *Аполихин О. И.,* Сивков А. В., Шадеркин И. А., Казаченко А. В., Скворцова Д. А., Просянников М. Ю., Войтко Д. А., Цой А. А., Зеленский М. М. «Школы здоровья и активного долголетия» как инструмент вовлечения пациентов в заботу о своем здоровье // Экспериментальная и клиническая урология. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-zdorovya-i-aktivnogo-sotsialnogo-dolgoletiya-

kak-instrument-vovlecheniya-patsientov-v-zabotu-o-svoem-zdorovie?ysclid=mh69vkzsqu612622334 (дата обращения: 25.10.2025).

2. *Бутуева З. А.* Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия. Вестник института социологии. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskaya-deyatelnost-starshih-grazhdan-osobennosti-i-motivy-uchastiya (дата обращения: 4.12.2025).

3. *Воскресенский С.* Малые города России: размышляя о будущем. Приглашаем к дискуссии / Российская газета. Официальный сайт. 18.01.2023. URL: https://rg.ru/2023/01/18/reg-cfo/delo-za-malymi.html (дата обращения: 5.09.2025).

4. Доля россиян старше 60 лет к 2030 году превысит 25 %. Общество. РБК. 26.09.2025. URL: https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfdd9a79472452adde84?ysclid= mj1xeg7lqc520904677 (дата обращения: 4.12.2025).

5. *Карелова Г.* «Серебряное» волонтерство – мощный ресурс, которому нужна системная поддержка // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/127045/ (дата обращения: 8.05.2026).

6. *Карманов М. В.,* Золотарева О. А. «Серебряные« волонтеры как объект прикладных исследований // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/serebryanye-volontery-kak-obekt-prikladnyh-issledovaniy?ysclid=mh6nw7hvoi436499286 (дата обращения: 25.10.2025).

7. Постановление Правительства Ивановской области от 31.01.2025 № 31-п «Об утверждении региональной программы Активное долголетие на 2025-2030 годы». URL: https://szn.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/90f/3d9myes5ro92gq4patn5rw1iy4m0bc1n/Постановление %20Правительства %20 %20Ивановской %20области %20 %20от %2031.01.2025 %20№ %2031-п %20Об %20утверждении %20региональной %20программы %20Активное %20долголетие %20на %202025-2030 %20годы.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 года № 830-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года». URL: http://static.government.ru/media/files/3s71wNjjcii0hB2DJxdhBlAJawkT1SBE.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Официальный сайт. URL: https://37.rosstat.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).

УДК 316.346.3-055.2-057.875:001(470.315)

Н. С. Рычихина
Ивановский государственный университет, г. Иваново

АКТИВНОСТЬ ЖЕНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАУКЕ: ОПЫТ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Г. ИВАНОВО

Аннотация. Актуализирована значимость участия студентов в научной деятельности вуза. На примере Ивановского государственного университета проанализирована активность девушек-студенток в научной-исследовательской деятельности; сделан вывод, что научная деятельность позволяет девушкам мыслить системно, уметь анализировать большое количество информации, планировать свой учебный день, налаживать новые коммуникации, формировать портфолио для поступления в магистратуру и аспирантуру, что несомненно потребуется им в дальнейшем в профессиональной деятельности.

Annotation. The importance of students' participation in the scientific activities of the university is actualized. Using the example of Ivanovo State University, the activity of female students in scientific research is analyzed; it is concluded that scientific activity allows girls to think systematically, be able to analyze a large amount of information, plan their school day, establish new communications, and form a portfolio for admission to graduate and postgraduate studies, which they will undoubtedly need in the future in their professional activities..

Ключевые слова: университет, научно-исследовательская деятельность, девушки.

Keywords: university, research activities, girls.

В настоящее время учеба в высшем учебном заведении – это не только посещение лекций и практических занятий, это еще активная научная деятельность и интересная студенческая жизнь.

Студентки высших учебных заведений активно учувствуют в научной деятельности вузов, пишут тезисы и доклады, выступают на конференциях, круглых столах, брифингах в своем университете, а также на российских и международных конференциях других вузов.

В процессе авторского исследования была проанализирована научно-исследовательская деятельность студенток Ивановского государственного университета за 2021–2024гг. Анализ участия в проводимых ежегодно ИвГУ международных научно-практических фестивалях студентов, аспирантов и молодых ученых «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете», показал, что выступления и научные публикации девушек-студенток составляет около 70 % (табл.).

© Рычихина Н. С., 2026

Научно-исследовательская деятельность студенток Ивановского государственного университета за 2021–2024 гг.

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Название сборника конференции	Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых [2]	Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых [3]	Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых [4]	Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых [5]
Число публикаций (тезисов) в сборнике	836	336	937	797
Число авторов девушек-студенток	421	332	732	604
Доля публикаций девушек-студенток в общем числе авторов	66.4	72.6	65	70

В мае 2025 года в ИвГУ прошла всероссийская научная конференция «Ценностные ориентации молодежи в современном российском обществе», на которой 91 % выступающих были девушки-студентки и аспирантки из ведущих вузов России, таких как Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Курский госу-дарственный университет, Санкт-Петербургский государственный

университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и др. Научные работы студенток были посвящены актуальной в настоящее время тематике: анализу жизненных ценностей и смысла материнства в восприятии женщин, формированию семейных ценностей у молодёжи в современном Российском обществе, исследованию готовности оказывать помощь ближнему, анализу ценностей «безопасность» и «забота о людях и природе» в контексте теории Ш. Шварца и др.

Студентки вместе со своими научными руководителями, становятся соавторами монографий. В 2025 году в написании коллективной монографии «Малые города Ивановской области: штрихи к социологическому портрету» (изданной ИвГУ [1]), приняли участие восемь девушек-студенток, занимающихся наукой, и стали ее соавторами.

Студенки ИвГУ активно учувствуют в проектной деятельности. Например, в 2025 году студентка бакалавриата по направлению «Управление персоналом» А. К. Луконькина получила грант на реализацию проекта «Дорога героем». Проект состоит из комплекса мероприятий, направленных на популяризацию исторического знания о полководцах времен Великой Отечественной войны, которые связаны с Ивановским краем.

Девушки-студентки ИвГУ также участвуют в конференциях других вузов России. Наиболее значимыми в 2024–2025 гг., в которых они приняли участие являются: II Всероссийская научно-практической конференции «Актуальные вопросы публичного управления и обеспечения национальной безопасности России«, проводимая Президентской академией РАНХиГС в апреле 2025 года; VII Всероссийская конференция с международным участием «Стратегии развития общества и социальная работа«, организованная в октябре 2024 года Южным федеральным университетом в Ростове-на-Дону, VII-я Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические аспекты Российской экономики«, проводимая в ноябре 2024 года Ярославским государственным техническим университетом и пр.

Уже начиная с первого курса студентки вникают в научную жизнь и далее на протяжении всего учебного процесса формируют свое портфолио для поступления в будущем в магистратуру, собирают грамоты за научные достижения, сертификаты за участие в конференциях и круглых столах, благодарственные письма за участие в конкурсах на лучшую научную работу.

В завершении хотелось бы сказать, участие в научной деятельности очень важно для развития профессиональных компетенций и навыков студентов. Научная деятельность позволяет девушкам мыслить

системно, уметь анализировать огромное количество информации, планировать свой рабочий день, налаживать новые коммуникации со студентами из других вузов. Все это им потребуется в их профессиональной деятельности и карьерном росте. Но хотелось также отметить, что очень важно, чтобы девушки-студентки, не только занимались учебой и наукой, но и строили свою личную жизнь, создавали студенческие семьи, рожали детей и передавали им свои знания.

Список источников

1. Малые города Ивановской области: штрихи к социологическому портрету : коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Панкратовой. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2025. – 323 с.
2. Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2021 [Электронный ресурс]: тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 19–29 апреля 2021 г. – Электрон. дан. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021.
3. Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2022 : тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 19–29 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. (21 Мб). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022
4. Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023 : тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 10–28 апреля 2023 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. – 1036 с.
5. Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2024 : тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 15–27 апреля 2024 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. – 868 с.

Сетевое издание

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ДОСТИЖЕНИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции

Иваново, 6 июня 2026 г.

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Компьютерная верстка Н. С. Михеев

Издается в авторской редакции

Дата размещения на сайте 12.11.2026 г.
Уч.-изд. л. 8,5. Объем 857 КБ

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☏ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru